

БАРНАУЛ

литературный

Барнаул
большая семья

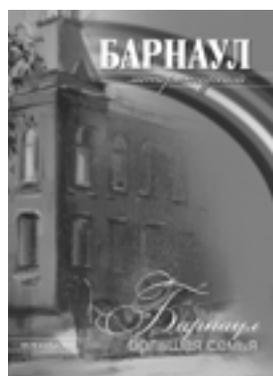
#4 /4/ ноябрь 2010

Сергей Хачатрян.
Канатоходцы.

БАРНАУЛ

литературный

В оформлении обложки
использована картина
Евгении Октябрь.

Редакционный совет

А.Н. Вайс
М.В. Гундарин
В.В. Десятов
М.К. Зимогор
Л.Н. Зубович
И.П. Кудинов
В.М. Лопаткин
С.А. Мансков
Ю.Н. Овиденко
В.Г. Паршков
Ю.С. Ряполов
Б.А. Черниченко
М.И. Юдалевич

БАРНАУЛ – БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Фарида Габдраупова: татарская генетика и русская душа. Беседа с Анной Фоминой	3
Фарида Габдраупова. Шок	4
Александр Родионов. Гавриил Качка. Магьярский след	6
Олег Гармс. Фридрих Геблер в Барнауле	10
Айдар Хусаинов. Аждаха	22
Вильям Озолин. Злиться, надеяться, мучиться, плакать!	28
Константин Гришин. «Давайте водить хоровод!»	32
Сергей Мансков. Быть ли русскому человеку в XXI веке?	36
Сэнди Кролик: «Россия все больше похожа на США». Беседа с Константином Гришиным и Владимиром Токмаковым	42
Дмитрий Золотарев. Ностальгия по сказке	46
ПОЭЗИЯ	
Елена Гешелина. Безрифменный сон	48
ПРОЗА	
Дмитрий Чернышков. Рассказы и миниатюры	52
ПОЭЗИЯ	
Екатерина Вихрева. Сезоны	58
ГОСТЬ НОМЕРА	
Дмитрий Марьин. Игра, доведенная до потребности	62
Валерий Золотухин. Рассказы бабки Екатерины	64

Номер «Барнаула-литературного» на этот раз посвящен большой семье национальных культур, творческих личностей, деятелей науки и просвещения, которой прекрасно живется в нашем городе и крае уже не одно столетие!

Огромный след в жизни Алтая и его столицы оставили венгр по происхождению Г. Качка в веке восемнадцатом, а в следующем столетии - родившийся в Германии Ф.Геблер.

Одним из лучших барнаульских поэтов века двадцатого можно считать природного латыша В. Озолина. А юноша из Уфы Айдар Хусаинов, попав на Алтай в конце 1980-х годов, сохранил и привязанность к нашему краю, и литературных друзей в нем, став известным башкирским прозаиком, поэтом, драматургом! Все эти имена представлены в нашей рубрике «Барнаул - большая семья». А еще в ней вы встретитесь с русской и армянской культурой, освещенной в Барнауле американцем, прекрасной поэтессой с татарскими корнями... С теми, кто и составляет вместе со всеми барнаульцами нашу дружную семью!

Редакция.

ПОЭТЫ В ГОРОДЕ:

**Людмила Гаркавая; Пауль Госсен; Дмитрий Мухачев;
Наталья Николенкова; Елена Ожич** **70**

ОЧЕРК

Сергей Бузмаков. Шукшина на всех хватит **72**

ПУБЛИКАЦИИ

Дмитрий Марьин. Легенды о Шукшине **82**

ГУМАНИТАРИИ БАРНАУЛА

**Дмитрий Золотарев.
Мягков – барнаульский художник** **86**

ПУБЛИКАЦИИ

**Виктор Зотеев.
Фрагменты жизни: военные воспоминания** **103**

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

Дмитрий Золотарев. Денис Октябрь **107**

ТЕАТР

Наталья Юмашева. Радость сбывшейся мечты **108**

КНИЖНЫЙ ОБЗОР

Владимир Ильиных «Максимов колодец», «Спроси свое сердце»; Игорь Хомяков «Ветры века выбирая встречу»; Евгений Евтушевский «Во глубине сосновых волн»; Иван Образцов «Квантовая лирика»; Константин Гришин «Красноармейский проспект» **111**

ВЫСТАВКИ

По ступенькам вверх **117**

Выставка двух художников **118**

Взгляд славы **119**

Новое алтайское фэнтези **120**

Журнал «Барнаул-литературный»

Учредитель: Автономное учреждение города Барнаула «Редакция газеты «Вечерний Барнаул»
Директор: Овиденко Юрий Николаевич.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Св-во о регистрации ПИ № ТУ 22-0174 от 14 апреля 2010 г.

Информационное издание.
Тираж 1500 экз. Дата выхода: 17.11.10 № 4
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:

г. Барнаул, пр. Ленина, 110. Тел. (3852) 362-534.
E-mail: barn-1@yandex.ru

Журнал отпечатан ООО «В-принт», 630049, г. Новосибирск, Красный пр-т, д.79/1.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Любая перепечатка или копирование рекламных материалов возможны только по предварительному согласованию с редакцией журнала.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Фарида Габдраупова – одна из ярчайших звезд барнаульского литературного небосклона и вообще городской большой семьи. Она автор нескольких поэтических книг (последнее время пишет и прозу), воспитатель литературной молодежи и просто человек, украшающий собой любое мероприятие, любую компанию, в которой появляется.

Фарида Габдраупова: татарская генетика и русская душа

Анна Фомина.
Фото из личного
архива.

Кажется, успеху Фарида немало способствует ее истинно восточный темперамент. Заметный, конечно, и в стихах - при том, что пишет она по-русски. И делает это превосходно! Как связан ее дар с ее национальными корнями?

- Фарида! Чувствуешь ли ты себя человеком иной национальности? Если да, когда это чувство пришло впервые?

- Представляете, все вокруг Лены, Оли, Ирочки, а я – Фарида, да еще с двухэтажной трудновыговариваемой фамилией. Конечно, свое отличие я ощутила с самого детства и очень благодарна родителям, что они дали мне национальное имя. Часто, когда я слышу необычное имя какой-нибудь известной женщины, оно оказывается псевдонимом. Например, Амалия Мордвинова когда-то была Людмилой, Мирра Лохвицкая была Марией... Представляешь, а я родилась Фаридой! Осталось только прославиться.

- Ты воспитывалась в традициях своей нации? Сама, например, знаешь татарский язык?

- Наша семья двуязычна. В детстве я и мыслила на двух языках сразу. Пока был жив отец, мы говорили на русском и татарском. Правда, на бытовом уровне. Скажем, английских слов я знаю больше, чем татарских. Но речь татар я понимаю лучше. Я говорю громко и быстро – это чисто национальное. Когда в наш дом приходили мои подружки и слыша-

ли разговор моих теток, они спрашивали, почему они ругаются; я отвечала, что они просто беседуют.

Наша речь очень эмоциональна: она сопровождается жестами, выразительной мимикой и яркими междометиями. Впрочем, как и культура. Когда я слышу татарскую музыку, то на подсознательном уровне ощущаю что-то далекое, но до боли родное. А эта рассыпчатая, заливиная татарская гармошечка! Всю душу разрывает, так бы и умерла, под нее танцую и каблукками стуча.

- А что тебе особенно нравится в татарской национальной культуре?

- Яркость! Не только речь, но и манера поведения и особенно одежда. Наша родня не была богатой. Но с детства я видела щедро одетых женщин – в шелка, бархат, парчу, украшенных цветными платками, брошками, серьгами, бусами, браслетами. Особенно это отмечалось на женщинах в возрасте. В нашей семье любили золото, красивую посуду, покрывала, ковры. Правда, я унаследовала лишь страсть к самоукрашению. Недавно я узнала, почему я разоряюсь на разнообразную обувь, особенно сапожки. Известно, что нынешние татары – потомки волжских болгар. Когда киевский князь Владимир со своим дядей Добрыней совершил поход на Булгарию, чтобы, покорив ее, наложить дань, то отметил, что все пленные были в сапогах, это было признаком высокого уровня жизни. В результате был заключен мир. У нас считается стыдным прилюдно ходить в сапогах и выглядеть нищим. При любом доходе надо уметь себя показать. Впрочем, как и встретить гостей. Все самое вкусное – на стол.

Есть в татарах какое-то подкупающее простодушие, открытость, что ли. Например, моя бабушка по отцу, жившая в деревне на Урале, все «лишнее» раздавала

соседским детям. Тетка привозила ей носки, рукавицы, шали, одежду, конфеты и строго наказывала больше не раздавать. А аняйка (матушка) в тайне от дочери все равно делилась своими подарками. А мне от нее досталось платье из редкой черной парчи. Даже при сегодняшнем изобилии материй, я не видела такой красоты.

- А религия? Ты считаешь себя мусульманкой?

- Тут сложно. Скажем так: в Бога я верю. И когда мне очень уж тревожно и надо срочно попросить помощи свыше, то я говорю: «Бисмилла ир-рахман ир-рахим...». Но опять же христианство как культуру, его историю я знаю лучше. Более того, в данный момент я преподаю в школе традиционную русскую культуру, в том числе и православную. Но символы исламской веры – полумесяц и солнце – мне кажутся красивее и загадочнее. Есть в этом что-то сладкозвучное, и в иной мир как-то не страшно попадать – словно в сказку. Крест и Христа я уважаю, и вообще считаю Иисуса образом истинной власти на земле. Чувствуешь себя вождем, хочешь, чтоб за тобой шли люди, – готовься быть распятым. А теперь все наоборот: вечно народ в чем-нибудь да виноват, и спросить не с кого. Но при этом не терплю, чтобы кто-то насильно меня подкрещивал, отворачиваюсь. Тоже, должно быть, память поколений. Татар ведь много, и живем мы в центре России, с древних времен нас пытались окрестить насильно. Некоторых удалось, есть крещеные татары с русскими фамилиями.

По логике вещей я должна быть религиозна, потому что появилась на свет «по божьему велению». Мой дед по матери был настоящий мулла, читал по-арабски (кстати, до 1929 года татары пользовались арабским шрифтом!). Сюда он был сослан из Казани как неблагонадежный и небедный в 1920-е годы. Мама родилась в первый год войны, была седьмым ребенком, и деду было уже за пятьдесят, но он настаивал, чтобы все дети рождались. Выживут – не выживут, это Аллах рассудит. А потом дед же очень хотел хотя бы последнюю свою дочь выдать за татарина. И когда у моей матери оказалось два жениха: местный рыжий «урес»

и пришлый солдатик-татарин, дед принял в дом бедного чернобрового солдата, нашего с братом отца. В мусульманстве не принято придавать Богу человеческий облик, но я вижу Аллаха с лицом моего деда Салахатдина. Еще - я стараюсь не есть свинину. В юности приходилось случайно, но теперь почти никогда. И наполовину русская моя дочь, не имеющая религиозных убеждений, тоже не любит свинину, говорит, слишком жирная и подозрительно белая.

- А как тебе мусульманское многоженство?

- Вопрос серьезный. Философский и культурный. Думаю, что татарам в центре России это не очень грозит. А если честно, то узаконенная полигамия мужчин, на мой взгляд, имеет разумное обоснование. И вполне соответствует продолжению рода. Мужчина может полюбить еще одну женщину и иметь от нее детей, но не может снять ответственности за разлюбленную прежнюю и их детей. Впрочем, и разлюбивать-то никого не обязательно. Все одинаковы в правах. Я согласна, что-то есть тут противное моногамной душе христианина. Но в положении, когда женщина не может себе и своим детям обеспечить достойную жизнь или не в состоянии разлюбить и простить своего неверного мужа, эта схема честнее, чем современное положение вещей в светских государствах, где мужчины бросают на произвол судьбы своих прежних жен, детей и внуков и открывают «новые светлые страницы своей жизни».

- А ты сама смогла бы жить в гареме?

- Ну, если не иметь в виду проживание в одном пространстве, то многие люди живут в «гареме», не подозревая об этом. Сама бы я предложила вполне творческое феминистическое решение: вашему гарему противопоставить свой! Это, конечно, шутка.

Я за любовь двоих, и это мне видится красивым и культурным. Любовь не всегда совпадает с обстоятельствами жизни, но я всегда помню, кто кем кому приходится. Жена — дело святое, надо уважать. Любовница — приятно, но - знай свое место, пока на тебе не женились. Две жены

одновременно здесь не должно быть. Вспоминается русская частушечка о том, что «мой миленок любит двух, а пускай он любит семь, я хозяйка буду всем».

- В этом вопросе наши культуры не сходятся. А в чем ты видишь общность восточной и русской культур?

- Наверное, на Западе русских воспринимают так же, как тут татар. Слишком яркие, шумные, экспрессивные. Мы ведь давно живем вместе, перемешались и культурно, и генетически. Есть такие чернявые русские, которые внешне татаристее иных наших. В моей родне все европеоидные и светлоглазые, кроме моей уральской бабушки, которая слегка башкирка. И в быту мы праздники христианские отмечаем — и Пасху, и Рождество, и Родительский день. В церковь не ходим, а стол накрываем. Надеюсь, что русские, живущие рядом с мусульманами, тоже отмечают какой-нибудь Рамадан.

Лично я с пиететом отношусь к солнечным праздникам, которые были у всех народов. А сколько личностей с татарской генетикой украшают историю и культуру России! И князья, и полководцы, и композиторы, и поэты, и дирижеры, и актеры. Мне не стыдно, что я татарка. Я и фамилию свою поэтому не поменяла, пусть трудная, язык сломаешь, но это фамилия моего отца, моего рода.

Фарида
Габдраупова

Шок

- А-а-а, сука... зверюга... падла... Люди, кто-нибудь, сюда... помогите!!!!...

Соседи деревянной улочки на окраине провинциального города долго еще будут обсуждать между собой этот нервный случай. Впрочем, чего только тут благочестивые миряне не вытерпели от местной гопоты и прохожих искателей чужого добра. И окошки в домах били, и все железо из огородов повытаскали. Пожалуй, не осталось ни одного дома, ни одного двора, не обшаренного рукастыми пацанами. Милиция сама собой... Но такого еще не было. Шок — не иначе. Средь бела летнего дня, в пятницу, по кривой дороге, вниз по улице с диким воплем бежал бедолага, подняв вверх остаток правой руки, завернутый в окровавленные тряпки. Сначала он испугал прохожую студентку невнятными просьбами вызвать милицию, скорую помощь или перевязать ему покрепче жгут. Девушка с тревожным состраданием посмотрела на несчастного и по наивности хотела помочь, но через пару секунд ее ужаснул не только свежий обрубок руки, но и висевший на другом локте пакет, из которого тоже сочилась кровь. Незнакомка вскрикнула и побежала прочь. Озлобленно-призывный стон еще какое-то время пронзал огородную тишину обывателей. Самые любознательные выглядывали в окна и за ворота, но там, где он пробежал и пытался стучать, никто не выходил. Потом все стихло. Очевидцы говорили, что на автобусной остановке люди добрые дали ему чистый пакет, тормознули машину, на ней он и уехал. Судя по всему — в больницу.

Пенсия у бабы Зои была маленькая. И если по сотне тратить на ежедневную еду, то оставалось только на лекарства, которые хошь-не хошь — приходится покупать. Дочери, как могли, помогали справляться с домом, но у них были свои семьи, свои дети и свои расходы. Жить в теплых квартирах было куда дороже. А баба Зоя ценила независимость и радовалась, когда могла лишнюю копеечку выделить еще несовершеннолетним внукам. Большой добротный дом, оставленный ей покойным мужем, стал для бабули надежным кормильцем. Муж-кормилец много лет назад был зарезан ножом прямо на улице неизвестным разбойником на глазах у семилетней дочери. Вдву вместе с девочкой таскали на очные ставки, но это только травмировало ребенка и вызывало тревогу у матери. Девчушка рыдала и помнила лишь то, как закрывала мокрую рану на пиджаке отца ладонками и носовым платком, потом побежала домой рассказать, что незнакомый дядька убил папу. Убийцу так и не нашли. Через месяц на соседней улице повесился какой-то зэк, на него и списали.

Зоин дом стоял на углу. У входа во двор, словно стражник, рос вековой клен с огромными раскидистыми ветками. Засматриваясь на дерево, бабка Зоя любила размышлять о ходе времени-жизни. Весной со ствола капал липкий сок, потом распускались листочки, как детки, и прилетали певчие птицы. Подростками ее девчонки лазили по толстым отросткам древа между ладонями листьев и сидели там, как две пташки, болтая ногами. Вдоль уличной ограды стояли в рядок березки; сверху, за высоким частоколом, строилось какое-то госросздание, сбоку — бесхозное жилище. Когда соседи умерли, их дети продали родительское гнездо человеку, которого ни баба Зоя, ни другие жители ни разу не видели. Но местная шпана откуда-то знала, что новым хозяином стал прокурор, и никогда туда не совалась, ну, разве что по двору шарились иногда.

Обычно баба Зоя с опаской осматривалась, принимавалась, прежде чем уйти из дома. Но в тот день, быстро навесив большой замок на деревянную дверь, поспешно смахивая с крупной, развесистой груди очесы длинных седых волос, энергично прихрамывая, по-молодецки вылетела за ворота.

Юрок, наблюдавший за бабкой, сидел на корточках за плетнем соседнего дома. В этом районе он был гастролером. От местного пацана он прослышал про пустую хату и про одинокую бабку тоже знал. В ее огороде можно было пожить травкой. Он пришел сюда на разведку, чтобы ночью вернуться наверняка. Его жадный молодой ум внимательно оценивал ситуацию, и глаза искрились от любопытства, желаний и предчувствий верного дела. Когда он заметил, как хозяйка сунула ключ под крышу над дверью, он почесал правую ладонь и понял, что пришел его звездный час, час его боевого крепления. До этой минуты в хаты он не входил.

Своего отца Юрка никогда не видел, хотя носил его фамилию. Его мать была еще школьницей, когда ее раскупорил вернувшийся из тюрьмы жених. Летом в окружении теплой деревенской природы так забирал его грубый прокуренный голос, его изголодавшиеся по девчонкам жаркие глаза. Когда Юркина бабуля узнала, что дочь уже безнадежно беременна, она пригрозила, что снова посадит паразита в тюрьму, если он тотчас не женится. Так Юрка появился на свет законным образом. Правда, папаша не долго радовался рождению наследника. Сыну не было и года, когда он подался в город «на заработки», где и исчез. Юркина мать тоже хотела в город. Под видом того, что ей надо разыскать мужа и требовать с него денег, она оставила спящего малыша бабушке и уехала осваивать новую жизнь. В тайне она подкопила денег, на них и жила первое время у дальней родственницы. Устроилась на рынке. Быстро смекнула, как взвесить так, чтоб не проторговаться да чтоб еще и в кармане осталось. Городская тетка безмерным гостеприимством не отличалась. Да и матери нужно было что-то отсылать, не то она час от часу грозилась привезти ей маленького сына. Так Юрка и мотался все свое детство между городом и деревней по родне и съемным квартирам. И в школу ходил то в деревне, то в городе, в зависимости от того, в какой фазе находились в данный момент отношения матери и бабули. Когда Юрке было лет тринадцать, мать уже выбилась в люди — работала парикмахером, жила в общежитии и нашла себе хахалю из клиентов. Мужик был неплохой, мастеровитый, приносил Юрке подарки и катал на дорогом автомобиле. У него и квартира имелась в городе. Правда, в квартире этой жила еще и хахалева семья. А тут как раз прошел слух, что за рождение второго ребенка положены от государства деньги. Мать как раз была беременна, взяла да и родила под эту удочку от чужого мужа еще одного сына. Вдруг да и повезет, вдруг да и ей перепадет что-то, не век же по общежитиям мыкаться. Да только мужик этот, хахаль, — так на ней и не женился. К сыну маленькому приходил и денег подбрасывал, а как узнал, что Юркин отец вот-вот из зоны вернется — и вовсе пропал. Испугался. Так и осталась Юркина мать дважды одинокая. И обещанных бонусов тоже не получила. Только и счастье, что дети есть — здоровые, симпатичные. Да и профессия — стрижка, маникюр, педикюр — позволяла повсеместно состригать денежки.

Юрка, как повзрослел, так быстро понял, что мир делится на людей честных и богатых. Есть еще сильно богатые, они ездят в больших машинах с черными стеклами, они правят миром, потому что у них есть доступ к крупным источникам богатства. Они и диктуют законы, по которым честные бедные становились еще беднее, а вороватые богатые соответственно — богаче. В мире, где воруют все — снизу доверху, включая больших начальников и профессоров, быть честным глупо. Честь оказалась не с руки и его окружению: ни его матери, ни бродячему отцу, ни приبلудному хахалю. Они ведь тоже должны были знать, что сначала люди женятся, а потом заводят детей. Одна только бабуля честно проработала в колхозе, сгорбилась вся и получала гроши, едва сводя концы с концами. И начал Юрка помаленьку подворовывать. Брать у богатых ему не позволяла квалификация. Умыкнет жвачку или шоколадку из магазина и радуется. Дальше — больше. Проявился у него воровской азарт и вера в удачу, как у рыбака или охотника. Стал он замечать кошельки и телефоны в сумках и карманах. Шуплый и проворливый, он легко доставал их и так же легко исчезал. Но тут и его заметили — свои же. Оказалось, что таких «мастеров на все руки» не так уж и мало. Велели вступить в союз, делиться, не то — с территории вон! И предпочел Юрок быть одиночкой. И свято верил, что где-то ждет его большое богатство, надо только почувствовать где и не упустить своего шанса.

В чем сомневаться? Бабка хромая. Ушла с сумкой. Полчаса у него точно есть. Да и вернется... Не убьют же друг друга. Попробовала бы она его тронуть — сама под статью

попадет. Гаркнешь на нее — да и бежать. И никаких свидетелей. Главное теперь — не терять времени.

На кривых стволах плетня сушились трехлитровые банки, словно отрубленные головы. Сбросив на землю ближайшую банку, Юрок перемахнул через заграждение, задел ногой еще одну, разбил ее вдребезги и, приземлившись на бабкину территорию, слегка поранил правую руку и не заметил, как выронил украденный накануне телефон. «К счастью!» — подумал он и, оглядевшись, пошел к двери по бурно растущему картофелю. Ничего страшного. У его собственной деревенской бабули был точно такой же тяжелый навесной замок, и ключ на засаленной веревочке она так же прятала неподалеку. Но, открывая чужую дверь, Юрок все же вздрогнул от резкого карканья ворон, слетевшихся на бабкино дерево. Тут же прямо к ногам гостя с крыши смахнул большой черный взъерошенный кот и удивленно посмотрел на Юрку, потом в наглую проскользнул с ним в сени. Тут Юрка смутился, увидев еще одну плотно закрытую дверь. А вдруг и там какой-нибудь тайный замок? На минуту ему почему-то не захотелось ее отпирать. Вкусно пахло сушеными травами, гремучими головками мака и грибами, на газовой плите дымился только что сваренный борщ, на столе гостеприимно молчали чистые ложки-тарелки. Сейчас бы пожрать да свалить отсюда, а если бабка нагрянет — покаяться да извиниться за непрошеное вторжение. А то, может, и помочь по хозяйству: я типа тимуровец. Но кот-зараза стал царапать обивку двери и призывно мяукать. И Юрка с легкостью открыл вход в дом.

«Надо же, даже половик такой же лежит, самодельный, с разноцветными полосками...». (В детстве Юрасик катал машинки на бабусином полотняном половике, стараясь не пересечь границы полос.) С каждым Юркиным шагом внутрь дома по цветной полосатой дорожке все тоскливей и тревожней скрипели половицы, но было ясно, как день, что в доме больше никого нет.

Жила баба Зоя не так уж и бедно. В просторной комнате, куда проник Юрок, лежал огромный ковер с яркими пушистыми цветами, словно растущими из него. Ценностей вокруг хватало: и массивный хрусталь в серванте, и нераспакованное белье в шкафах, и меха, и плоский экран на стене, как блюдо, по которому катают яблочко, чтобы открыть изображение. Глаза у Юрасика разбежались, но он собрался и первым делом поставил на стол часы, чтобы засесть тридцать минут. Сначала надо поискать бабло и золотишко. Деньги он нашел быстро. Обшмонал по воровской привычке карманы зимней одежды и вынул несколько сотен. Потом пошарил по закромам шкафов и постелей и нашел еще один клад. По ходу скидывал в кучу некоторые вещи, которые хотел унести. Хрусталь, пожалуй, можно и не брать: тяжело и стоит немного. Но одна вазочка на высокой ледяной ножке все-таки зацепилась ему за глаза и просилась в руки. Вот бы такую подарить матери или бабуле... Ух ты!... Вот они и цацки, тут и сверкают, как в ларце. На дне вазы, похожей на открытый череп, действительно лежал полный набор женских дорогих штучек: серьги с крупными красными камнями, перстень с рубином и длинная цепь. Все добротное, из старого золота, в разноцветных отблесках лучей, игриво улыбающихся в прозрачных вырезях хрусталя. На минуту Юрок оцепенел от неожиданно выскочившей и захватившей его удачи. Теперь бы только сумку найти, стремно с узлом-то среди бела дня... Тут его сознание выдало простое и легкое решение: уйти, как раньше, налегке — все, что спер, умещалось в карманах, вот только б вазочку прихватить, уж больно красивая. Кривоватые Юркины пальцы и ногти с прожилками грязи так не гармонировали с изящной ножкой хрустальной чаши, когда он ее схватил и потянул к себе.

- Ай, шайтан!

Дикий мужской голос раздался, как из другого мира, а сильная черноволосая рука с костлявыми цепками сучьями пальцев совершенно реально остановила Юркина замыслы.

Волна ужаса, как электричество, встряхнула все тело вора. Он ведь только что собственными руками запер обе двери, чтобы, в крайнем случае, сигануть в окошко. Но откуда ни возмись на его пути, словно в страшной сказке, возник волосатый чурила в одних трусах с бесстыдно оттопыренными сосками и конкретно, даже больно, сжимал запястье. Лица у чудовища не было, сквозь прорези надетой на голову маски горели повороньи черные глаза, неспособные по-человечески понять бедного Юрку.

- Отец! Ты кто? Отпусти меня Христа ради! Братушка, я тебе все отдам... — жалобно

пищал Юрок, выворачивая свободной рукой правый карман. — На — деньги, я больше ничего не взял... Дай мне уйти!..

Юркин мучитель, не отпуская его руки, подобрал с пола разбросанные сотни, вывернул левый карман вора и достал бумажки покрупнее. Юрка понял, что уличен по полной, но все еще надеялся на снисхождение дикаря. Отлупит, выпнет — да и дело с концом. Но разгневанный громила с непонятными возгласами «Вай, дивана!...» стал связывать Юрку висевшей на шее бельевой веревкой. Заранее подготовился, гад. Юрка стал изворачиваться, истерить, кусаться, орать и плакать. Тогда дикарь усадил его в кресло, крепко завязал рот чистым бабкиным полотенцем и неожиданно вышел.

Юркины глаза метались из стороны в сторону. Он придумывал для себя отмазы в случае, если этот идиот вызовет ментов. Пусть еще докажут, кто тут как оказался. Может, тут вообще открыто было, и он зашел водички попросить.

Соображать пришлось недолго. Через минуту волосатый сутулый урод вернулся — со стаканом и куском залежалого хлеба. Он заставил Юрку выпить огненной водички, остатками которой протер вору правое запястье. Перепуганный явлением незнакомца, Юрка предчувствовал что-то еще более ужасное, словно он падал в ад, и снова стал кричать:

- Ты кто такой, вашу мать... зови ментов, я сдаюсь, ментов зови, говорю...

Незнакомец в очередной раз лишил Юрку права голоса при помощи того же полотенца и вышел. Пленный Юрок слышал, как безликий верзила целенаправленно ходит по дому, моет руки, что-то распевно бормочет, словно молится; и с каждой минутой нарастала тревога где-то между ребер по поводу предстоящей судьбы.

Он вошел к преступнику одетый в черные чембары и белую рубаху с засученными рукавами, навис над ним со скрытым лицом правосудия и потащил к месту расправы. В сенях все было готово к совершению возмездия: накрытое белой простыней и клеенкой возвышение, на нем — царственно и ужасающе — еще не остывший от огня топор для мяса. Юркина участь была решена в секунды. Узнав имя своего мучителя и получив право крика, со жгутом на плече и с отрубленной рукой в пакете, он вылетел в открывшуюся перед ним дверь, оскорбленный, призывая на помощь добрых людей, готовый к справедливой мести.

Вечером к бабе Зое явился участковый. Бабушка как ни в чем не бывало вывешивала во дворе постиранное белье. Внимательно и безрезультатно осмотрев сени, он прошел по доверчивому приглашению в комнату, где и задавал вопросы — такие же, как и соседям. Не слышала ль она о кровавом происшествии, случившемся несколько часов назад. Баба Зоя удивилась его новостям, покачала головой и пояснила, что ходила за хлебом, а в доме оставались пришедшие в гости внучки. Хозяйка провела милиционера в небольшой, потаенный закуток, где на диване сидели-лежали две девчушки лет по двенадцати. Они уплетали крыжовник и смородину из бабкиного огорода и с любопытством смотрели на дяденьку в форме. Глаза у них были большие и точно ягоды: у одной — зеленые, у другой — черные. Девчонки дружно доложили, что, может, что-то и слышали, но в это время смотрели телевизор и на улицу не выходили.

- А знаете ли вы некоего Бабая Шурале? Может, у вас такой квартирант жил? — в очередной раз спросил участковый.

- Нет у меня никакого бабая, мой бабай уж тридцать лет как помер, а квартиранты неделю, как съехали, — ответила бабка.

- Я знаю, кто такой Шурале! — с энтузиазмом встряла зеленоглазая девочка.

- А! Значит, он тут был! — занялся участковый, — Он жил тут? Когда ты его видела в последний раз?

- Нет! Шурале живет в лесу.

- В каком лесу? — не понял страж порядка.

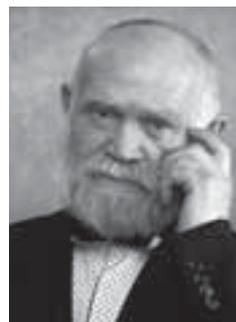
- Ну, он лес охраняет от всяких плохих людей.

- А бабайка, — добавила черноглазая, — это такой домовый, им непослушных детей пугают.

Милиционер ушел опрашивать других жителей. Потом написал отчет. А Юрий Аняйкин вернулся в деревню и больше никогда не воровал.

Александр Родионов

Гавриил Качка. Мадьярский след

Генерал-майор Петр Александрович Соймонов и статский советник Гавриил Симонович Качка разъезжались из Соликамска по разным дорогам. Первый продолжал свой инспекционный путь в Сибирь на Алтай по Бабиновской дороге напрямик на Тюмень – Тобольск, а Гавриилу Качке позволено было заложить небольшой по масштабам дороги крюк – ему не хотелось упускать возможности увидеть еще в отрочестве оставленную родину – поселок при Бымовском медеплавильном заводе, где он и появился на свет ровно через три года после основания плавилен – в 1739 году. Приметим эту дату: Качка – ровесник Барнаульского сереброплавильного завода! Бым – речушка невеликая, она впадает в более полноводную Сылву, где стоит знаменитый Кунгурский завод – многолетний соперник Соли Камской и Нижнего Тагила. Но в истории Урала и Сибири нет рек малого значения, все они вместе есть великая речная сеть страны, благодаря этой артезиевидной разветвленности путник свой путь по России правит, и вертятся на речках малоизвестных колеса лесопильных мельниц и рудоплавильных заводов, внося лепту посильную в общее дело. Точно так же, подобно речкам, нет при государевом дворе чиновников-винтиков, все они составляют единый опорный каркас государственной службы. А страна Сибирь, в которую следовал полковник Качка и генерал-майор Соймонов, им не тетка и не мачеха, а что-то вроде повивальной бабки семейного рода.

Отец Качки закладывал Бымовский завод как приглашенный из владений Габсбургов специалист, где и добыча руды, и ее передел металлургический достигли высокого искусства, и до того

уровня екатерининской России еще тянуться да тянуться. Вот долдонят сейчас с административных амвонов разной высоты: «Инвестиций нам, инвестора заморского подавайте!..», а в веке восемнадцатом Петр и его последователи не пустозвонили, а убеждали Европу, и она инвестировала зародившуюся промышленность России живыми умными людьми, судьба которых срасталась с судьбой будто бы варварской страны не одной мутовкой последующих поколений, пустив крепкие корни в русскую промышленную цивилизацию.

Что же касаясь генерала-майора Соймонова, то он тоже не хотел упускать возможности подробнее узнать Тобольск, где четверть века назад губернаторствовал его родственник — знаменитый картограф и мореплаватель, некогда опальный Федор Соймонов. ...Вот в Тобольске и догнал своего начальника — члена Кабинета Е.И.В., и дорога их на Алтай далее была совместной. Что знал о Колывано-Воскресенских заводах Гавриил Качка, направляясь туда по указу императрицы в мае 1785 года? Знал он про богатейший край, не только основываясь на циркулярах Кабинета, но из первых рук знания эти получил еще в молодые годы. Отец его — современник Ивана Ползунова Симон Качка, поработал на Змеиногорских рудниках опять же как специалист по горнозаводским делам. Конечно же, бывал и на Барнаульском заводе, где соединился в огне плавилен труд двух тысяч рудокопов и трех тысяч мастеровых и текла из Барнаула в Питер серебряная река. Урал и Алтай перекликались непрерывно, и в этом диалоге промышленном младшой брат Алтай к старшому прислушивался, не заслоня уха ученического ни расстоянием, ни высокомерным «сам с усам». Так что Змеиногорская горная округа утверждалась не без мадьярского опыта, не без «венгерской методы», внедрявшейся и на прочих заводах: Салаирском, Павловском, Сузунском. И Барнаульский отделял серебро от меди тоже по методу венгерской. И она властвовала на заводских дворах даже в те годы, когда Качка-сын получил в свое распоряжение всю Колывано-Воскресенскую

обширность: от Иртыша до Томи.

Поездка Соймонова на заводы бывшего Демидовского владения имела свои мотивы. Добыча и выплавка серебра упала крайне резко — выплавляли во времена генерала Порошина более 800 пудов, а при безосновательно заносчивом Ирмане серебряная поклажа каравана в Петербург составляла всего четыре сотни пудов. Не мог не спросить Соймонов горе-начальника Андрея Авраамовича: «А какое число мастерового и плавильного люда на рудниках и заводах?». «Да не более трех тысяч», — был понурый ответ. Соймонов выразительно посмотрел на Качку, и в том взгляде читалось: «Тебе дело поправлять предстоит». Далее расспрашивал генерал-майор Ирмана: «А как много мест рождения руды открыто? Чай, змеевская руда подрабатывается. Запас не вечен». Нечем было похвастаться горе-начальнику — мало что прибавилось к раннее известному, так, мелочь неглубинная. И еще раз глянул на Качку со знаком заботы член Кабинета Императорского.

Итак, на Колывано-Воскресенский трон, имевшим место быть в Барнауле, Гавриил Симонович возведен царским Указом с 1785 года. Соймонов попутешествовал по заводам, поднабрал, кроме рудных камешков, цветистых порфириров, яшм и кварцев разноликих, поднабрал да и укатил в столицу. А Качка засучил рукава и принялся разгребать завалы. Всю зиму ворошил планы и карты, отчеты и рапорта переворачивал, а в феврале собрал Совет канцелярии и задал задачу горному офицерству: «Без новых мест рождения руды, без новых заводов и с малым числом работного люда мы выше четырехсот пудов не поднимемся!». И тут же назначил девять партионных офицеров, которые по убытью половодья выйдут всяк в свой край: Петр Шангин по Чарышу на Коргон, Василий Гаузе по Томи от Кузнецка до Томска, Филиппу Риддеру выпало правое Прииртышье выше Усть-Каменогорска, Василий Чулков, будучи при Локтевском заводе, обстукает киркой горняцкой каждую сопочку с выходом каменным в верхах Алея и к западу от завода вплоть до кайсацких владений. И прочим пар-

тионцам — каждому свое поле деятельности обозначилось.

Что же позволяло новичку в алтайском горном деле действовать столь решительно? Да весь его служебный путь предыдущий. Прирастая к рудному и плавильному делу с младых ногтей, Гавриил жил в отчем доме, а Симон Качка не просто отец, но отец — учитель. В восемнадцать лет Гавриил оказался в Петербурге, он уже пробирный ученик и может дать толк и руде, и металлу. А через год и первый чин последовал — 1758 году Гавриил шихтмейстер. Это четырнадцатый класс — самый нижний, самое начало карьеры, что на наиболее понятном языке означает «коллежский регистратор». Путь дальнейший определен — монетное дело. А это не коридорные лясы точить, а работать в теснейшем ежедневном контакте с самим Иоганном Шлаттером, родоначальником нескольких монетных дворов по Российской империи: Пермь, Екатеринбург, Феодосия, Тифлис и, наконец, сибирский Сузун. Шлаттеровский «орднунг» воспитал в Качке и чиновника, и офицера, и дотошного горнозаводчика, что и показал Гавриил Симонович на Алтае в первую же свою самостоятельную весну. Едва дороги стали проезжими, начались поездки и инспекции. В редкие дни можно было застать полковника в Барнауле. Мне повезло читать его переписку с Кабинетом Императорского двора, письма Качки шли то из Змеиногорска, то из Локтя, то с Алейского завода. То совсем из другой стороны — из Салаира. Он буквально не спешил с коня, весь полевой сезон, когда тебе открыта каждая горка каменистая, он в седле! Вот тогда-то, в первые полевые годы, объехав все рудники и заводы, погорился в письме к Соймонову Гавриил Симонович по поводу алтайских горных инженеров: «Что же касается до обергиттенфервальтеров, то из всех оных, кроме Шангина, в руки взять некого. Я желаю, чтобы они все разошлись, и с поклоном бы их отдал, но наш атлас не идет от нас, кто из них слишком прост, кто пьян, кто с долгими пальцами...».

Эти строки Качка написал, отправляя Шангина на Коргон уже третий год под-

ряд. И было, нашлось, для чего посылать. Петр Шангин отрыл там целую камнесамоцветную провинцию. Счастье ему послужило в щедром 1786 году. Тогда же другой партионец Василий Гаузе проследил россыпи халцедонов и агатов от Салтымаковского кряжа до самого Томска, а с реки Ульбы, падающей в Иртыш, справа Филипп Риддер сообщал, что в устье ручья Филипповского он вышел на кварцевые жилы с видимым золотом. И там же неподалеку взяты образцы зеленоваторозовой кремнистой брекчии, которая залегает великими глыбами и должна хорошо «брать полировку». Можно представить, как возликовал в Барнауле Гавриил Качка, получив через нарочных эти рапорта. Порфиры Шангина и брекчии Риддера украсят через годы залы Эрмитажа и Павловского дворца, а золото Филипповского ручья обернется освоением огромной минеральной провинции, именуемой ныне Рудный Алтай.

Нет, нет, были рядом с Качкой на Алтае офицеры горные вовсе не пьяные и не с длинными пальцами, то есть не вороватые. Кто бы еще двигал развитие гидротехники на Змеиногорском руднике, если не Козьма Фролов? Кто бы еще механизировал первую в Сибири камнерезную фабрику на реке Локоть, как не самоучка Филипп Стрижков? Это по настоящему начальника заводов Качки по всем рудникам без оглядки на дворянство отбирались из «малолетов» наиболее способные и отправлялись в Барнальское горное училище. Из этого «гнезда просвещенности» вышел и помощник Ползунова Иван Черницын и великий «знарок страны Ташкентии» Тимофей Бурнашов. И тот и другой в разные годы возглавляли в чине генеральском Нерчинский горный округ, а это как никак побратим горного округа Алтайского.

Накануне прибытия Качки в Барнаул в 1785 году сереброплавильный завод давал около четырех сотен пудов валютного металла. Малая выплавка не в последнюю очередь была обусловлена малолюдием в шахтных забоях. Примеру, в 1770 году на Кольвано-Воскресенских заводах труждалось пять с половиной тысяч мастеровых. Из них рудокопов 2915! Гав-

риил Симонович будто бы повторно населил рудничные поселки, и к 1790 году на Алтае было уже 6695 рабочих людей. Только на Барнаульском заводе рядом с взрослыми плавильщиками находились 82 ученика. Стало быть, пекся начальник Качка о молодом подростке, о будущем заводе. А продукт заводской – бликовое серебро в слитках в два с половиной раза превысил уровень 1779 года, составляя более 1000 пудов в год. По три каравана серебряных уходило в Петербург ежегодно! И удивительное дело: идет себе караван дикой степью, уральскими лесами, а караулят-охраняют его пять-шесть солдат и один офицер. И ни одного ограбления за полтора века! Иной нрав имела империя. Нынче бы караван грабанули бы сразу же за городской чертой. А вот тогда нет, ни разочка даже не попытались грабануть...

...Накануне войны 1941 года в Барнауле воинствующие безбожники «бомбили» Нагорное кладбище и храм Иоанна Предтечи. Сотрудники Музея краеведческого умоляли власть придержащих: оставьте хотя бы памятники выдающихся людей: Шангина, Журина, Меньше, Фролова-отца, этнографа Гуляева... Неумолим был атеизм – храм развалили, неумолим был и партийный вандализм – памятники свалили ломами, надгробия разбили. Старожил города Сергей Иванович Пирогов вспоминал, как плитами с Нагорного кладбища мостили пол в милицейской конюшне на улице Льва Толстого. Придурки милицейские! У коня копыто роговое, но даже и роговое оно отличает холод каменного пола от тепловатого пола деревянного...

Вскоре после войны, в 1950-е годы во двор музея привезли уцелевшую плиту из красно-коричневого коргонского порфира. Музейные сотрудники Н. Камбалов и Н. Савельев только и смогли прочесть надпись надгробную – плита когда-то возлежала на могильном холмике, под которым упокоилась жена Гавриила Качки. Надпись на плите сделана на немецком языке и из нее следует, что супруга начальника заводов умерла в 1794 году. Было ей всего 38 лет.

Качка после личной беды недолго остался на Алтае. Через четыре года он подал в отставку и покинул Барнаул. Но в Петербурге он не затерялся среди многочисленных. При Павле I, лично уговорившем Гавриила Симоновича вернуться в кабинетскую службу, Качка возглавил Монетный двор, не забывая при этом споспешествовать развитию Сузунского монетного двора, устроенным на Алтае еще генералом Порошиным. Не оставлял он своим вниманием Алтай и в то время, когда в 1811 году был возведен в состав Сената.

1811 году картина управленческая на алтайских заводах снова приобрела смутные очертания. Дело развивалось не напереправу, и коней можно было менять. В Кабинете Е.И.В. к мнению Качки относились уважительно. Накануне отъезда в Барнаул из Петербурга в 1817 году к генерал-лейтенанту Качке пришел ново-назначенный командир алтайских заводов. Это был Петр Козмич Фролов. Он родился всего за 10 лет до приезда Гавриила Симоновича на Алтай и, разумеется, Качка знал его отца в деле, споспешествуя сооружению уникальных гидросиловых установок в Змеевском руднике. И даже не находясь на Алтае, Качка знал, что Фролов-сын построил на том же руднике первую в мире надземную чугуно-рельсовую дорогу, взметнув ее над горбатым рельефом на деревянную эстакаду. Фролов-сын был назначен на новую должность не без рекомендаций Качки. Генерал-лейтенант возглавлял на то время Департамент горных и соляных дел, а Петр Козмич Фролов с 1811 года руководил чертежной в этом Департаменте. Гавриил Симонович не сомневался – новая лошадь вывезет среброкоормящий страну Алтай из управленческой хляби на твердый тракт.

...Через полтора года после этой встречи в «Горном журнале» появилось скорбное жизнеописание Гавриила Симоновича Качки и его портрет. Где он похоронен в Петербурге, мне не известно. Фамилия Качки в России продолжения не имела. Его единственная дочь вышла замуж, и мадьярский след в истории Алтая и России исчез вновь. Вновь о мадьярах в Барнауле заговорили уже в годы Первой мировой, но это совсем иная история.

Олег Гармс

Фридрих Геблер в Барнауле

Периодизация жизненного пути Ф.В. Геблера

Жизнь и творчество Ф.В. Геблера состоит из двух больших естественных периодов: немецкий (1781–1808) и русский (1809–1850).

I. В немецкий период укладывается 27 лет жизни: домашнее детство (Цойленроде), лицейское отрочество (Грайц), университетская юность (Йена), становление молодого человека и специалиста-медика, начало врачебной практики (Цойленроде, Грайц). Эти годы уже были отмечены некоторыми успехами: блестящая защита докторской диссертации, занятия минералогией и членство в Йенском минералогическом обществе, успешное внедрение в повседневную практику оспопрививания, первые печатные работы по философско-нравственным проблемам медицины.

II. Русский период — период зрелости протяженностью в 41 год. Он более насыщен событиями, но неоднороден.

1. Годы первого контракта, подготовительные (1809–1815), внешне незаметны и практически не исследованы биографами. В это время у Ф. Геблера возникает новое и довольно неожиданное увлечение — энтомология. Это, скорее всего, связано с довольно ограниченными возможностями самого Геблера материального и социального плана для занятий естествознанием в эти годы. Геблер не путешествовал по Алтаю, он здесь жил и работал, а это гораздо сложнее. Необходимо было в кратчайшие сроки преодолеть языковой барьер, и он прекрасно выучился говорить и писать по-русски. Его русский почерк можно принимать за образец чистописания. Одновременно нужно было понять русский и сибирский менталитет и найти свое место в нем, определить иерархические взаимоотношения в сложной чиновничьей среде Кольвано-Воскресенского горного округа, наконец, просто привыкнуть к обстоятельствам места и времени, которые довольно резко отличались от немецкой и даже петербургской действительности.

Геблер, судя по всему, не был выскочкой и душой компании. Это был очень скромный человек, честный труженик на своем месте, вдумчивый по своей натуре. К тому же он вскоре женился, затем появился первенец (1812), и это накладывало на него свои естественные заботы. Но исследовательскую натуру, мудрую любознательность и любовь к природе, как известно, ничем невозможно заглушить.

В ограниченных материальных и социальных условиях первых лет в Барнауле почти единственным более или менее доступным объектом для изучения были насекомые. Это объективные причины возникновения нового предмета исследований Геблера-ученого. К субъективным, с нашей точки зрения, следует отнести знакомство и переписку с видными учеными-энтомологами того времени Генингом и Маннергеймом. Кстати, Геблер не сидит сложа руки и в этом плане. Он не теряет старые связи с университетскими учителями (Лодер) и заводит уже в эти годы переписку со многими учеными Москвы, Петербурга и зарубежных университетов. Достойным завершением этого во многом, можно сказать, подготовительного времени русского периода стал его первый и последний большой выезд за пределы Барнаула в европейскую часть России, посещение и личное знакомство с виднейшими учеными того времени в Петербурге и Москве.

2. Годы первых ярких энтомологических публикаций и сбора естественно- исторических коллекций (насекомых, минералов и горных пород, гербарий) — время страст-

ного личного узнавания природы Алтая вширь (1916–1830); общественная востребованность индивидуальных культурных и личностно-профессиональных, гуманитарных качеств Геблера в социально-инфраструктурном, архитектурном и культурном преобразовании Барнаула. Это время в биографии Геблера почти полностью совпадает с «золотым периодом» управления округом Кольвано-Воскресенских заводов П.К. Фроловым (1817–1829).

3. Инспекторские годы (1830–1849), узнавание природы Алтая вглубь. Полная востребованность в профессиональной и научной деятельности:

а) годы личных организованных путешествий (1833, 1834 и 1835) и «великих географических открытий» в Центральном Алтае (истоки Катуня, Белуха, современное оледенение Алтая, карта Катунского хребта, его орография, геология, первоописания животных и их ареалов); первое комплексное описание Катунского хребта и верхнего течения Катуня (второе на новом уровне своего времени будет сделано В.В. Сапожниковым в самом конце этого же века);

б) с 1837 по 1845 гг., обработка материалов, публикации, большая работа консультативного и практического характера в помощь различным путешественникам по Алтаю (оказание помощи экспедиции А.И. Шренка в 1840 г., П.А. Чихачева в 1842 г., Г.Е. Щуровского в 1844 г.);

в) с 1845 по 1849 гг., организация обучения младшего медицинского персонала в Барнауле;

4. Отставка. Уход из жизни. Конец 1849 г. – начало 1850 г. прошение об отставке, уход из жизни в возрасте 68 лет.

Мы обратимся к самым, пожалуй, плодотворным годам Геблера, проведенным им в Барнауле.

Геблер и Фролов

16 апреля 1828 г. Фридрих Геблер (после более чем двадцатилетней работы в госпиталях Барнаула и других сибирских мест) был утвержден инспектором медицинской и фармацевтической части Кольвано-Воскресенского горного округа. Должность инспектора предусматривала длительные поездки. Ему пришлось побывать в различных местах Кулундинской степи, на ее соленых озерах и в ленточных сосновых борах. Неоднократно он посещал территории современного Восточного Казахстана и Кемеровской области. Но особенно его привлекал к себе Горный Алтай.

Практически все, чем на протяжении веков восхищается человечество в древних Афинах, было возведено по замыслу и трудами великого патриота своего города — Перикла, в мизерный с исторической точки зрения срок его правления (443 г. до н.э. — 430 г. до н.э.).

Таким Периклом XIX века для Барнаула и всего Кольвано-Воскресенского горного округа, без сомнения, был П.К. Фролов. «И Томск, и Тобольск, и другие — все это города хорошие, прекрасные, настоящие сибирские, а Барнаул мне кажется чистым уголком Петербурга; я даже вам скажу, что он похож на заграничный европейский городок...». Так отзывался о нашем городе П.И. Небольсин, журналист, историк, этнограф, путешественник, один из организаторов Русского географического общества, побывавший здесь в 1845 году уже после смерти П.К. Фролова. Участник фроловских преобразований Ф. Геблер в это время был еще жив.

Петр Козьмич Фролов (1775–1839) — горный инженер, изобретатель и организатор горнозаводского производства на Алтае. На работу в горное дело был отдан в возрасте всего шести лет(!), поскольку продвижение по службе в немалой степени зависело от стажа. Через два года работы на сортировке руды отправлен учиться в Санкт-Петербург.

В 1793 г. П.К. Фролов закончил Петербургское горное училище и вернулся в родной Алтай. Досконально изучил все технологические процессы рудничного и метал-

По инициативе Фролова в Барнауле началось строительство горного госпиталя, училища и богадельни с церковью, обелиска в честь 100-летия горного дела на Алтае. Этот архитектурный ансамбль позже стали называть уголком Петербурга.

лургического производства, гидротехнические установки, проблемы транспортировки руды, что дало ему возможность стать изобретателем, конструктором и строителем первой в России чугунной дороги с конной тягой и других усовершенствований. В эксплуатацию дорога, построенная от Змеиногорского рудника до Корбалихинского сереброплавильного завода по проекту Фролова, была сдана в 1809 г. Год прибытия Геблера в Барнаул.

П.К. Фролов ведал Главной чертежной Колывано-Воскресенских заводов, сплавом руды по Иртышу на судах собственного изобретения.

В 1808 — 1809 гг. он проделал большую работу по упорядочению казенной библиотеки, в 1811 г. переведен в Петербург начальником чертежной экспедиции горных и соляных дел.

В 1817 г. П.К. Фролов назначен начальником округа Колывано-Воскресенских заводов, в 1822 г. одновременно — Томским гражданским губернатором. В годы его правления много сделано по механизации Зыряновского и Риддерского рудников, ряда заводов; построены первые в Западной Сибири бумажная фабрика и типография, основаны метеорологическая и магнитная станции, увеличилась выплавка железа, чугуна, свинца, производство серебра стабилизировалось на уровне 1000 пудов в год.

По инициативе Фролова в Барнауле началось строительство горного госпиталя, училища и богадельни с церковью, обелиска в честь 100-летия горного дела на Алтае. Этот архитектурный ансамбль позже стали называть уголком Петербурга. Совместно с доктором Ф.В. Геблером в 1823 году основал Барнаульский музей, для которого по его приказу было изготовлено 43 модели станков, машин, механизмов, в том числе модель «огненной машины» И.И. Ползунова, которая сохранилась до наших дней.

П.К. Фролов был известным собирателем и знатоком старинных русских книг, картин, других произведений искусства. Часть коллекций он подарил музею, казенной библиотеке, а также церкви Дмитрия Ростовского (картины религиозного содержания) города Барнаула (в настоящее время этот храм на площади Спартака медленно восстанавливается), Императорской публичной библиотеке. В 1830 г. он вышел в отставку, уехал в Петербург. Последующие годы был тайным советником, сенатором, членом различных комиссий.

По роду своих служебных обязанностей, а еще более по сродству неравнодушных и деятельных характеров, уровню культуры Фролов и Геблер находились в постоянных деловых и дружеских отношениях. В 1826 г. у них произошла знаменательная встреча и непосредственное научное сотрудничество с профессором ботаники Дерптского (ныне Тартуского в Эстонии) университета Карлом Фридрихом Ледебуром, который в сопровождении еще двух ученых предпринял путешествие по Алтайским горам. Вот что он сообщает: «9 марта около полудня мы приехали в Барнаул в светлый солнечный день и были очень рады увидеть приятные виды города... В Европе большей частью господствуют совершенно неправильные представления о Сибири... Тут я имел удовольствие встретить моего превосходного друга доктора Геблера и посетить его в его доме. До тех пор я не был знаком с ним лично, но уже несколько лет был с ним в переписке. От него я уже получил ранее немало сообщений об интересных явлениях природы в этой местности, и он обещал мне поддержку со стороны своего начальника округа».

Здесь же мы узнаем, что по инициативе Геблера ученики горного госпиталя направлялись в горы для сбора растений и семян; при госпитале по указанию Геблера постоянно велись наблюдения за температурой воздуха, которые, по предложению Ледебура, были дополнены также барометрическими наблюдениями за атмосферой — прообраз будущих постоянных метеорологических наблюдений. Чуть позже, с 1830 г., в Барнауле начнет действовать метеостанция. В 1826 г., по свидетельству Ледебура, госпиталь, аптека и музей находились уже

в каменных зданиях. В стадии строительства были большая больница, богадельня для инвалидов, сиротский дом для детей горняков и горное училище, т. е. постепенно получала свой современный образ Демидовская площадь. Это был действительно славный период управления Колывано-Воскресенским горным округом П.К. Фроловым.

Барнаул, по словам Семенова-Тян-Шанского, дважды побывавшего здесь в 1856 и 1857 гг., был «... бесспорно, самым культурным уголком Сибири». Он назвал его «... Сибирскими Афинами», оставляя название Спарты за Омском».

«Среди памятников сибирской каменной архитектуры встречаются сооружения, достойные занять место в ряду первоклассных. Ансамбли Тобольского кремля, бывшего плаца Омской крепости и старый центр Колывано-Воскресенских заводов в Барнауле — памятники архитектуры высокого общенационального значения».

Бросается в глаза мощная социальная и просветительская направленность всех начинаний Фролова и, очевидно, не без влияния его соратника Геблера львиная доля в преобразованиях и строительстве принадлежит объектам медико-социальной направленности. Есть указания на то, что Геблер стремился повысить зарплату фельдшерам и предоставлять больше возможностей для продвижения лекарских учеников.

Ледебур упоминает, что в северо-восточной части заводского двора находится больничный сад, большая часть которого используется под культуры редких сибирских растений, в особенности из здешней местности. В своих заботах об аптекарском саде Геблер также пользовался поддержкой П.К. Фролова.

Корпусный врач

18 января 1826 г. Ф.В. Геблер получил чин коллежского советника. Поскольку госпитали горного округа были организованы по военному образцу, положение Геблера, как их инспектора, соответствовало положению корпусного врача. Ему подчинялись дипломированные врачи, фельдшеры, ученики и цирюльники всего огромного Колывано-Воскресенского горного округа. Каждый врач отвечал за количество и качество припасов, за порядок и чистоту во вверенном ему учреждении. Главная аптека находилась в Барнауле. Медикаменты и инструменты поступали из Москвы. Больные получали «любое целесообразное средство», прописанное старшим врачом. Все это находилось под ответственностью Ф.В. Геблера. Медицинское обслуживание обеспечивалось всем нижним чином, горнорабочим, уже записанным в службу их сыновьям, солдатам горного батальона. В особых случаях принимали также старших чиновников, жен рабочих, служащих низших разрядов и крестьян горного округа. Первые лечились и кормились за счет небольшого вычета из их платы и провианта. Если они лечились амбулаторно, то они и их жены и дети получали медикаменты из аптек и госпиталей бесплатно. Старшие чиновники и их сыновья также получали медикаменты бесплатно, только за лекарства для их жен и дочерей с них взималась плата. Если больной не принадлежал к горному округу, он также получал в аптеке лекарства, но за плату. В подчиненных Геблеру госпиталях горного округа было 1127 коек, а всего в горном округе в то время работало 17 514 человек.

Такая обширная и ответственная область профессиональной деятельности Геблера, конечно, не способствовала его научным занятиям, и все же он находил время и для них. Необходимость многочисленных инспекционных поездок по всему Колывано-Воскресенскому округу, любовь к природе и наблюдательность, вооруженная современными знаниями и методами, позволили ему стать настоящим знатоком Алтая. Недаром Ледебур отмечает, что Геблер дал ему целый ряд ценных замечаний и советов в проведении экспедиции, основанных на многолетних наблюдениях. Поездки Геблера по округу были часто весьма нелегкими. В любое время года, при любой погоде, часто верхом на лошади или в маленьких санях. Конечно, это подрывало его здоровье, но несмотря на это, он продолжал ездить до самых преклонных лет, честно исполняя свой служебный долг.

В то время, как уже отмечалось выше, мир сибирских насекомых был почти совершенно не известен науке. За Геблером, несомненно, остается заслуга в развитии наших познаний о Сибири в этом и во многих других отношениях. Находясь за тыся-

чи километров от библиотек и коллекций, он постоянно зависел от помощи известных специалистов и поддерживал поэтому постоянную связь с известными зоологами, ботаниками, географами и путешественниками своего времени, как с российскими, так и с иностранными. Известны его связи с учеными: доктором Геннингом, Шенхером, Эшшольцем — участником кругосветной экспедиции, Отто Коцебу, Держаном, Маннергеймом, с директором Зоологического музея Академии наук в Петербурге академиком Брандтом, с Фишером фон Вальдгеймом в Москве, с берлинским зоологом Клюге и, конечно, с Александром Гумбольдтом, а также с ботаниками Ледебуром в Дерпте и с его спутниками Бунге и Майером.

Куратор Барнаульского музея

«Музей предназначен для учеников горного училища и местных любителей наук и содержит прежде всего сибирские предметы».

Ф.В. Геблер

В 1829 г. Московское общество испытателей природы подарило Геблеру «Энтомологию России», поскольку он принадлежал к самым прилежным собирателям насекомых и обнаружил большое число новых видов. Кроме того, Геблер чуть ли не ежегодно сопровождал различных путешественников, помогая им своим бесценным опытом. В этом же году Бюллетень МОИП опубликовал статью Геблера о задачах и структуре музея в Барнауле. «Музей предназначен для учеников горного училища и местных любителей наук и содержит прежде всего сибирские предметы. Если он не столь богат и обширен, как другие музеи, то это только результат следующих причин: 1. Недостаток государственных средств и вынужденное стремление увеличивать фонды только за счет частных лиц и невозможность приобретать предметы из стран отдаленных; 2. Недостаток помещений, который позволяет выставлять только наиболее интересные экспонаты, этот недостаток можно будет ликвидировать с помощью нового, уже запланированного здания». Из этих строк видно, что у музея до нашего времени (XXI век) сохранились те же проблемы, что и в первой половине XIX века. Положение музея несколько улучшилось, когда благодаря активным действиям барнаульской общественности император Николай II в 1913 г. распорядился отдать ему здание бывшей горной лаборатории, где он и ютится по сию пору.

Далее Геблер описывает структуру и фонды трех отделов музея: «первый отдел содержит естественно-исторические объекты», а именно зоологические, ботанические и минералогические предметы. Ботанический раздел содержит как подарок Ледебура «один экземпляр почти всех видов растений, которые он собрал со своими спутниками во время путешествия по Алтаю в 1826 г., и среди которых находится большое число новых видов, описание которых он поместит в своей Flora altaica...». Второй отдел посвящен истории культуры, третий — горному делу. С особенной гордостью Геблер указывает на то, что здесь выставлена модель паровой машины И.И. Ползунова, построенной в Барнауле в 1766 г. Большую часть своих коллекций — 1401 вид насекомых, Геблер также выставил в Барнаульском музее. К сожалению, эта коллекция не сохранилась до наших дней.

Ф.В. Геблер постоянно способствовал развитию музея. Нередко он использовал свое жалование на приобретение дорогостоящих экспонатов, которые, бывало, выписывал из-за границы: броненосец, хамелеон, крокодил-аллигатор, подаренные Барнаульскому музею, сохранились до нашего времени и являются теперь его старейшими экспонатами.

Знаменитый путешественник и ученый-географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский после зимы 1856-1857 гг., проведенной в Барнауле, писал: «Зима, проведенная в Барнауле, не казалась мне скучной, день проходил в разборке собранных мной богатых ботанических коллекций, в подробном осмотре и изучении предметов Барнаульского музея, в пользовании тамошней библиотекой и в ознакомлении с заводскими работами». Как можно видеть из этих слов, — Барнаульский музей представлял собой реальную научную и образовательную ценность.

Встречи с Гумбольдтом

«Из частных коллекций нас особенно заинтересовали естественно-исторические коллекции доктора Геблера».

Г. Розе

Одним из самых важных событий в жизни Геблера было посещение Барнаула Александром фон Гумбольдтом. Путешествие Гумбольдта со своими спутниками, профессорами Х.Г. Эренбергом и Г. Розе, по Уралу и Сибири можно назвать по тем временам молниеносным. Смысл такой поездки еще предстоит раскрыть. Возможно, передача на следующий 1830 г. Кольваново-Воскресенских заводов в ведомство Министерства финансов, которое было инициатором и организатором этого путешествия, в том числе с материальной стороны, что-то объясняет. По приглашению и с особыми поручениями царя трое ученых выехали из Берлина 12 апреля 1829 г. 21 мая они уже покинули Петербург. Проехав более 15 000 км, что было возможно только при отличной организации всего дела, путешественники во главе с Гумбольдтом уже 13 ноября вернулись в Петербург, а 28 декабря — в Берлин. Отчет о путешествии по поручению Гумбольдта составил Густав Розе.

В Барнаул Гумбольдт со своими спутниками прибыл, как писал Розе, «...ранним утром 2 августа. Окрестности города непривлекательны, однако пребывание в нем может быть очень приятным для местного жителя, поскольку здесь, кроме удобств жизни, можно познакомиться со многими образованными людьми, которые сосредоточены здесь из-за горных заводов Алтая. Иностранца интересуют, кроме этого, значительные плавильные заводы, а также частные и государственные коллекции различного рода, которые находятся здесь. Особое внимание обратил на себя в Барнауле музей, единственное в Сибири учреждение, которое обязано своим возникновением научному интересу и деятельности господина П.К. Фролова, а также доктора Ф. Геблера — немца, работающего уже долгое время врачом в Барнауле. Он сопровождал нас по музею. Из частных коллекций нас особенно заинтересовали естественно-исторические коллекции доктора Геблера, которые этот замечательный и очень активный коллекционер собрал за время своего пребывания в Сибири. Наиболее полной здесь является энтомологическая коллекция, поскольку она не ограничивается только Алтаем, по которому господин Геблер вынужден часто путешествовать по служебным делам. Минералогическая коллекция меньше, но она более связана с этой местностью, т. е. содержит большей частью минералы Алтая, что представляло для нас как раз особый интерес. За осмотром собранных предметов и за приятным беседой с господами Фроловым и Геблером незаметно прошли три дня. Таким образом, мы выехали из Барнаула вечером 4 августа».

Титанический энциклопедизм и космичность охвата и анализа современных ему знаний, неистощимая энергия ума и вместе с тем личная гармония разума и сердца в беззаветном служении науке, как божественному инструменту для весьма осматрительного преобразования природы и взаимосвязанного с ним человеческого духа, а уже как следствие параллельное преобразование его жизни — в таком мощном духовном потоке оказался Ф. Геблер при своем общении с А. Гумбольдтом, несмотря на этикет и личную сдержанность характера последнего.

Геблер жил и работал как раз в той части Сибири, где по тем временам наиболее интенсивно происходили преобразования в природе. Это были еще не преобразования природы, а преобразования в природе, но все же рудники и заводы существенно изменяли природу Кольваново-Воскресенского горного округа. Например, одно только выжигание древесного угля требовало большого количества леса, а воздух в Барнауле от выбросов завода был нездоровым, на что указывает Геблер, как на причину частых заболеваний дыхательных органов у жителей. Из-за истощения окрестных лесов (Кольванского бора) был давно (еще в XVIII веке) остановлен Кольванский завод и более уже не возродился как металлургический.

О впечатлениях от встреч с Гумбольдтом Ф. Геблер пишет президенту Московского общества испытателей природы профессору Фишеру фон Вальдгейму: «Я имею честь сообщить Вам интересную новость, а именно — господин Гумбольдт изменил план своего путешествия и неожиданно почтил нас своим посещением 2 августа в 5 часов

Одним из самых важных событий в жизни Геблера было посещение Барнаула Александром фон Гумбольдтом.

утра. Он пробыл здесь три дня и уехал вчера в 11 часов вечера в Змеиногорск. Не могу высказать Вам, как я был счастлив увидеть этого редкостного, любезного и уважаемого ученого! Он дважды почтил меня своим посещением».

Кроме того, Геблер описывает землетрясение, которое произошло 28 апреля 1829 г. в Зыряновском руднике и не причинившее никакого вреда на поверхности. Он отмечает, что в этом месте землетрясения случаются чаще, чем в других местах губернии, и высказывает предположение о связи этого явления с деятельностью горячих ключей в тамошних горах, что также весьма вероятным считает и Гумбольдт. Эти ключи, согласно его собственным и другим исследованиям, не содержат никаких минеральных частиц, только чистую воду. В этом же письме Геблер сообщает, что средняя годовая температура воздуха в Барнауле по его измерениям составляет 1, 72 градуса, и просит сообщить об этом Гумбольдту.

Конечно, Геблер, как истинный ученый, воспользовался присутствием знаменитого географа и его спутников для обмена научной информацией. Сам Гумбольдт, насколько известно, положительно и несколько сдержанно отзывался о нем, увидев в Геблере «ученого, большие энтомологические коллекции которого я имел возможность видеть в Барнауле». Собственно, вряд ли могло быть иначе. Для него Геблер был одним из многих и многих ученых, с которыми он встречался. Тем более, краткие сроки (три дня) и поспешность, с которой Гумбольдту необходимо было работать по существу задач, поставленных перед экспедицией, вникая в суть самых разнообразных природных явлений, вещей и методов горного производства, не оставляли места для более близкого знакомства и неторопливого научного и человеческого общения. И все же Гумбольдт дважды посещает Геблера для общения с ним. Очевидно, ему были важны знания и опыт, накопленные Геблером, и его мнение о географии и природе Алтая, посещаемого путешественниками столь поверхностно.

Медицинская служба и новые исследования

«Я должен также признаться, что я был более увлечен прекрасным цветением лугов...».

Ф.В. Геблер

В 1830 г. (29 июля) Ф. Геблер получил чин статского советника. В этом же году совместно с горным инженером А.И. Кулибиным он исследует пещеры на реке Чарыш с костями доисторических животных и окаменелостями.

Еще первыми исследователями Алтая было обращено внимание на описание костных останков вымерших животных. Так, в 1767 г. обербергмейстер Змеиногорска Лейбе сообщил о костях мамонта в береговых обрывах Алея и дал описание характера их залегания. Внимание ряда последующих ученых (Паллас, Кулибин, Геблер, Гельмерсен и др.) было обращено также и на изучение пещер и обнаруженных в них костей, среди которых оказались кости мамонта, шерстистого носорога, пещерной гиены, исполинского оленя, первобытного быка и других животных. Сведения о костных остатках, найденных в пещерах по Чарышу и Ханхаре, опубликованные рядом авторов, были обобщены И.Д. Черским (1891). Им приводится список 37 видов млекопитающих, кости которых были найдены в пещерах Алтая.

В 1831 г. Томскую губернию поразила холера. Все силы Геблер направляет на организацию борьбы с эпидемией. За «его усердие к общей пользе», а также за его метод лечения и описание этой болезни, посланное им в Медицинский совет, он получил одобрение начальства, а 14 апреля 1833 г. Ф. Геблер был возведен в кавалеры ордена Святой Анны второй степени. Это высшая награда, которая давалась за заслуги перед Отечеством, имела четыре степени. Для ее получения нужно было отслужить в офицерском звании не менее 15 лет в армии или как гражданский чиновник и не иметь при этом замечаний. 29 марта 1833 г. Петербургская императорская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом. Это была высшая степень научного и общественного признания.

Об аккуратности и пунктуальности работы Ф. Геблера, в том числе научной, свидетельствуют многие его письма своим коллегам. Например, цюрихскому академику доктору Освальду Гееру он в 1834 г. послал сопроводительное письмо к отправленным по тому же адресу насекомым.

В то же самое время, что особенно греет в Геблере-человеке — его неподдельная любовь к природе и детская увлеченность ее красотой и гармонией. Он забывал обо всем на свете, созерцая близкий его сердцу Алтай. «Из этого Вы увидите, что и здесь европейские виды более обыкновенны, чем специфически сибирские. Общее число видов жуков в Сибири, по-видимому, не столь значительно, вследствие наводнений не зарегулированных рек и весенних степных пожаров, суровой зимы и короткого лета, а также вследствие сурового климата. Многие в отношении распространения этих насекомых на различных высотах от уровня моря еще не исследовано, и мы несколько не хотели бы сравнивать более крупные роды по богатству видов с такими же родами в Швейцарии... Наиболее высокие горы Алтая достигают 11-12 тыс. футов. Граница снегов лежит на высоте 7000-7500 футов, верхняя граница леса на высоте 6000-6500 футов. Эти величины я надеюсь определить более точно при предстоящей следующим летом экспедиции.

До сих пор я только однажды поднимался до высоты 6500-6700 футов, и то всегда только на несколько часов... Я должен также признаться, что я был более увлечен прекрасным цветением лугов и другими предметами, чем прилежными поисками насекомых... Ваши замечания о цветении альпийских лугов соответствуют и здешней картине природы, луга за пределами верхней границы лесов очаровывают душу своим прекрасным видом... Но точного описания этой местности еще нет, многое зависит от влажности почв и от наклона на юг или на север. На южных склонах растения развиваются более роскошно, но цветы у них мельче, они также поднимаются выше по склонам, вплоть до самых вершин...».

В этом письме Геблер впервые для Алтая дает целый ряд тонких наблюдений и провидческих обобщений чисто экологического порядка.

Разумеется, пылкость ума, широта знаний и научных интересов, а также весь генизм его как ученого, врача, естествоиспытателя не могли удержать Геблера строго в рамках энтомологии. Он наблюдал также и за другими видами животных, изучал их. Известный путешественник П.П. Чихачев писал в 1842 г., что «господину Геблеру принадлежит несомненная заслуга в описании большого количества видов Алтая, в особенности жуков (вспомним хотя бы жужелицу Геблера и алтайского улара, занесенных ныне в Красные книги разного ранга), чем кому-либо из ученых со времен П.С. Палласа. Есть работы Геблера о ласке, о зайцах, о хоре, о журавлях, об орлебородаче, об алтайских тиграх и об алтайской индейке — уларе. Все эти виды описаны им с большим тщанием. Мы приводим выдержку из этой работы, свидетельствующую о точности его наблюдений и о его превосходном стиле».

Интерес к растениям у Геблера был также серьезен. По крайней мере в 19 ботанических работах других авторов упоминается деятельность Геблера как ботаника. К. Бэр четко указывает на то, что Геблер имеет заслуги и в изучении флоры Алтая. Так, он, например, первым описал свойства 50 растений, растущих в ледниковой сфере горы Белухи. Академик Брандт, эксперт Петербургской академии, подчеркивал, что Геблеру «вовсе не чужды были» новейшие и наиболее значительные растительно-географические труды.

К.Ф. Ледебур в работе над своей классической «Флорой Алтая» привлекал гербарии и заметки о растениях Геблера, он и другие современные ему ботаники назвали два рода и 17 видов растений его именем. Когда по инициативе Фишера фон Вальдгейма в южную Сибирь был направлен садовник Семен Мордовкин, чтобы собирать там семена и живые растения, руководство его работой Московское общество исследователей природы поручило Геблеру, как уже известному исследователю-ботанику. В мае 1819 г. он составил точную инструкцию, которая содержала в 17 пунктах весь план поездки по Алтаю, в том числе по озеру Зайсан, и точные указания по проведению работы. А 30 мая 1821 г. датируется еще одна инструкция Геблера для исследования Саянских гор.

К сожалению, гербария Геблера в Барнауле давно уже нет. Но в 1825 г. Императорский ботанический сад в Петербурге приобрел гербарий, который с 1200 видами растений еще сохранился в институте им. Комарова АН в Петербурге. Кроме того, гербарии Геблера имеют соответствующие институты Кембриджского и Оксфордского университетов, Музей в Манчестере (Великобритания), ботаническая лаборатория Лионского университета (Франция), Естественно-исторический музей в Вене и гербарий П.Н. Крылова в Томском университете.

Айдар Хусаинов

Аждаха (отрывок из романа)

Уже вчерашний день, едва заря коснется своими пурпурными перстами верхушек небоскребов, становится для нас загадкой. Что же говорить о тысячелетиях, что прошли до нас? И все же в странных снах мы видим картины, которые кажутся нам родными и волнующими, словно биение крови в висках, и, посещая некие пейзажи, мы ощущаем дежавю без каких-либо вспомогательных средств.

Что такое Алтай для меня, башкирского и русского писателя? То, что нельзя описать в двух словах. Но что на свете можно описать в двух словах? И потому я рассказываю о том, что видел, в надежде, что созерцателей было больше одного.

Айдар Хусаинов

Степь - дола - шелохнулась, стряхивая последние остатки дня, и рог луны засеребрился в темной пещере ночи. Душный запах трав налетел на малую речушку, всхлинула вода, и рыбы потянулись к поверхности, к теплу, в легкий сон. Травинки попадали с невысокого бережка, медленно поплыли, как бы за угол, поворачиваясь справа налево, пока не застряли на отмели.

Недалеко горел костер, освещая дрожащие на камнях струи, противоположный берег был уже безнадежно скрыт в легком сумраке, казалось, что движется нечто, но воздух ли это, или живое, или игра света - невозможно было бы понять, когда бы кто-то задумался над этим. Но думать было кому - в двух шагах от костерка сидел в полной неподвижности старый человек. Чуб седых волос закинут у него назад, лицо тихо шевелится, он думает. Перед ним разложены мелкие кости животных, скорее всего барана, и видно, что выпали они не совсем благоприятно. Пламя костра, как будто оно дошло до самого лакомого кусочка, затрещало и легко расширило светлое поле. Показался противоположный берег, что-то смутно блеснуло в кустах жирным светом черного серебра и погасло, поглотив этот блеск.

За спиной старика обнаружилась кибитка. Дверной ковер закинут наверх, вышла женщина, легко подошла к старику.

- Мальчик, — сказала она.

- Как? — вздрогнул старик. — Уже?

- Да, — отвечала женщина. Было видно, что она волновалась, очень устала, но теперь ее отпустило. — Хорошо родила, быстро. Старик с кряхтением поднялся, посмотрел еще раз на кости, лицо его сморщилось.

- Пойдем, поглядим, — сказал он и медленно пошел в кибитку.

Ночь засвистела, что-то тенькнуло, крикнула другая птица, костер умерил свой пыл и теперь только потрескивал. От нехватки освещения и кости как бы образовали другой узор, но человека возле них уже не было. Но тьма набирала силу, казалось, что сам воздух густел на глазах, противоположного берега речушки уже не было видно, не слышно было и журчания ее струй, только в кибитке послышался крик младенца. Раздались голоса старика и женщины, роженица слабо им отвечала. Она лежала, едва

различимая во тьме, после трудной своей работы. Все заботы были позади, оставались мелкие дела.

Вдруг повитуха слабо вскрикнула. В неверном свете очага показалась головка ребенка, на затылке, спускаясь со спины, росла длинная прядь волос.

- Ой-бой! — сказал старик, принимая младенца.

- Отродье Косматого! Беда-то какая! — запричитала повитуха.

- Смотри, Муйнак-карт, какие густые волосы!

- Да! — вздохнул старик, он уже рассмотрел младенца и теперь прижимал к груди как бесполезную вещь. — Да! Косматому нужна новая голова.

- А сколько их у него? — любопытство повитухи пересилило и страх, и усталость. Казалось, что все отступило прочь, никакого беспокойства не было, как не было уже ни измученной матери, ни младенца, притихшего на широкой груди старика, ничего. Никакой опасности. Сейчас вот пойдем и пустим ребенка по волнам, по слабым струям речной воды. Пусть встретит его Косматый и сделает с ним то, что ему и заповедано делать от роду.

- Трижды девять без одной, — сказал старик, и столько смысла оказалось в его словах, что повитухе стало тесно в плечах, она присела к очагу, переживая эти минуты рядом с огнем.

- Муйнак-карт, — сказал сам себе старик и опустился на большой сундук, скрытый покрывалом. Оно сбилось под принятой тяжестью и открыло угол сундука, старое потрескавшееся дерево, красное в неярком свете очага, крупные щели пересекали его, скрываясь в темноте. Так он сидел, и глаза его ничего не выражали, и повитуха, которая прибиралась в полутьме у постели роженицы, вздрагивала всякий раз, когда взгляд ее падал на старика. Тихая, очень тихая мгла слегка касалась его плеч, и там, где тело было обнажено — на руках, на широкой груди, видневшейся в прорези широкой рубахи, разгоралось белое свечение, как бывает вечером, когда последние лучи солнца втянутся за горизонт и в сине-черном небе вздрогнет искорка, другая, пока вся Лебединая Дорога не замерцает светом небес.

- Ой-бой! Что это? — сказала наконец повитуха. — Что у тебя с руками? Старик наконец очнулся, опустил голову и посмотрел на женщину. — Что?

- Смотри, ребенок-то светится!

- Айе, айе! — живо ответил старик, он приподнял младенца и стал его рассматривать с самым живым любопытством. — Какой батыр! Видишь, на плече царские отметины.

Голубоватое сияние, исходившее от ребенка, словно притянуло дым очага, он отклонился от прямого пути вверх и полукольцом прикоснулся к малому личику. Ребенок закашлялся и закричал. Его голос пробудил старика, он засуетился, отошел от очага.

- Смотри, какой он гладкий, сильный телом! — продолжал он. — Дадим ему имя Муйтан, он ничем не хуже нашего прародителя. Ничем, ничем, тот тоже родился в сиянии. Нет, Косматый, ты не получишь нашего Муйтана, нет.

Возбуждение старика росло. Он схватил широкое полотно, которое повитуха уже протягивала ему, и стал скоро заворачивать в него ребенка.

- Беги, разбуди всех, — говорил он повитухе. — Пускай никто не спит, пусть все шумят как можно больше. Каракулумбет и Канбулат пускай зарежут барана, того, что прихрамывает на левую заднюю ногу. Сегодня будет байрам.

Повитуха, обрадованная исходом трудного дела, выскочила за порог, и старик услышал ее голос: «Люди, усергены, суюнсе! Услышьте радостную новость! Муйтан родился!».

Послышалось недовольное бормотание, сонные голоса спрашивали, что случилось, не напал ли кто, не набег ли это — барымта и почему их тревожат в столь ранний час боевым кличем племени.

Посреди этого шума, доносящегося со всех сторон, что-то изменилось в кибитке. Очаг затрещал веселей, освещая кучу одеял, на которых спала роженица, старика, который не выпускал из рук спеленутого младенца, тот растерянно моргал и скашивал глаза, пытаясь на чем-нибудь сосредоточить взгляд.

Наконец, он остановился там, где темное, густое, как шерсть, как присутствие силы, медленно таяло, втягиваясь вовнутрь. Младенец что-то увидел, он шире раскрыл глаза и с любопытством наблюдал за исчезновением. На миг появилась тонкая серебристая нить в воздухе кибитки, как нечто запредельное, что чувствует человек, и видимо поэтому старик обернулся. Все исчезло, и струйка дыма переменяла цвет — где-то высоко первый луч солнца уже перешел дорогу ночи.

* * *

Они шли дорогой травы, желтеющей на глазах. За их спинами она уже сморщилась и опала, обнажив неровную землю, в которой с таким трудом сохранялись луковички растений и полувывсохшие корни их. Когда они перебирались с пологого берега встречной речушки на крутой через слабое русло, еле удерживающее воду, то было видно, как стояли в толще земли корни растений, как своими мертвыми телами они держали в железных объятьях каждую крупинку земли, не давая ей улизнуть от святого дела.

Дело-то было не простым — по весне, только растают могучие сугробы и вода пойдет разъяренной толпой по контурам рек, когда все, что лежит в земле, в мертвых объятьях корней, оживет и выбросит свой побег навстречу солнцу, и когда трава встанет на дыбы и покроет землю как густая шерсть, спасающая от жары и от холода, только тогда появятся степные блохи — лошади и степные вши — люди. Вот они идут, почти не разбирая дороги, — десятка два человек гонят лошадей, коров, овец. Сколько помнит себя земля, всегда они так, и всегда забота у людей одна — переждать зиму, продержаться и весной выйти в степь, показать — вот они мы, живы-здоровы, а что коров пасем да на лошадях ездим — так то к зиме готовимся. Но жестокое в самой середине земли солнце выжигает траву, а вода, которая могла бы умерить пыл огня, уже далеко, омывает другие берега и не может помочь, разве что редко-редко прольется дождем, но когда это еще будет? И поэтому люди идут за травой, туда, где она полна силы и стоит выше, чем они, в горы, где берут начало ручейки и реки, где растут деревья, где живет хозяин этих мест.

Когда земля отходит на покой, в вечеряющем воздухе можно видеть тонкие переливающиеся нити, редко-редко расставленные над землей. Это корни воздушных растений, они держат воздух, чтобы было чем дышать людям, их лошадям и коровам, траве, потому что и трава могла бы вырасти до неба и поглотить его, если бы ее не держали в узде.

- Скоро мы приедем на яйляу — горное пастбище, — думал старик Муйнак, сидя на своей лошади. Она медленно перебирала ногами, старик сидел прямо, привык, привык уже давно, с трех лет, когда его отец Котор-батыр впервые посадил его верхом и прошел круг, держа коня под уздцы. Муйнак-карт ехал в окружении своего рода, его сыновья Каракулумбет и Канбулат, невестки Уркуя и Айсылу, старуха Тулуа, Умбет-батыр, Сура-батыр, Кук Кашка-батыр, их жены и дети. Чувствуя приближение того, что он называл аушылык, что так же называли и отец его, и отец отца, и дед его деда, он повторял, чтобы не забыть, когда очнется, чтобы сразу вспомнить себя: «Я — Муйнак, мое племя — усерген, наше дерево — рябина, наша тамга — перекрещенные стрелы, наш клич — Муйтан!».

В человеке есть лишняя сила. Она заставляет его скрежетать зубами во сне, видеть чудовищ и прозревать будущее. Человек раздирает покров травы и с удивлением видит нечто, что через минуту он называет землей, почвой чем хотите, и начинает рыться в этом. Вырыв почтенную яму, он находит камень, он уже назвал его так, и вперяет в него свой взор. Камень молчит. Человек думает. Он не дурак, он понимает, что смотрит на камень и понимает, как это нелепо. Но камень он все-таки разбивает,

и тот, кто с трех раз угадает, что сделает человек с осколками камня, достоин тихой жизни на одной из отдаленных планет. Аминь.

Когда приходит забвение — аушлылык, человек не может с этим ничего поделать. Он не помнит себя, но и мир вокруг него изменяется, как будто все совершается при убавленном свете. Ветер сбивает скорость передвижения, трава выпрямляет костяки, кузнечики в траве ленивее прыгают в горячий воздух, и даже попав на губу жующей коровы, успевают отпрыгнуть в неизвестность. Никто не помнит себя.

По еле различимой тропе, скорее просто по направлению на восход солнца, едет маленький род. Жара полудня миновала, лошади чуть резвей перебирают ногами, делать нечего, и вот ты едешь и едешь, дорога то шелестит, то пылит, день бесконечен, и все, что отражается в глазах, — только тень, тень мысли, тень того, что могло быть, но не стало, потому что сила улетучилась, вернее, была схвачена, ее утащили за горизонт.

Широкая полоса ветра настигла их и взъерошила, как птиц, не успевших спрятаться под защиту кустарника или леса, уже видневшегося невдалеке. Послушно они продолжали двигаться. Лошади храпели, люди укрывались рукавом от ветра, вьюки болтались, грозя упасть на землю, но что было делать? Такова жизнь.

Медленно в темном воздухе проступали струи небесной воды. Сперва их было очень мало, как падающих звезд, — чиркнет одна, другая, заметные лишь боковым зрением, и, казалось, они летели к земле с какой-то неясной целью, и исчезали, разочаровавшись в ней. Наконец дождь полетел чаще. Крупные капли поместили крупы лошадей, мгновенно поменяли цвет одежды у всадников — она как бы выцвела, набухла, и в ней не осталось яркого цвета дня. Канбулат, сын старика Муйнака, стащил с головы меховую шапку, и дождь весело застучал по его почти облысевшей голове.

- Пляш-баш! — завопил он в приступе беспричинного восторга и, прищпорив лошадь, помчался к недалекой уже кромке леса. Дождь застучал сильнее, воздух прорезали белые капли, ярко видневшиеся на фоне мокрых деревьев.

Наконец они въехали в лес, и дождь, как бы ожидавший этого, утих. Капли дождя повисли на листьях деревьев, и все стало зыбко от солнечных лучей, заигравших в них. Жмурясь, прикрывая глаза, всадники медленно ехали по дороге, переговариваясь, выжимая одежду, уже думая о привале.

Показалась полянка, света стало больше, и показалось, что им навстречу выплеснулась сама душа леса, что-то необъятно радостное, лишнее, а сам лес сморщился, стал меньше, как все, что лишается души. На полянке горел костерок и было сухо, дождь прошел стороной.

На большом камне спиной к поддыхавшему Канбулату сидел человек. Его большая голова с всклоченными рыжими полуседеыми волосами торчала над хилым торсом, закутанным в шкуру настолько вылинявшую, что было не понятно, что за зверь заплатился своею жизнью и куда улетела его радость, составлявшая его душу. Старик (это был старик) сидел спиной к костру, но живо повернулся и посмотрел на Канбулата. Тот вздрогнул от прикосновения больших голубых глаз, было такое чувство, что он вышел из-за дерева и столкнулся с человеком, которого надо бы избегать. Канбулат зачем-то потрогал широкий браслет с красными глазками на правой руке, повернул его и, наконец, сел и стал снимать промокший насквозь халат.

- Кто будешь, бабай? — спросил он, разуваясь и отбрасывая в сторону сабата.

- Авлия, — важно отвечал старик, внезапно оказавшийся меньше ростом и приобретший юркую игривость в движениях. Что-то с ним было не то, или, вернее, он слишком быстро менялся, казалось, что тело его послушно мановению даже ветерка или того, что им двигало.

- Какие новости принес узуун-кулак? — спросил Канбулат, между делом проверивший, как его люди спешили и уже разжигали костры, бросая в них то, что лишено уже радости жить.

- Сын мой, — пожевав беззубым ртом и будто став много старше, сказал вдруг ав-

лия. В его глазах промелькнули сухие слабые искорки как бы умирения, и он продолжил надтреснутым голосом.

- Давным-давно, когда не было земли и неба, был туман.

Кони были уже расседланы и жевали горячими губами траву, дети затеяли веселую возню под присмотром стариков, блаженно греющихся под солнцем, хотя было не ясно, какое сейчас время суток. Дым от костров поднимался все выше и таял, что не означало, что он исчезал. Он просто становился невидим.

Канбулат посмотрел на старика. Теперь старик казался уже древним, как сама смерть или замшелые валуны возле самых подножий гор, скатившиеся оттуда в незапамятные для человека времена. Камень, тот живет иначе, быть может, для него это было вчера или даже мгновение назад.

- Был туман, а больше ничего не было, — повторил авлия.

Потом он помолчал, то ли обдумывая что-то, то ли желая придать значительность своим словам. Канбулат, который уже обсох и догрызал мосол, пустая миска из-под варева лежала тут же, переглянулся с невысоким, ладно скроенным родичем. Мужчины занимались своими делами, и только двое слушали старика.

- В том тумане появлялись и исчезали тени, слабые тени никогда не живших существ, никогда не бывших созданий. Они появлялись на краткий миг и тут же расплывались, в них не было радости жить. Они проходили туман насквозь, они сами были, да и есть, этот туман. А вот утица серая да селезень однажды встретились в этом тумане и увидели друг друга. И такова была сила взгляда, что они застыли в тумане, и сам туман стал застывать вместе с ними. Когда туман немного отвердел, он превратился в воду. Утица и селезень поплыли по этой воде, уже было видно их оперение, и лапки весело двигались, и крыльями можно было взмахнуть.

Когда пришло время вить гнездо, утица и селезень нырнули в воду и принесли в клювах немного земли. Под водой земля быстрее избавлялась от своей тени. Вот так появились на свет вода и земля, а за ними и небо, и все твари земные и небесные.

Костерок уже давно прогорел, появились и исчезли звезды, солнце опалило сидящих возле валуна, что-то происходило, что-то произошло, что-то должно было случиться.

- Кто-то должен держать пуповину земли, чтобы она не превратилась в туман, — сказал старик. Он, впрочем, уже казался бодрым старичком. Пальцы его рук шевелились, будто жили своей жизнью, но под рваным халатом не чувствовалось никакого движения.

- Мы живем на этой земле и делаем ее своей, — сказал Канбулат.

- Пошел по степи слух, что один батыр владеет сокровищем, — старик уже явно помолодел, и в глазах его блестело все сильнее и сильнее нечто ужасное.

- Кому и камча сокровище, — сказал Канбулат, не сводя взгляда с широкого халата старика. Лучше бы назвать его одеянием или рубищем — такие тряпки хозяйка выбрасывает прочь, держа двумя пальцами, а бывало, оглаживала бережно.

- Тот, у кого сокровище, никогда не спит спокойно и жизнь его полна неожиданных встреч. Мимо никто не пройдет.

Канбулат засучил рукав и обнажил браслет. Широкий, из трех полос древнего серебра, с красным глазом посередине, блеснувшим в лучах заката.

- Возьми, — он кинул браслет старику. Авлия удивленно принял его. Костлявая рука неуловимо обнаружила свою нечеловеческую сочлененность, он опустил глаза на браслет, и тут Канбулат вскинул руку. Стрела негромко свистнула, и железный наколочник пробил рубище. Авлия продолжал спокойно смотреть на браслет, замигавший тревожным светом в его руках, еще одно мгновение, и из горла авлии хлынула бурая каша, и он завалился набок. Браслет уже раскалился добела и легко прошел через рубище. Только туман выполз из-под него и, показавшись на секунду, исчез, стал невидимым.

- Собирайтесь, мы едем дальше, — негромко приказал Канбулат.

Под камнем, когда они уезжали с полянки, был только слабый трепет и блеск, и более ничего. Потом, когда они отъехали на двести или триста полетов стрелы, они долго сидели и говорили о том, что случилось.

- Зачем ты отдал талисман света? — кипятился Каракулумбет. — Наконечника стрелы было достаточно, чтобы убить порождение тумана. Что теперь, разбрасываться такими вещами? Сколько он нам помог, сколько из беды выручал, и на тебе — снял и бросил, как дырявый колчан какой или как козленок пару шариков навоза.

- Теперь это не больше, чем дырявый колчан. Мы не можем сохранить и Муйтана, и талисман. Авлия был прав — это слишком много для нас.

Канбулат пил уже третью чашку с круто заваренной матрешкой, и все еще думал о том, что случилось.

- Муйнак-карт, а правда, что все произошло из тумана? — спросил голос, скрытый в полутьме, куда не добирались языки полупотухшего костра.

- Да, так оно и есть. Когда-то был только туман, и больше ничего. Хвала нашим предкам — Йанбике и Йанбирде, утице серой и гордому селезню с красным оперением. По крохам собрали они землю и отстояли небо. Когда туман увидел, что его владения уменьшились до предела, он появился перед ними во всей своей мощи. Но Йанбике уже успела снести золотое яйцо — солнце. Яркими лучами пронзило солнце туман, и он вынужден был затаиться там, где все подвластно ему.

Но он не успокоился, он шлет и шлет на землю своих рабов, хочет развязать путы, которыми крепится солнце к небу — его гнезду. Тогда его можно будет разбить, и туман поглотит все, и все вернется, время, когда нет времени, место, где нет места, и мы там, где нас нет.

Тот, кого мы встретили, был авлия — посланец тумана. Он хотел забрать с собой Муйтана. Но Канбулат отдал ему талисман света, и авлия вернулся к своему хозяину.

- Да, — сказал Каракулумбет. — Попали мы в переделку. Значит, нам надо мальчишку беречь. Он-то зачем этому авлие был нужен?

- Слышал я от старых людей, что Косматый стережет те золотые путы, которыми солнце привязано к небу. Каждую тысячу лет он улетает за гору Каф, чтобы набраться сил на новое тысячелетие. Говорят, что там до сих пор лежат те яйца, что снесла Йанбике — серая утица. Каждые тридцать лет Косматый забирает по младенцу от всего рода человеческого. Своей головы ему мало, да и сил вместе побольше. А туману выгодно, чтобы аждаха ослабел. Тогда его можно будет взять голыми руками, как новорожденного волчонка.

Ночь прошла спокойно. Погода наладилась, и снова солнце светило как ни в чем не бывало, подсушивая траву, за которой в горы шел маленький род старика.

* * *

Зашуршал кустарник, ветки зашевелились, и на поляну выбрался невысокий человек. Луна сдвинулась с места, ее луч во мгновение ока изменил соотношение света и тьмы на поляне, и стало ясно, что это подросток мужского пола. Большая меховая шапка с угадываемым лисьим хвостом за спиной надвинута на самые глаза, их не видно в полутьме, но чувствуется, что мальчик насторожен. Меховая же телогрейка без рукавов застегнута по самое горло, шаровары изодраны о колючки кустарника, видно, пришлось идти без дороги. Мальчик стоит и слушает воздух. Тишина.

Тишина нарушается уханьем совы, она где-то рядом. Мальчик вздрагивает и бросается прочь с поляны. Ветки колышутся еще мгновение — другое, и луна, покидающая сей угол неба, забирает с собой неверный свет, как кочевник, оставляющий после себя круглое темное пятно. Здесь жил человек, стояла его кибитка.

Вильям Янович Озолин в молодости много странствовал – по Сибири, Дальнему Востоку и Северу. Был матросом, геологом, рабочим, журналистом... Долго жил и работал в родном Омске, где до сих пор многие его знают и любят. Последние 17 лет жил в Барнауле, здесь выпустил несколько книг стихов и прозы. Те, кто начинал писать в восьмидесятые, наверное, навсегда запомнят его поддержку и добрые слова, которых в то время услышать было ой как непросто. Пишущий по-русски Озолин всегда гордился своими латышскими корнями. Его дед был командиром дивизии латышских стрелков, героем революции. Отец, Ян Озолин, поэт, участник покорения Крайнего Севера (оба расстреляны в годы репрессий). Не раз бывал Озолин и в Риге, но считал себя прежде всего сибиряком. Стихи печатаются по рукописям, предоставленным семьей поэта.

Вильям Озолин
1931 – 1997

Злиться, надеяться, мучаться, плакать!

Баллада о ночном солнце

Яну Озолину, отцу

*Ночное солнце мчало, накреняясь,
над Карским морем
и обским туманом.*

*Поэты шли, матросы шли бранясь,
вели суда на Север капитаны.*

*Над Арктикой пылали матерки,
да так, что в стужу
становилось жарко.*

*Спешили на поклон материки
В полярный порт – в советскую Игарку.*

*И ты там был. Еще снега мели,
и стыло море в долгий час отлива –
но бредили в Обдорске корабли
нелегким льдом чукотского пролива!*

*Ты твердо шел в тридцатые года –
как в бой идут – без страха и оглядки.
Ты строил маяки. И ты тогда
прошел свой путь –
до берегов Камчатки!*

*Сдавало сердце, десны жгла цинга,
но ты твердил, что надо, надо, надо!
– доставить нефть
к таймырским берегам,
хлеб – в Хатангу, смолистый лес –
в Анадырь!..*

*Ты твердо шел. Твои глаза чисты.
Теряя нарты, путая дороги,
ты жег поэм последние листы,
спасая обмороженные ноги.*

*И все ж однажды на закате дня
(он в Арктике холодный и короткий!),
романтику и непогодь кляня,
ты в дом вошел усталую походкой.*

*Как схваченный в капкан
полярный зверь,
с нордической суровостью врожденной,
ты тяжело поглядывал на дверь,
еще не веря в то, что побежден ты,*

*А утром ты повел меня к воде,
чтоб я запомнил властный зов прибоья...*

*Ночное солнце в золотой ладье
в последний раз проплыло над тобою!*

Баллада о памяти

*Лет десять, не меньше,
Я не был на этом причале.
Уехал. Скитался. Хотел позабыть...
И забыл.
Мотало меня по волнам, по ветрам,
по печали...*

*Вернулся — опять всколыхнулась
забытая быль:*

*«...Неяркое солнце
на небе осеннем, безбрежном.
В белесом тумане
растаял последний паром.*

*Последняя птица
взмахнула крылом белоснежным.
Последняя лодка
на ветреном пляже сыром...».*

*О, добрая память!
Зачем ты меня обманула?
Ты скрыть захотела,
о ком я тоскую, о ком...
Не птица тогда мне
крылом белоснежным взмахнула —
А женщина в белом
прощально махнула платком...*

Не возвращайтесь

*Не кличет,
Не скачет мой кречет,
Не хлещет крылом!
Ушедшее давит на плечи,
Грущу о былом.
Как в юности, смутные чувства
Тревожат мне грудь.
Как в юности — грустно и пусто!
Попробуй забудь.
Попробуй не вспомнить,
А вспомнишь —
Заблещет, как нож.
Как будто в картину,
Которую вспорешь,
Войдешь.*

*Знакомое там население,
В далекой стране.
Вхожу и, скрывая волнение,
Стою в стороне.
Там друг мой,
Мой милый, мой юный,
Лежит на песке,
Пытается желтые дюны
Зажать в кулаке.*

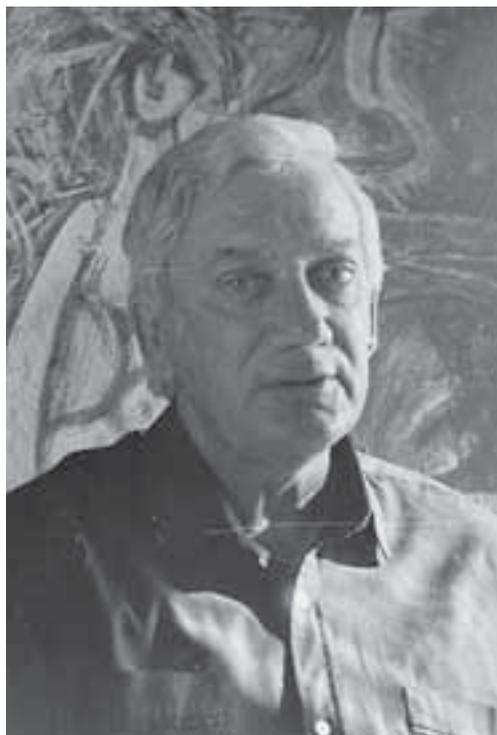
*Струятся песчинки, струятся
Века из песка.
Мой друг начинает смеяться.
Устала рука.
Знакомые лица! В сторонке
Стою, как чужак.*

*Любимой когда-то девчонке
Я делаю знак.
Напрасно!
Не слышен мой возглас,
Бесплотен мой взгляд...
Скорее, скорее — в свой возраст.
Скорее — назад.*

Завидую тебе

*А ты до закатного часа
Когда-нибудь звезды видал?
А в первый морозец на сене
На звонком лугу ночевал?
А может, тебе строганину
На Севере есть довелось,
Тюленину есть, оленину,
Медвежью обглаживать кость?
Гнать нарты по свежей пороше,
С упряжкой в снегу ночевать...
А после у друга с морошкой
На стойбище чай распивать!*

*Я сам по крови непоседа —
И в поле, и в тундре бывал.
И все это лично изведаль:
В стогу и в стогу ночевал!
Но если случалось все это
В твоей распрекрасной судьбе,
Я все же скажу по секрету:
Завидую крепко тебе!*

Лирика

*Ах, лирика моих осенних дней! —
Беседа тихая, без лишнего искусства,
Спокойствие и равновесье чувства,
Как лес березовый — без листьев
и теней.*

*Свиданье с женщиной
в холодном ноябре!
На площади, в колонне
демонстрантов...
(Мне самому, признаться,
очень странно:
Любовь, а столько снега на дворе!)*

*А разговор наш. Сколько в нем тепла!
С ресниц пушистых смахиваю иней
И в варежку ее вдыхаю имя,
И радуюсь —
Как женщина светла!*

* * *

*Это бывает лишь в юности. Это —
Сердце разбитое, пепел и шлак.
В самом разгаре веселого лета
Вздорная, плечики вздернув, ушла...*

*Злиться, надеяться, мучаться,
плакать!
Милая, что же наделала ты?
Так на перроне бросают собаку
Средь равнодушной людской суеты.*

*Что ты наделала! Спелые гроздья
Взглядов твоих позабыть не смогу.
Что ты наделала! Ржавые гвозди —
В сердце, как в лодке на берегу...*

*Опустошенность. Скамейка. Аллея.
Красный зрачок сигареты погас...
Ткнулся мне в локоть, любя и жалея,
Маленький, как жеребенок, Пегас...*

*Маленький мой жеребеночек!
Это —
Звездочка тихо по небу прошла...
Юность. Любовь. Одиночество. Лето.
Вот наша дружба когда началась...*

Строка

*Власть слова изреченного — крепка!
И все же можно взять его обратно.
Но крепче изреченного стократно
Однажды иссеченная строка.*

*Пусть даже — на поверхности песка,
Пусть даже и сотрет ее прибором...
Но мы уже разлучены с тобою
Строкою той, как пулей у виска.*

*Бросок волны —
и след строки растает...
Строка — судьба, знаменье, кара, рок!*

*Не вырубишь, не выжгешь,
не исправишь
И ничего к ней больше не добавишь...
Не горьких дум боюсь, а горьких строк!*

У памятника Пушкину в зимний день

Чугунные кудри на морозе стынут.
Гордая склонилась голова!
В этот зимний день к тебе, как к сыну,
Приходит вся Россия, вся Москва.

Холодно, холодно! Морозный дым
над площадью.
Народу много — некуда встать.
Может, было бы теплее и проще
У печки книжку перелистать?

У моей соседки мерзнут коленки,
Колко серебрятся косичек пучки.
— Смотри, — говорит, —
там, у черной ленты,
Словно застывшие стоят старички...

Кто теперь сравнится с ним?
Не знаю... —
Тихо и задумчиво говорит она.
— Хочешь, — говорю я ей, —
стихи прочитаю?
Поэта — чья судьба
оборвалась, как струна.

Его судьба — свобода, песня, дорога!
Его убили в спину, не показав лица.
И нынче для поэтов
чугуна много,
И нынче для поэтов хватает свинца...

Посмотрела на меня
пристально, зорко.
Посветлела, улыбнулась почти:
— Хорошо, — говорит, —
читай Гарсиа Лорку.
Испанского Пушкина мне прочти!..

Над Тверским бульваром —
стало сине!
Снежная дорога — раскаленный песок!
Русскому поэту
в январский день инеем
Запорошило чугунный висок...

* * *

Так просто прощались, как будто
Оставлю незапертой дверь.
Так тихо сказал:
— Не забудьте...
Так тихо — что страшно теперь.

Уже стоколесное эхо
Просыпало дрожь в березняк:
Уехал,
уехал,
уехал...
А я все не верю никак.

Сухую травинку ломаю,
Пустую пушинку ловлю...
И только теперь понимаю,
Как вас беззаветно люблю.

Давид
Штеренберг.
Натюрморт.

«Давайте водить хоровод!»

Константин Гришин

Охотница за песнями

Молодая, амбициозная выпускница Саратовской консерватории Ольга Абрамова приезжает в 1979-м на Алтай. Что она делает в свой первый день в Барнауле? Она отправляется в Шишковскую библиотеку, а затем на вокзал — покупать билет в Красногорский район. У Ольги есть заветная мечта — создать песенный и танцевальный коллектив, который будет исполнять совершенно особую музыку, которую почти никто не слышал... Ту, что пели наши предки и что доживает свои последние дни в глухих русских деревнях, где живут последние ее носители — дряхлые дедушки и бабушки.

Ольга садится в автобус и погружается мыслью в свои авантюры. Она хочет возродить русскую песню. Но сначала эти песни нужно добыть. Может быть, придется объехать весь Алтай, надоедать старикам, размахивать перед ними блокнотом, упрашивать их спеть старинные песни незнакомой девушке... Еще нужно зарисовать традиционную русскую одежду. Она лежит в деревнях по сундукам, а без нее никак, потому что участники Ольги-

ного ансамбля, который пока существует только в мечтах, должны выходить на сцену в русских костюмах. Девочки — в кокошниках.

Мысли Ольги неожиданно материализуются. Автобус въезжает в русскую деревню. Здесь, знает Ольга, живут кержаки. Накануне она читала о них книгу в Шишковской библиотеке. «Слово-то какое — «кержак»... У меня дед кержак. Но это такая обзываловка! Когда психану, говорю так, со скрипом, — кер-жак... И то — про себя, не дай бог, чтобы он услышал...».

Ольга выходит на пустынную улицу, щурясь от солнца. 5 сентября, и день такой теплый! Она в белой футболке. Вот и русские избы, и, кажется, в каждой из них есть человек, который знает хоть одну песню...

Из-за крайней избы показываются два мужика с окладистыми бородами. Их слышно издали: шумят, спорят о чем-то... Идут-то в сторону Ольги. Ольге смешно: она сейчас будет здороваться с людьми в три раза старше ее, и ей любопытно, что они ей скажут, как поздороваются: скажут «привет», «здравствуй» или «здравствуйте»?

Кержаки останавливаются в трех метрах от девушки. Один говорит что-то вполголоса товарищу. Тот внимательно смотрит Ольге пониже подбородка и говорит:

— Быстро иди одевайся. Вон мануфактурная лавка. Купишь там холстины и прикроешь срам.

Ольга догадывается, что речь идет о ее груди.

— Такая вот встреча с русской деревней, — смеется Ольга Алексеевна тридцать лет спустя.

«Мы делаем шоу»

Сейчас Ольга Алексеевна Абрамова — художественный руководитель национального театра народной музыки (ранее ансамбля) «Песнохорки», созданного в том же году, когда Ольга Алексеевна приехала на Алтай — в 1979-м. Ансамбль «Песнохорки» изначально был организован на базе Барнаульского музыкального училища как учебный коллектив. Название «Песнохорки» — неологизм, придуманный сразу же после первых экспедиций из двух слов: «песни» и «хоры», в котором заложен принцип исполнения народных песен — хором, артелью.

За 30 лет своего существования ансамбль стал лауреатом премии Ленинского комсомола Алтая, лауреатом ВДНХ СССР, Демидовской, Славянской премий и премии Алтайского края. Много раз коллектив народного театра «Песнохорки» выезжал в Восточную Европу — в Польшу, в Венгрию — на фестивали народной музыки.

Жизнь народного театра — в разъездах: летом — поездки в алтайские села за фольклорным материалом, главным образом песнями, зимой, весной и осенью — гастроль, работа в звукозаписывающих студиях и организация городских праздников. Барнаульцы знают, что 6-7 января, в тридцатиградусные морозы, на площади Сахарова люди водят хоровод, и организуют его «Песнохорки»!

«Мы делаем шоу, — говорит Ольга Алексеевна. — Идем с народом играть. Мы проходим со свечами, свечки людям раздаем. И всегда в это время 30 градусов. С нами выходят дети, начиная с двух лет. И почти полвыступления у нас игровая программа. Хоровод водят человек 600-700. Мы поем и духовные песни, и игровые, поцелуишные. Скучно никому не бывает».

Действительно, с Ольгой Алексеевной не соскучишься. В 1985 году во Дворце спорта она вышла на сцену после первого, официально разрешенного выступления русских рокеров. Зал полон металлистов, людей с цепями. И тут появляются «Песнохорки» и выносят на сцену соломенное чучело. И Ольга Алексеевна обращается к этой своеобразной публике: «А давайте играть! Бросьте свои цепи, давайте водить хоровод!».

«Я всегда была авантюристкой, — говорит Абрамова. — И все, и алтайское начальство, и люди из зала ждали от меня каких-то необычных решений. И я старалась всегда оправдывать эти ожидания, старалась выкинуть какое-нибудь колечко. Люди ждут праздника, взрыва — зачем их разочаровывать?».

Семейный бизнес

Ансамбль — не единственное детище Ольги Алексеевны. Уже 15 лет в Барнауле работает Центр эстетического воспитания детей с одноименным названием. Родители, заинтересованные в том, чтобы их музыкально одаренные дети развивали свои способности, приводят их в Центр, и в условленные часы с ними занимается сама Ольга Алексеевна и ее помощники — супруги Елена Сазонтова (Абрамова) и Игорь Сазонтов.

Эта семейная пара кровно связана с «Песнохорками». «Я родилась в «Песнохорках», — рассказывает Елена. — Моя девичья фамилия — Абрамова. А мой муж Игорь пришел в ансамбль из института культуры. И уже много лет мы — правая и левая рука Ольги Алексеевны. Я занимаюсь с женским коллективом «Песнохорки» и младшей группой детей в Центре эстетического воспитания, Игорь работает с мужской частью ансамбля (так легче разучивать песни — прорабатывая отдельно мужские и женские голоса) и со старшими ребятами. Еще Игорь заботится об инструментах ансамбля, делает сайт и подыскивает материал — сами песни, которые мы исполняем».

В «Песнохорки» ходит около 2000 детей. Эта цифра может удивить, если не знать, что с ансамблем сотрудничают многие школы Барнаула, предоставляя им площадки для занятий. Это дополнительное образование.

Отвечая на вопрос: «А ходят ли Ваши дети в «Песнохорки»?» — Игорь и Елена смеются: «А куда они денутся?». Даниил, их старший сын, уже закончил музыкальную школу. Младшая дочь, Катя в музыкальной школе второй год. Конечно, они ходят в «Песнохорки», и, может быть, в будущем пойдут по стопам родителей — сами станут оплотом коллектива, возьмут на себя руководство им... Через много-много лет.

Гастролеры

В августе 2010 года Игорь Сазонтов ездил со старшей группой детей в Казань, на международный этнический фестиваль «Крутушка». Любые гастроли для «Песнохорок» — это большая радость. Члены коллектива чувствуют эмоциональный подъем, наслаждаются возможностью творческого общения с другими коллективами... «А принимают нас всегда хорошо», — говорят артисты.

Все поездки «Песнохорки» осуществляют за свой счет, а если речь идет о детях — за родительский счет. «Конечно, — признается Игорь, — проживание в Казани нам оплачивало Министерство культуры и образования Республики Татарстан. Но добратся туда как-то надо? Эта поездка стоила нам 100 тысяч рублей, и это еще немного».

Не всегда на гастролях все бывает идеально. Участники коллектива рассказывают, что в 2004 году турагентство-посредник взялось организовать поездку коллектива на Кипр. Артисты приехали в Москву, сдали деньги, паспорта, а посредник испарился. Утешительно в этой ситуации было лишь то, что обманули не одних «Песнохорок». 900 человек — участников фольклорных коллективов застряли в Москве. «Паспорта нам, правда, вернули. Анонимно. Сказали, проходите по такому-то адресу, там паспорта. И действительно, все документы лежали там — в помещении с открытой дверью. Заходи и бери...».

Но чаще всего гастроли приносят «Песнохоркам» положительные впечатления. В 2001 году Вроцлавский университет (Польша) приглашает ансамбль «Песнохорки» к сотрудничеству. Коллективу предлагают заниматься со студентами русского отделения университета — обучать их русским песням. За неделю поляки выучили 22 русские песни и прекрасно выдержали экзамен.

Чуть раньше, в 1994 году, в Польше вышел компакт-диск с записями «Песнохорок». И когда через несколько лет после выхода диска ансамбль вновь посетил Польшу, к артистам подошла польская девушка и спела им песню, которую нельзя услышать нигде, кроме как в алтайской деревне. Она выучила ее с компакт-диска. «Вот что такое популярность», — говорят артисты.

Мечта о русской деревне

В 1988 году у Ольги Алексеевны Абрамовой появляется идея создания русской деревни-музея, где все было так, как в настоящей деревне несколько веков назад. Чтобы были дворы, повозки, конюшня, скотные дворы и даже кабак.

«Первое, что я сделала, — нарисовала эту деревню. И пошла к Баварину Владимиру Николаевичу. И он мне выделил

место — на улице Малой Олонской, где Барнаулка. Через несколько лет мы возвели первые постройки, но потом... Был пожар. Те, кому это нужно, подожгли нашу деревню. И сейчас там стоит «Стела», гостиница». Ольга Алексеевна не отчаивается.

«Песнохорки» - энциклопедисты

Много лет «Песнохорки» ездят в фольклорные и этнографические экспедиции. Участники ансамбля разговаривают со старожилками, записывают их рассказы, фотографируют одежду, домашнюю утварь, просят исполнить древние песни так, как пели их в прошлом и позапрошлом веке.

Результатом этнографической работы «Песнохорок» стал диск «Традиционная культура русских на Алтае». Это свод фотографий и аудиозаписей, собранных за 30 лет в алтайских селах, описательные статьи, которые выходили ранее в девяти авторских сборниках Ольги Алексеевны Абрамовой, и, что особенно важно, — удобная система поиска и навигации материала. Это фактически большая электронная энциклопедия русской культуры, изданная при поддержке президента России (в 2008-м «Песнохорки» получили грант на реализацию проекта).

Материал на диске распределен по темам. Он включает 600 полевых аудиозаписей и 2000 оригинальных фотографий. «Песнохорки» очень гордятся своим трудом. «Это основа нашей работы, — говорят они. — И мы не торопимся тиражировать диск, потому что понимаем, этот уникальный материал может легко попасть в руки пиратов. Но у нас бывают конференции по традиционной культуре и курсы для артистов. Так что все-таки мы ею делимся — русской культурой».

Работа на историю

Популярность «Песнохорок» — это результат их неутомимого 30-летнего труда. Это народная любовь к русской культуре плюс неутомимая пропаганда, которую ведут артисты. И они, как и всякие одиночки и новаторы, вызывают противоречивое отношение.

«Песнохорки» поют русские песни. У

них замечательные танцы, прекрасная хореография. Но поют они все же по-эстраднему, на свой лад, — говорит студентка музыкального училища Лариса Лыткина. — Как-то не веришь, что это русская песня...»

У известного фольклориста, преподавателя Алтайского государственного университета Лидии Михайловны Дмитриевой особое мнение: «Если бы у нас на Алтае не было «Песнохорок», то не было бы фрагмента нашего культурного пространства. Я уверена, что та работа, которую они проводят, это работа на историю. Они делают великое дело. Другой вопрос, что у них есть творческие проблемы. Может быть, то, что они выдают за наше алтайское, это не совсем алтайское... Я это вижу по звучанию. То, что они позиционируют как наш алтайский диалект, это что угодно, только не наш диалект...».

Ольга Алексеевна Абрамова знает эту слабость и сама признается: «Мы поем не так. Мы, хоть и невольно, передразниваем носителей диалектной речи». Но оставим на совести Ольги Алексеевны ее претензии к краевым властям и невольное искажение родного языка. Хорошо, что русское традиционное творчество имеет у нас таких защитников, как она. И русская культура будет жива, пока существует хоть один человек, который помнит русскую песню.

Сергей
Мансков

Быть ли русскому человеку в XXI веке?

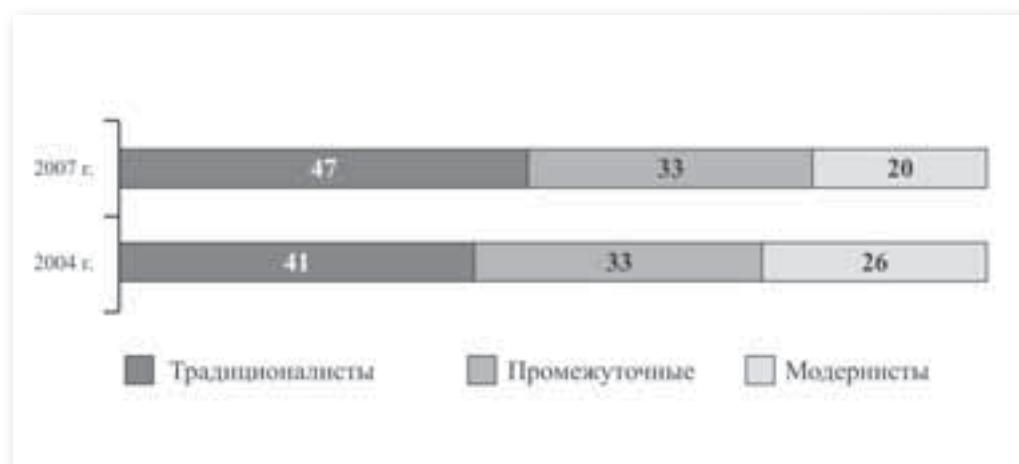
Понятия «русский дух», «русская идея», возникнув во второй половине XIX столетия, давно стали самостоятельной частью общегуманитарного знания. Сегодня осмысление национальной самоидентификации происходит на самых различных уровнях с четким вектором: от элитарного — к массовому. Речь идет не о широте размышлений на эту тему, а скорее об опрощении и примитивизации этого фундаментального понятия. Здесь под национальной самоидентификацией понимается ментальность широкого пласта людей, говорящих на русском языке и проживающих в географии и пространстве русской культуры. Современные СМИ, как способ формирования массового сознания, прикладывают гигантские усилия для того, чтобы все мыслительные усилия обывателя были направлены к архетипической модели «свои — чужие», концентрируя все внимание именно на второй части названной оппозиции. Это приводит к формированию образа врага (Америка и весь западный мир, Грузия, теперь президент Белоруссии и т. д.), но никоим образом не позволяет понять: кто мы такие, для чего живем, чем отличаемся от других народов и стран. Такой подход носит деструктивный характер, так как в глобальном мире отсутствие отличий от других, то есть собственная национальная самоидентификация, ведет к многоуровневой ассимиляции, что равносильно потере самостоятельной государственности.

Александр
Потапов.
Скоморохи.
2007.

«Куда ты мчишься, птица-тройка?»

Попытки ответить на поставленные вопросы, как правило, носят диахронический характер. Жители России не живут во времени, именуемом «настоящее», мы — наследники славного прошлого Отчизны (последний объединяющий все социальные группы россиян праздник — День Победы). Альтернативой прошлому является будущее — русскому много легче поверить в светлое будущее (второе пришествие, коммунизм, Сочинская олимпиада), чем в достойное настоящее. День сегодняшний не рефлексится, а главное — не является ценностным абсолютом. Позиция «живи настоящим» генетически не близка русскому человеку. В последующие годы крен в сторону прошлого становится все более очевидным. Так, в аналитическом докладе директора Института социологии РАН М.К. Горшкова «Российская идентичность в социологическом измерении» выявлена интересная закономерность — русский социум все более тяготеет к традициям прошлого. В приведенной ниже таблице «Распределение россиян по типам мировоззрения» эта закономерность хорошо просматривается.

Тем не менее, в сегодняшних условиях вектор в прошлое не дает четкого ориентира по нескольким причинам. Первая — некоторая размытость и философичность формулировок. Сегодняшние прагматики не понимают общепринятые определения начала XX века: «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» (В.Соловьев) или «идея коммюнитарности и братства людей и народов» (Н.Бердяев). В прагматический век такие определения не работают. Общая идея этого направления, куда входят фундаментальные труды П. Флоренского, Л. Карсавина, С. Булгакова, Е. Трубецкого, С. Франка, сводится к идее мессианства и всеединства. Против тезиса, что русский человек должен быть православным, нет никаких возражений, но такой подход не дает возможности отличить себя от других православных государств. Уваровской формулы «Самодержавие. Православие. Народность», адаптированной под цели суверенной демократии Российской Федерации, до сих пор не существует. Опираясь на философские труды Серебряного века, крайне сложно ответить на вопрос: чем мы сегодня отличаемся от православных греков и сербов? Кроме того, философия всеединства постоянно разрушается экономическими и политическими реалиями. Современная геополитика не дает возможности укрупнения с учетом экономических интересов. Православный мир продолжает дробиться и распадаться. Этот процесс идет не только на бывшей советской территории, но и на Балканах.

Второй причиной невозможности четкой национальной и государственной самоидентификации является кардинальное изменение русского уклада в XX веке. Русская софийность, соборность, эсхатологизм формализовывались в трудах философов рубежа веков на материале аграрной России. По материалам Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, только 13,4% жителей проживало в го-

родской черте, остальные – аграрии с традициями русского общежития. Крестьянское сословие составляло 77,5% всего имперского населения. Соборность и родовое начало были неотъемлемой частью такого существования. Первая четверть XX века серьезно изменила социальное и географическое положение. После великого сталинского переселения в города наметилась тенденция, которая сохраняется и в XXI веке. По итогам Всероссийской переписи 2002 года, городское население России составляет 73,3%, сельское – 26,7%. За век полностью изменилась социально-экономическая составляющая государства. То, что являлось органикой для маленького, уютного аграрного мира, совершенно не работает в мегаполисах, где даже соседи по подъезду являются незнакомыми, чужими людьми. Кроме того, часть сельского населения, не сумевшая адаптироваться и осевшая в пределах городских окраин, создала новый тип национальной культуры, где очевидна оторванность от традиционного аграрного уклада, и произошла замена его на самый примитивный вариант массовой городской культуры.

Сегодняшний россиянин в худшем случае становится ребенком глобализации и принимает так называемые общечеловеческие ценности. Польский социолог П. Штомка отмечает: «Империалистические средства массовой информации превращают нашу планету в «большую деревню», обитатели которой потребляют один и тот же культурный продукт». Разрыв родственных связей как основного механизма трансляции национальной культуры превращает людей в те самые частички без рода и племени, что грозит в условиях секуляризации обществ создать мир бескультурия.

Свет в конце тоннеля

Не менее серьезной опасностью на этом пути является отсутствие выраженной аксиологической иерархии. Все ценности существуют в плоской шкале прав человека. Смертные грехи западного христианства, совершенно неприемлемые отклонения от человеческой природы оправдываются доминантой отдельной личности («правами человека») и толерантностью. Не народ, государство, этнос, а отдельная личность в ее часто вульгарном физиологическом прочтении является главной ценностью. Однополые сексуальные демонстрации и браки, зарегистрированная в Голландии первая партия педофилов – все это задает угрожающий вектор развития и для современного российского общества. Без четкой, имеющей разнозначимые ступени системы ценностей, российский обыватель будет раздавлен «плоской аксиологией». Именно по этой причине сегодняшнему россиянину много ближе иудей, не забывший Тору, араб с выраженным мусульманским мировоззрением, алтаец, говорящий на родном языке и поклоняющийся традиционным божествам, чем любой глобальный (пусть самый культурный) европеец или американец.

Другой тип русского человека можно обозначить как переходный. Национальное бессознательное начало через культурные архетипы трансформируется в новые качества, которые органично связаны с многовековой традицией. Именно выявлением этих современных составляющих российского бессознательного озабочены маргинальные средства массовой информации. С 2005 года на радио «Свобода» выходит программа «Энциклопедия русской души» с бессменным ведущим Виктором Ерофеевым. В 2010 году на радио «Эхо Москвы» стартовал проект «Мы». Уже четыре года в эфире телеканала «Спас» выходит телевизионный «Русский взгляд» с попыткой осмысления нашей национальной самоидентификации. Маргинальность этих источников можно объяснить множеством причин, главная из которых – трудная доступность в провинции. Если радио «Эхо Москвы» или «Свободу» можно слушать в больших городах, то для малых городов и сел этот путь недоступен. Это касается и кабельного телевидения. Самым легким путем к этим медийным каналам остается Интернет. На общенациональных каналах такие попытки носят робкий фрагментарный характер. Так, по сегодняшний день остается невнятным финал проекта «Имя России», а название и содержание программы «Национальный интерес» больше напоминает предвыборную риторику. Не углубляясь в критические оценки разных источ-

ников, обратим внимание только на интерес, который возникает в обществе к трансформации национального сознания.

Русские архетипы сегодня трансформировались в следующие устойчивые конструкции, определяющие картину мира в XXI веке.

Традиционный эсхатологизм русского народа трансформировался в фаталистическое мировосприятие современника. Русский человек практически с начала истории верил в конечность бытия. Ждали конец света в 1666 году, потом боялись Антихриста, олицетворенного в Петре I, устраивали старообрядческие гари. Эсхатологические ожидания и существование в непрекращающейся череде испытания породили фатализм русского народа. Но оборотной стороной этого явления стало постоянное ожидание чуда. Отсюда и русское «авось» и многое другое. При этом русский человек очень редко ощущает себя счастливым. По данным опроса, проводимым Gallup, Россия по количеству счастливых людей стоит только на 73-м месте в мире. Мы генетически не можем быть счастливы, наш удел — переживание за других и страдание. Лучшей иллюстрацией к этому тезису является цитата из «Крыжовника» А.П. Чехова, где около каждого счастливого должен стоять человек с молоточком и напоминать ему о несчастьях других. Отсюда и бездеятельное обывательское недовольство правительством, страной, погодой.

Другой чертой современной ментальности является способность решать глобальные задачи в очень короткие сроки. Эта черта связана с суровым климатом и гигантским пространством. Следствием этого стало отсутствие умения и желания последовательно отстаивать свои «мелкие» интересы (быт, политическое устройство, гражданское общество).

«Пространственная наивность» связана с российской географией. Пространство России на протяжении всей истории порождало многочисленные споры славянофилов и западников, европейцев и азиатов. Диалог разных по генезису культур сформировал российскую ментальность, которая может быть маркирована как способность принимать в себя различные, часто несовместимые традиции других народов.

Правосознание не прижилось в России. Н. Михалков свой манифест консервативного либерализма называет «Право и Правда», уже в заглавии программного документа разделяя эти понятия. В отличие от Европы, у нас нет ни одного классического романа, в котором бы судебное разбирательство осмысливалось в положительной семантике. В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского суд отправляет на каторгу невинного Дмитрия, а в «Воскресении» Л.Н. Толстого присяжные выносят несправедливо суровый приговор Катюше Масловой. Европейское и американское торжество законности в русской ментальности замещает понятие «справедливость». Для современного россиянина «закон» и «справедливость» не тождественные понятия. Отсюда и множество поговорок вроде: «Закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло». Русский человек не верит в закон, поэтому появление президента — юриста напоминает очередную в русской истории попытку изменить ее ход.

Целый ряд негативных черт проявился у русского человека в XXI веке. В этой работе мы не будем подробно останавливаться на них и ограничимся простым перечислением: зависть, агрессия, алкогольная зависимость.

«Не стоит село без праведника»

Для того чтобы осмыслить место россиянина в глобальном мире, необходима четкая ориентация на олицетворенные идеалы. Часто они носят различные наименования («совесть нации», «культурный герой»), но при разнице в наименовании эти люди несут главную возможность — объединение различных социальных слоев. Именно по причине множества социальных уровней формализация общего героя, который бы объединил политиков и олигархов с учителями и рабочими, чрезвычайно затруднительна. Хотя еще 25 лет назад такой проблемы не возникало, так как имена Д.С. Лихачева, А.Д. Сахарова были паролями, объединяющими нацию. В советский период такие имена носили выраженный идеологический характер, но

при этом имели высочайшую ценностную и объединительную функцию (от полумифического П. Корчагина до пионеров-героев и комсомольцев-краснодонцев). Эти особенности были четко локализованы и в массовой культуре. Сделаем метафорическое допущение. Если заселить абстрактный девятиэтажный дом главными персонажами отечественной документалистики 1960-1980-х годов, то на всех этажах будут проживать космонавты, хлеборобы, герои труда и войны, ученые — одним словом — люди, занимающиеся созидательным трудом. Сегодняшний срез документалистики позволит заселить дом деятелями массовой культуры, уголовными авторитетами, представителями сексуальных меньшинств и психически больными людьми (маньяками, медиумами и прочими). Даже если полностью отказаться от массовой культуры, то все равно она будет присутствовать постоянным антикультурным фоном, незаметно меняющим ценностную ориентацию. В этом же русле осуществляется низведение культурных героев прошлого. Примером может послужить В.С. Высоцкий. Фильмы, снятые к очередному юбилею поэта, были посвящены не творчеству, а семейным пертурбациям и его наркотической зависимости. Такой подход демифологизирует консолидирующую нацию личность и разрушает это объединение.

Во многом по этой причине мы перестали конструировать книжные реальности и потеряли традиционную для России литературоцентричность. Если раньше Советский Союз был самым читающим государством, то сегодня эти позиции утрачены. Сегодня Российская Федерация только на 7-м месте, позади Индии, Китая, Филиппин, Таиланда. Падение интереса к чтению напрямую связано с «вымыванием» мыслящих людей.

В 2010 году выбор такой личности несет четкие закономерности. На занятиях в Алтайской государственной педагогической академии и Алтайском государственном университете неоднократно задавался вопрос о человеке, который является нравственным авторитетом и способен объединить россиян. Молодые люди, существующие в устойчивой аксиологической системе, легко отвечали на этот вопрос. Так, воцерковленные студенты и магистранты через несколько секунд говорили, что для них нравственные идеалы — духовник, патриарх Кирилл, русские святые. Группа, существующая в герметических пределах массовой культуры, называла среди таких авторитетов В. Путина и Д. Медведева. Многие выражали сомнение в существовании такого человека. Причинами такого различия могут быть экономические, бытовые, даже языковые условия.

Писатели, ученые, космонавты в силу объективных причин давно потеряли статус аксиологического ориентира. Тем не менее, выход из этой ситуации был найден. Именами, против которых ни у кого не возникало возражений, стали врачи, соединяющие в себе традиционные черты русского духа — скромность, самопожертвование, служение высокому идеалу с правом на собственное мнение. Самой яркой фигурой в этом списке стал Леонид Рошаль — ученый, общественный деятель, детский хирург. Его заслуги отмечали различно ориентированные организации и структуры (почетный титул «Европеец года», гражданский орден «Соль земли русской», номинант на Нобелевскую премию мира и т.д.), что позволяет утверждать консолидирующую роль этого человека. Авторитет Л. Рошалья признавали даже террористы. Благодаря усилиям «Доктора мира» из захваченного театрального центра на Дубровке были выведены восемь детей, остальные получили воду и медикаменты. Таким образом, и сегодня существуют люди, которых можно было бы назвать совестью нации. К сожалению, они практически не становятся объектом внимания СМИ. Доктор Рошаль — редкое исключение, так как его подвижничество связано с главными событиями страны, а это, как ни цинично звучит, — информационный повод.

Алтайская самоидентификация

Алтайский край по целому ряду признаков отличается от других территорий Сибири. Мы — единственный регион, в котором проживает пропорциональное количе-

ство сельского и городского населения: 47% против 53%. На нашей территории самый большой кусок плодородной земли страны. Отсюда и архаичность сознания, которое восходит к аграрному укладу. «Культурные герои», рожденные на алтайской земле, имеют четкую корневую связь с земледелием. Г. Гребенщиков, В. Шукшин, В. Золотухин, М. Евдокимов, А. Панкратов-Черный, Н. Усатова, А. Булдаков — все они носители архаических сельских традиций, и их лучшие роли и книги связаны именно с этим началом. Валерий Золотухин блестяще играет Моцарта в швейцеровской экранизации «Маленьких трагедий», но всеобщая любовь к нему приходит после народного Бумбараша. Даже те, кто сегодня ассоциируется с городским миром (Г. Титов, М. Калашников, Р. Рождественский), мыслятся как продолжатели традиций. А значит, нравственности и соборности. То, что из центра выглядит как «культурная отсталость» Барнаула и Алтайского края, на самом деле таковой не является. Просто мы стоим на фундаментальных ценностях прошлого и очень медленно вписываемся в общемировые процессы, что, по мнению автора статьи, является достижением, а не недостатком.

Квинтэссенцией этих региональных черт стала краевая столица. Барнаул — один из немногих сибирских городов, в котором никогда не было крепости. Тобольск, Томск, Кузнецк, Бийск начинают свое существование с защиты от внешних врагов, ставят высокие стены, их основное население состоит из гарнизона. Часто крепости со временем превращаются в остроги. Алтайскую столицу эта участь минует. Сибирские города медленно и органично развиваются в большом историческом времени. Барнаул существует в теории взрыва, где медленный демидовский быт взрывают выдающиеся умы империи — горные инженеры. Их появление ускоряет движение всего, и, в первую очередь, культуры. Превращение во второй в России горный город делает Барнаул культурной столицей Сибири. Не случайно в этот период П. Семенов-Тянь-Шанский закрепляет за ним «Сибирские Афины», которые впоследствии «откочевали» к университетскому Томску. Культурный подъем порождает и подъем технологический — только вместе с музыкальными магазинами и театрами могут возникнуть паровые машины, стекольные заводы, рельсовые дороги. Затем следует волна купеческого и советского быта с последующим «целинным взрывом».

Оставаясь на прочном фундаменте аграрной культуры и будучи в непосредственной близости от монгольского и китайского влияний, Барнаул был всегда открыт лучшим проявлениям западной цивилизации. Термины и должности в горной отрасли имели исключительно европейские корни. По сегодняшний день экскурсоводы Краеведческого музея с трудом выговаривают первую горную должность Ивана Ползунова - шихтмейстер.

Более того, по сегодняшний день большинство культурных героев, оставивших яркий след в истории города, имеют западноевропейское происхождение: первый начальник Кольвано-Воскресенских заводов — католик А. Беэр, основатель музея, врач Ф. Геблер; просветитель-народник, создатель главной библиотеки города В. Штильке и многие другие. Не случайно, что и сегодняшний этнический состав края и столицы не характерен для общероссийской практики: на первых позициях русские и немцы. А сам этнический состав Алтая — огромный плавильный котел, в котором соединилось несоединимое: здесь беглые каторжники сменяются ищущими Беловодье кержаками; служивые казаки охраняют крестьян-колонистов; на смену православным миссионерам приходят создатели алтайской «оборонки» и целинники. Барнаул объединяет противоречия национального характера и остается городом с полярной русской ментальностью.

В любом провинциальном городе обязательно найдется свой иностранец, который со временем становится местной достопримечательностью. В барнаульской большой семье эту вакансию имеет все шансы занять доктор философии из Америки Сэнди Кролик.

Сэнди Кролик: «Россия все больше похожа на США»

Константин Гришин,
Владимир Токмаков

У Сэнди богатая биография. В США он получил докторскую степень в области религиоведения. После 10 лет педагогической деятельности в университете Вирджинии и горном училище Колорадо 20 лет проработал в крупнейших компаниях США, таких как General Electric и Computer Sciences Corporation. А последние пять лет живет в Барнауле со своей русской женой Аленой и маленьким сыном. Он автор четырех книг, последнюю из которых — «Культурный критицизм: философские и политические эссе», Сэнди Кролик решил издать на русском языке в Барнауле. Что, собственно, и сделал.

Кролика интересуют актуальные проблемы современной цивилизации. В своих эссе он касается также политических проблем и настроен весьма радикально. Что же нового он хочет сообщить нам о состоянии современного мира, или «о международном положении», как шутили Ильф и Петров?

Капиталистический, «плутократический» мир переживает кризис. Политические спектакли отвлекают людей от реальных жизненных проблем и раздумий о порочной системе власти, а социальные сети разобщают их. Мир, «потонувший во зле», оказавшийся в «политическом, духовном, социальном и экономическом кризисе», спасет только анархия и возврат к первобытно-общинным формам жизни.

Необходимо пояснить: профессор

Сэнди Кролик принадлежит к школе так называемой культурной критики, заявившей о себе в Америке в 60-х годах XX века. Комплекс идей, получивших развитие в книге «Культурный критицизм», не нов — Кролик излагает общие места американской публицистики середины прошлого века — того времени, когда появились первые хиппи.

Структура книги подчиняется модной тогда идее анархии. Разнообразные эссе («Виртуальные вакуумы», «Об обиденности», «Пираты и «свиной грипп», «Американские мифы», «Будущее человечества») скреплены только идеологией и критическим методом. Они не образуют структурного целого. Невольный же анархизм книги в том, что ее русский текст напоминает машинный перевод (подстрочник). Он изобилует фактическими, стилистическими и логическими ошибками: «Вас когда-нибудь упрасивали сладкими голосами Сирены или Одиссея?»; «Будучи неугасающим голосом, звучащим сквозь мимолетную историю цивилизации, критик представляет окружающим зеркало, в котором они могут отчетливее разглядеть положение вещей»; «Обратимся к одному из древнейших из всех известных языков — древнеегипетскому...».

Эти примеры легко умножить. Создается впечатление, что книги не касалась рука редактора или что переводчик — «изрядный плут и мошенник», как сказали бы Гоголь или Салтыков-Щедрин.

Впрочем, иногда язык Сэнди Кролика отличается силой и живописностью. Он пишет: «Мы попали в жалкий суррогатный мир, где называем друзьями невидимых незнакомцев и пытаемся собрать как можно больше комментариев в ответ на наши лживые и наигранные попытки самоутверждения». Или: «Наслаждайся свободой, народ, и смотри, как гегемоны топчут красные дорожки!».

Но — по крайней мере, как литературная экзотика, причем идеологически близкая многим антикапиталистически настроенным барнаульцам, книга Сэнди Кролика запомнится наверняка.

Мы побеседовали с ее автором — «барнаульским американцем» и о книге, и о жизни, конечно.

- Сэнди, для начала самый обычный вопрос: о чем эта книга?

- Моя книга — это сборник коротких эссе, в которых я пытаюсь проанализировать экономические, политические и экологические проблемы последнего времени. Я рассказываю об истоках идеологического и финансового кризиса в Америке, даю свою оценку событиям в Ираке, Иране, Греции, а также тем отношениям, которые возникли сегодня между Россией и США.

- Какая философская школа вам ближе всего? Как вы относитесь к антиглобалистскому движению?

- Я не совсем понимаю внутреннюю концепцию антиглобализма, но если говорить о внешней стороне, меня можно назвать философом-антиглобалистом. Хотя я сам считаю себя анархопримитивистом. Я не верю в большие сообщества, в универсальные культурные нормы, в то, что можно сделать культуру для всех.

Анархия должна выявить первобытные, дикие инстинкты. Только начав мыслить и чувствовать на инстинктивном уровне, мы сможем отвергнуть любую иерархию, навязываемую теми, кто нами управляет.

- В двух словах — в чем заключается концепция анархопримитивистов нашего времени?

- Сначала нужно понять корни нашей сегодняшней проблемы — смирительной рубашки любой политической власти, которую на нас надели, и утраты осязаемого чувств окружающего мира.

Нам следует найти основы человеческой свободы, заключенные в нашем доисторическом, доцивилизационном прошлом. Окультуренный и монотонный характер современной цивилизации полностью ослабил наше чувство необузданности — это фундаментальное свойство человеческой природы. Уйдя от этого состояния, мы потеряли наше коренное чувство свободы — нашу важнейшую способность к жизни без оков времени и истории. Подавив в себе это чувство независимости, мы загнали себя и стали поработаться институтами гражданского общества.

- Может быть, ваши идеи - не более чем очередная утопия?

- Я согласен, что те идеи, которые я предлагаю сегодня, невозможно воплотить в жизнь. Но это мое мнение, и я имею право его высказать. Да, я считаю, что человека поработает цивилизация, возникшая с появлением первых городов. Но в то же время я понимаю, что невозможно снести все небоскребы и вернуться в пещеры, к доисторическому образу жизни. Люди на это не пойдут. Что

можно с этим поделаться? Продолжать наблюдать и анализировать.

- Как и почему вы оказались в Барнауле?

- Моя жена с Алтая, из Барнаула, и она не хочет никуда уезжать. Мы познакомились с ней пять лет назад по Интернету, потом я приехал в гости да так и остался у вас в Сибири! У нас квартира в Барнауле, но я больше люблю бывать с семьей на даче в Кислухе.

Вообще у меня дом недалеко от Нью-Йорка, и другой на границе с Канадой, но мы решили остаться на Алтае. Я думаю, Сибирь очень интересна с геополитической точки зрения. Сейчас, когда мир вступает в эпоху глобального кризиса и коллапса, Сибирь может стать достаточно удобным местом, где его можно пережить. Здесь люди привыкли работать на земле и на себя. В Америке погоня за личным превосходством привела к медленно, но верному разложению таких институтов, как общество и семья, которые находятся на последнем издыхании.

- Каковы, на ваш взгляд, признаки глобального кризиса, о котором вы пишете?

- Основной показатель — это кризис финансового рынка США. Другой пример, из области глобальных экологических катастроф, — это недавний розлив нефти в Мексиканском заливе. А есть еще глобальное потепление и, например, лесные пожары в Подмоскowie этим летом или наводнение в Пакистане. Все это звенья одной цепи, которые для меня совершенно очевидны.

- Что вам не нравится в сегодняшней американской жизни больше всего?

- Давайте начнем с американской демократии. Будучи насильно насаждаемой по всему миру, она вызывает сегодня только протест, который выражается в поддержке таких экстремистских институтов, как Хамас и Хезболла. Мы поддерживаем сомнительных лидеров, таких, как Саакашвили в Грузии. Мы поддерживали других политических марионеток на протяжении многих десятилетий. Демократия — это не более чем инструмент для проамериканской пропаганды.

- Ну а как же американская мечта, не превратилась ли она в «жизнь в кредит»?

- Погоня за американской мечтой может изначально рассматриваться в качестве непосредственной причины мирового кризиса. Года за четыре до кризиса влиятельные мужи Америки в различных ток-шоу, имеющих многомиллионную аудиторию, стали говорить, что американцы среднего класса не имеют доступа к американской мечте. И настоятельно требовали, чтобы приобретение жилья и всего прочего стало более доступным. Теперь мы видим, что эти жалобы помогли раздуть пузырь на рынке недвижимости, вызвав финансовый кризис мирового масштаба.

- Что вам нравится и не нравится в политике современной России?

- Я считаю, что капитализм — это действительно серьезная мировая проблема, и этот капитализм сегодня все сильнее и сильнее поражает Россию. Ваша страна становится все больше похожа на США, и это только добавляет вам проблем.

- Как вы относитесь к исламской угрозе и к угрозе со стороны набирающего силу Китая?

- Я думаю, что они не отличаются от угрозы со стороны Америки, они, может быть, даже менее агрессивны, чем США. Америка — это самая агрессивная страна в мире.

- Как вам Барнаул и его обитатели?

- Это прозвучит смешно, но мне кажется, что люди в Сибири не должны водить автомобили. Им это надо запретить. Они не знают, как водить, они грубы на дороге, ругаются, нарушают Правила! Я думаю, что сибиряки должны обитать в лесу, собирать грибы и ходить в баню. Это была бы замечательная жизнь, я не понимаю, зачем вы хотите жить, как американцы?

Если, допустим, начнется более интенсивное туристическое освоение Горного Алтая, то все здесь будет разрушено в течение 20 лет. Это даже хорошо, что к вам ездит не так много туристов.

- Почему русские люди хотят жить в Америке?

- Потому что они гонятся за той самой американской мечтой. Это ловушка американской культуры, экономики, образа жизни, хорошо работающая пропагандистская машина. И даже если вы хотите быть революционерами или хиппи, в Америке вас сделают частью системы, и это станет продуктом рынка, как Че Гевара на футболках.

- Когда в России наступит отрезвление и люди поймут, что этот путь в никуда?

- Я думаю, Россия протянет дольше, чем США. Америка в данный момент на грани распада, об этом все говорят. В этом есть очень большая вероятность. Правительства штатов снова защищают свои права, многие губернаторы полны решимости выйти из состава США. Ситуация, как на Балканах, очень большие этнические разногласия и разделения. Техас, Аляска, Вермонт и Гавайи будут первыми, кто отделится.

- Любите ли вы русскую кухню?

- Да, мое любимое блюдо — голубцы, но мне нравится, например, и восточная кухня, люблю плов, азу, манты.

- Не кажется ли вам, что русские много пьют?

- Я сам алкаш (*смеется*). Я в Америке больше пил, чем здесь. Многим алкоголь помогает снять стресс, вот и все. Кто не хочет, тот не пьет. Русские пьют не больше, чем другие нации в мире.

- Чем вы зарабатываете на жизнь? С кем в Барнауле у вас сложилось профессиональное сотрудничество?

- В США я уже заработал себе на пенсию. А здесь, в Барнауле, пишу книги, занимаюсь преподавательской деятельностью. В данный момент тесно работаю с языковым центром «Лексикон». Провожу занятия со слушателями, встречаемся с клиентами в разговорном клубе, ведем беседы на самые различные темы, узнаем о культуре: члены клуба — об американской, а я, в свою очередь — о русской. Это для меня чрезвычайно интересно и увлекательно.

В галерее «Бандероль» летом проходила уникальная выставка приезжих живописцев «Армянская сказка».

Ностальгия по сказке

Дмитрий
Золотарев

Участниками выставки стали трое профессиональных художников из Армении — Сергей и Аветис Хачатряны, Ашот Тадевосян (один из самых коммерчески успешных армянских художников). Первоначально эти работы были показаны в Новокузнецке и Прокопьевске, а уж потом они ненадолго оказались в Барнауле.

Интерес к Востоку неистощим. Особенно если этот Восток сказочный и живописный. У барнаульских любителей ориентализма была редкая и счастливая возможность приобщиться к изобразительному искусству современной Армении.

Три художника представляли свои живописные работы. Три очень разных художника. Творчество самого молодого и поверхностного из них, Аветиса Хачатряна, близко отвлеченным поискам современного искусства. Несмотря на известность этого художника, в том числе недавно прошедшую выставку в Москве, его работы не вызвали подлинного интереса. Наибольшее внимание заслужили художники старшего поколения.

Ашот Тадевосян был представлен всего четырьмя произведениями. Запомнились темпераментные натюрморты, исполненные в какой-то легкой, «порхающей» кистью манере. Другие его работы — придуманные сказочные пейзажи. Его экспрессионистические работы колористически были не так яркие, как у других художников - соседей по выставке.

Всеобщее внимание вызвали картины Сергея Хачатряна. Все выступающие на открытии выставки люди в качестве иллюстраций своих представлений об Армении апеллировали именно к этому художнику. Потому что он — профессионал, потому что он — поэт. Действительно, Сергей Хачатрян технически гра-

**Сергей Хачатрян.
Осенний мотив. 2007.**

мотный, интересный, порою даже виртуозный живописец, раскрывшийся в палитре жанров. У него свой мир поэтических образов, выражающий идеальную природу страны Армении. Присутствующий на выставке армянский священник заметил, что его работы важны своей теплотой.

Выставка вызвала ностальгию... по сказке, по ушедшим временам. Не по конкретному советскому периоду истории, когда приезд в Сибирь художников из национальных республик не был исключительным событием (например, Томский художественный музей обладает приличной коллекцией работ армянских художников). А по времени легенд и преданий, настоящих романтиков и поэтов, впрочем, эта светлая грусть.

Сергей Хачатрян.
Тихий день. 2010.

Ашот Тадевосян.
Натюрморт с подсолнухами.

Елена
Гешелина

Безрифменный сон

* * *

...и кому бы ты ни писала
каждую полночь,
и кого бы ты ни ждала
у входа в рассвет:
одиночество стало
непечатным словом,
его скоро будут писать на заборах...

истина не в вине
и не в пустом стакане,
просто мы едем всю жизнь
в разных вагонах,
кто-то в мягком купе,
кто-то — в душном плацкартном,
кто-то бросает уголь
в топку паровоза.
впрочем, на самолете
передвигаться удобнее.

«я не одинока и, кажется,
даже красива, просто
меня слишком мало гладили
в этой жизни,
просто уткнуться
в чью-то шею и всхлипнуть
не говорите, ах, не говорите со мною».

кожа расскажет о том,
что душа — не холодный ключ,
кудри расскажут о том,
что способны виться,
губы расскажут о том,
что умею нежно,
вены расскажут о том,
что кровь хранит тепло,
сердце расскажет о том,
что смерть констатировать рано.

просыпаешься — и душа
не хочет из тела,
понимаешь, что ты — лишь грудa мяса,
и выпускаешь в легкие никотин,
и губу закусываешь до крови,
запиваешь коньяком,
что толку беречь здоровье?
мы все умрем.

а души у тебя и не было, дорогая,
ну и что, что пишешь стихи?
ты как все — из мяса и костей,
так люби себя до экстаза,
холи себя и лелей.
не ровен час, придут за тобою ангелы
в штатском,
спросят: «что сделала ты
для истории?»
а ты им: «меня слишком мало
гладили в этой жизни»
не оставят тебя живой,
не заставят тебя: живи!

* * *

- детка, ну, я же тебе говорил, что бу-
дет трудно, у меня характер невыно-
симый, а душа не вино, портится с воз-
растом и дурно пахнет, и тебе еще по-
везло, а она еле выносит мои истерики,
она знает, с такими, как я, невозмож-
но жить.

- детка, я вдвое старше, а ты расцве-
таешь, ты совершенна в своих дет-
ских любовях, и когда ты смотришь
коньячно-вишневым взглядом, я чув-
ствую себя старым, а значит — ниче-
го не выйдет.

Денис Октябрь

«Это одна из картин серии «Старый город», на ней изображено начало Московского проспекта (ныне - проспект Ленина). Вообще, эта серия очень большая, и в ней присутствуют изображения не только и не столько старого Барнаула, но и других городов, а также придуманного исторического пространства города. Вполне конкретные места соседствуют с вымышленными или собирательными чертами городов конца XIX - начала XX веков – мне наиболее интересно изображать это время. Полотно нравится мне своей монохромностью в цвете, также на нем, как мне кажется, чувствуется состояние после дождя».

Поэты в городе

Виктор Зотеев. Река Барнаулка. 1994.

Виктор Кузнецов

Средь берез и сосен гулких,
Рассекая нитью бор,
Путь неблизкий Барнаулки
Рвется на Обской простор.

Что ж ты, речка, приуныла?
Вдоль песчаных берегов
Пробираешься уныло –
Меньше стало родников.

Где твоя былая сила,
Где весенний твой напор,
Мощь безбрежного разлива,
Пылкой юности задор?

Мельниц жернова крутила,
Песни звонких родников
Ты с собою уносила,
Разрывая цепь песков.

Барнаулка, Барнаулка,
Ты ведешь давнишний спор,
Средь берез и сосен гулких
Рвешься на Обской простор.

Сороки-жаворонки. 2010.

Этот
День Победы.
2010.

Алена на белом. 2004.

Новосибирский художник
М. Омбыш-Кузнецов. 2003.

- девочка, я не слеп, ты меняешь наряды, тратишь на них ползарплаты или всю зарплату, а потом падаешь в обморок от недоедания, если ты любишь меня — побереги лучше здоровье.

- я же вижу, как те, кто был на моей стороне, переходят на твою сторону, стоит тебе улыбнуться помадным ртом, и, в конце концов, ты — солнечная сторона, я — теневая, а на свету даже растения лучше растут.

- детка, я живу с женщиной, она нервничает и злится, и каждое утро — с упрёка «ты так редко бываешь дома», и ждет меня, когда я поздно возвращаюсь, но я — бумеранг, я всегда возвращаюсь к ней.

ты ведь не создана для семьи, я не представляю, чтоб ты стала послушной женой и счастливой мамой, слишком уж ты ревнива, никак же не понимаешь, сердце — многоэтажный дом, а иногда — коммуналка.

только не плачь, малышка, только ты знаешь правду, а правда в том, что мы стареем и погибаем, а небо над нами из года в год такое ж, как раньше, и мы подобны огням святого Эльма — кроме нас, никто не знает путь из трясины.

ПЕРФОРМАНС

давай будет так: я буду читать тебе: нет, не себя, Боже упаси — Мандельштама или Сильвию Плат, или петь простуженной Ниной Симон, но рыдания парализуют гортань, и, как хорошо, что не видишь, как я комкаю кухонное полотенце: «не смей плакать, дура, ты знаешь, он ненавидит женские слезы»

мой озерный загар еще не сошел, нам обещали тропическую жару, но Господь ошибся параллелями-меридианами, и пейзаж за моим окном — как викторианский роман или как слушать ОК Computer в четыре утра.

а я слушаю Филиппа Гласса — фортепьяно и ничего, у меня в душе холод и унылейший монохром, я не пью коньяк, потому что у него твой вкус, и любой прохожий в рубашке в полоску — враг. потому что не ты.

благодаря новым друзьям я вижу сны на японском, и голос мой мягок и холоден, как мороженое в соседнем кафе, я стройна, как Мисс мира, загорела, как бразильянка, и скоро мой двадцать какой-то август — день разворачивания подарков — а мне хочется, чтобы ты подошел и обнял, и спросил: «родная, ты больше не плачешь по углам?»

просто выкради меня у смерти, из мучительной мертвой петли, снизойди до меня на секунду, сделай так, чтоб меня нашли и обрадовались, что живая, что я не смогла умереть, а мне было б спокойно, а внутри — горячо и нежно. а подарки... подарков не надо мне.

ОГЛЯНИСЬ

в гневе поворачивайся спиной,
в дружбе оборачивайся стеной
и не заморачивайся о грядущем:
оно не с тобой.

мама будет вздыхать:

«непутевая ты»,
у ее подруг — внуки, у тебя — стихи,
те, с кем ты пила портвейн
десять лет назад,
ездят в Рим и Цюрих.

у панкующих герлз деловые костюмы,
у стритующих бойз — макбук и айфон,
остальные сдохли или спились,
но зачем они?

да и хрен с ними, с Римами и айфонами,
вот когда телефон

третий месяц молчит,
вот когда друзья празднуют новоселье,
а тебя не зовут,

понимаешь, что жизнь промотана зря,
 начинаешь считать листки календаря,
 начинаешь ходить на зеленый свет:
 тот свет слишком далек,

и граница от жизни до слова «была»
 приближается, линия
 горизонта видна:
 слишком поздно, родная, ты умерла,
 толком не родившись.

* * *
 не пиши мне, родная, о том, что на
 улице май
 обжигающей зеленью дразнит усталые
 глаза,
 я все знаю — мое окно,
 как ты помнишь, выходит в сад,
 пахнет яблоней и озоном после дождя,
 я запомню эти два запаха,
 навсегда уходя.

я истерзан, мне сорок два, и мое лицо
 по утрам все больше напоминает
 мятый газетный лист,
 я прочитан много веков назад,
 вызубрен как дважды два,
 только не говори, что это не так,
 у меня от твоих сладких лжей
 болит голова.

не пиши мне больше, ты не одинока,
 ты врешь,
 у тебя — еженедельные походы
 в «Мегу»,
 вечера за коктейлями в баре,
 после которых ты
 засыпаешь на чьем-то плече.
 У меня — только небо.
 Кто из нас более обездолен, скажи?

это я, а не ты, просыпаюсь раз в месяц
 в четыре утра,
 полусонно ищу твоё тело рядом
 со своим,
 и целую подушку, воображая - тебя,
 а потом — корчусь в рыданиях,
 как эпилептик

с розовой пеной у рта.
 просыпаюсь с цементным
 вкусом во рту,
 и на месте зияющей раны — пустота

* * *
 осень измученна и больна,
 стихи выморочны и тяжелы,
 и болезненность отсутствия рифм
 все сильнее сказывается на фразах,
 которые я бросаю в пустоту,
 в форточку,
 и они превращаются в выхлоп,
 в табачный дым.

и всего-то нужно — кто-то один,
 хорошо, пусть не ты,
 пусть случайный прохожий
 с теплой влажностью
 в брошенном на меня взгляде,
 чтобы мне не пропасть
 в опустевшем, преждевременном
 сентябре,
 не заразиться вирусом хандры,
 бессловесной и бесполезной хворью.

рана заживает, не ноет больше,
 лишь иногда саднит —
 как после зеленки,
 рюмка самбуки — смерть переносится
 на послезавтра,
 ну а по правде — на послевчера.
 «ты не теряйся, звони, я,
 возможно, скучаю», -
 мой бодрый голос
 в трубке подернут печалью.

осень — итог моим летним обморокам,
 перегревам,
 редким стихам, одиночеству,
 любви к зеленому,
 знаешь, а я ненавижу оранжевый цвет,
 я запинаясь, я даже молчу невпопад
 и некстати,
 мы на широкую ногу жили,
 теперь платим,
 не уходи, ну еще, еще минут
 где-то пять...

знаешь, какой звук я слышу
в кошмарном сне?
хруст твоей чистой рубашки,
звяканье стакана,
из которого ты пьешь.
потому что дальше ничего не будет,
когда ты отсюда уйдешь.

* * *

Диме

как бы мы не соперничали, не злились
— да, тебе прямая дорога в «Знамя»,
и в хрестоматиях, в конечном счете,
остается лишь то, что в рифму, и наи-
зловнейший критик, услышав ленивый
тенор, растерянно замолкает, зажав
былинку во рту.

я уступаю дорогу, я — как всегда, на
отшибе, у меня полон рот вокабул и
мертворожденных рифм, и я совершаю
ошибку — на стол мечу сразу все кар-
ты: а у тебя — банально — все козыри
в рукаве.

и вот уже я затихаю, запинаясь на
первом слоге, потом будут нервные
слезы, зачем тебе это, детка, вас, по-
этесс, слишком много, и кончилась ли-
тература не на тебе, ну да ладно, но
мне по-прежнему нужно захлебываться
словами, как собственной рвотой
пьянь.

ведь я не имею права писателем назы-
ваться: ни громкоголосых романов, ни
трипов а-ля Берроуз, ни прогулок на
красный свет. Ни войны, ни тюрьмы,
ни страха, ни даже клинической смер-
ти, но ты-то знаешь, что у луны дру-
гой стороны просто нет.
от этой-то безнадёги спасают толь-
ко чужие, ненужные, неродные, они ко-
лючи и злы. Мне нужно — какая по-
шлость! — чтоб кто-нибудь меня понял
и не читал мне моралей, а чуточку по-
молчал,

и просто не побоялся взглянуть в гла-
за — без боли, надрыва, усилий, улыбок,
без вымученного «прости». Прощают,
прощаюсь, прощаю — как добрая хри-
стианка, — без зависти и без желчи
учусь на чужое смотреть.

не будем, давай не будем о литерату-
ре, пьянках, Москве, Барнауле, Риме
— нам не о чем говорить. Чужие сти-
хи — под сердцем, как женщины носят
ребенка, ношу — и раз в месяц, ночью —
они шевелятся во мне.

И бьются чужие рифмы в моем без-
рифменном сне.

ИМ

тот был алкоголик, этот —
гороховый шут,
та плясала на столе хастл
после шестой «отвертки»,
фотографий не надо —
память хранит все наши parties,
проклятые двадцать первым веком
поэты,
поколение, на которое
в алфавите не хватило букв.

и не нужно Овидия, чтобы описать
метаморфозы,
красный туман заволакивает
головы нам,
соседу — лавровый венок,
экс-возлюбленной — суши и брют,
тебе — слепоглухонемой телефон,
как после этого любить
ближнего твоего?

у меня внутри — детонатор,
дотронься — взорвусь,
я — в конце черных списков,
я — девственно-белый лист,
и еще пару лет — и они уйдут,
все уйдут,
я останусь...

Дмитрий
Чернышков

Рассказы и миниатюры

НЕ

Не наступил зимний вечер. Человек не посмотрел в окно, не бросил на часы взгляд, не вернулся к оставленной на девятнадцатой странице книге. У него не было голубых глаз, русых волос и складки на лбу. Он не работал юристом, не любил знакомиться с женщинами, не пил по вечерам в одиночестве.

И вот он не опоздал туда, где его так ждали, не перепутал номер автобуса, не сошел на совершенно другой остановке, а осознав это, не стал ругаться вполголоса, глядя на посиневшие от холода звезды.

Прикрывая ладонью нос, он не шел более получаса под желтыми, то и дело ныряющими под своды темноты фонарями, изливающими свою тусклую душу. Ему не порошили в лицо тяжелые хлопья снега, и его не смущали поздние тени с малиновыми огоньками у рта, прячущие темные лики от света фар.

Он не добрался-таки до нужного дома, не поднялся на пятый этаж, отряхивая грудь и шапку, не вдавил кнопку звонка. Ему не открыли дверь, и до него не донесся распахнутый гомон теплого веселья.

Человека не усадили за стол, не заставили выпить штрафную под искусный салат. И потом он не почувствовал, как после уличного холода и рюмки его начинает укачивать на коленях улыбчивая сонливость.

Ища знакомые лица, он не встретил ее глаза, не задержал взгляда и не пригласил эту женщину на танец. И под звуки музыки он так и не понял, с кем он не встретился.

И не наступила глубокая ночь, и не заснули уставшие гости, и не было больше ничего.

Встреча не состоялась — не совершилась судьба, не произошла жизнь.

А раненым-прераненым утром в мире проснется женщина. Она проснется и слышно встанет, оденется и прикроет на кухню дверь, чтобы готовить завтрак человеку, которого никогда не любила и с которым живет уже одиннадцать лет. Она будет резать хлеб и молоть кофе, особенно остро ощущая в этот ранний час, когда ночь едва приоткрывает веки, что она совершенно одна и кроме нее никого больше.

Женщина осторожно притронется к плечу мужа — он откроет глаза и останется лежать как лежал, дожидаясь, пока рассеется вязкая дымка перед глазами. Потом он медленно сядет и потрет шершавыми ладонями холодное лицо, начнет приводить себя в порядок, чтобы идти на работу, которой он не любит, потому что всегда хотел играть на пианино, но так и не научился отличать ноту «до» от той, которая после.

Женщина разбудит сына, который не хочет просыпаться, всхлипывает со сна и зализывает с головой под нагретое одеяло. Но рано или поздно он тоже встанет, встанет и пойдет в школу, где его примется учить не нужной ему математике молоденькая учительница, которая терпеть не может математику и детей.

Его отец, наскоро поев, спустится во двор, станет разогревать машину и смотреть в одну точку отсутствующим взглядом, припоминая, что он сделал в жизни не так. А по дороге его остановит грустный милиционер и тоже будет долго и задумчиво смотреть в его документы.

Женщина вспомнит, что давно — два дня — не говорила с подругой, которая когда-то поступала на артистку в Москве, но не поступила, и позвонит ей. Они будут долго говорить, потому что их жизнь не удалась и они это понимают.

Тем временем совсем рассветет. Город очнется от тяжелого сна, от чугунного похмелья, от бессонницы и бессилия, от слез обид и радости, от объятий женщин и мужчин, от смерти и вечности, от «да» и «нет», от «здравствуй» и «до свиданья» — от всего. Жизнь начнется с самого начала, как будто ничего и не было.

Не было ни горя, ни страданий, ни безутешности человеческой, которым всегда есть предел, потому что волна облизала ссохшиеся губы песчаного побережья, заровняла следы и уже давно схлынула.

Были одни только люди, которые всегда желают быть другими и не хотят быть теми, кто они есть. Которые никогда не хотят быть собой.

Ничего другого не было, да и быть не могло. Только утренний ветер обозначит нечто в прошедшем времени, разворошив среди прочего в мусорных баках газетные обрывки — все, что осталось от несостоявшегося конца света.

МЕЧТЫ

Мы сидим на дне рождения какого-то знакомого. На маленькой кухне тесно и относительно весело. Среди нас молодая женщина по имени Марина. Я вижу ее в первый и последний раз, потому что дружеские компании никогда больше не собираются в том же составе, в каком застаем их мы. Она красива, и у нее грустные глаза. Она много молчит и улыбается. Она курит и часто смотрит на меня. Реплики, которыми мы перебрасываемся, самые общие, однако мне немного неловко, потому что я все понимаю.

Ей двадцать семь лет. Первая молодость, которая была весьма бурной, прошла. Она хочет теперь всего лишь семьи и ребенка. Она хочет стать как все женщины.

Я все это понимаю, но ничем не могу ей помочь, и она это понимает тоже. Мне не доступно, как человек, выросший в семье, а значит, видевший всю изнанку семейной жизни своими глазами, может испытывать желание под копирку повторить этот ужас на собственном опыте.

Более того, мне не доступна вдохновляющая тайна отношений мужчины и женщины, тайна, от которой меня передергивает. И я никогда не считал себя мужчиной — я был просто человеком, то есть более или менее точной копией с глиняной фигурки в руках всевышнего бракодела. Правда, все женщины все равно ожидали от меня одного и того же, причем с единственной целью: еще раз самодовольно убедиться, что я перед ними — раскрытая книга...

- Я немного изучала психологию, — мягко говорит Марина. — Вы производите впечатление латентного эротомана с подавленными желаниями, с которыми боитесь не совладать. Отсюда напускной аскетизм и морализаторство.

- Это очень может быть, — соглашаюсь я. — Я не изучал психологию.

- Это все равно... Но согласитесь, — говорит она, — жизнь так коротка, а все люди так одиноки, что единственный доступный нам смысл существования мы способны обрести лишь в том, чтобы приносить друг другу радость. А вы, милый мой, лишаете ее и себя, и других. Наверное, ваша жизнь скудна и мрачна...

- Это вы точно подметили, — говорю я. — Но это все от того, что я всегда хотел быть не как все.

- Никто не хочет быть как все, милый мой, поэтому все так похоже, — жмет она плечами. — Вопрос в том, зачем вам эта поза вечного вызова?

- А вы действительно хороший психолог, — говорю я. — Но посудите сами: если я не люблю самого себя, то как я могу возлюбить ближнего как самого себя?.. Знаете что, давайте лучше выпьем за вас: все у вас будет хорошо, вот увидите!

Марина улыбается, кивает, благодарит. Мы поняли друг друга. Мы уважаем друг

друга. Мы не встретимся уже никогда. Звенят бокалы, пьется вино.

Разговор вокруг причудлив и занимателен. Некоторое время мы стараемся понять, о чем он. Марина по-прежнему чему-то улыбается. Потом она встает, делает глубокую затыжку и, склонив лицо, припадает к моим губам. Все замирают.

Я не успеваю ничего понять, только сразу становится нечем дышать, и я чувствую, как покраснело мое лицо. Вслед за тем я начинаю кашлять, глотая воздух широко раскрытым ртом, из которого валит синий дым. Руки судорожно ищут на столе чем запить. Все смеются.

Марина с ласковой насмешкой глядит на меня. Выгляжу я, по всей видимости, весьма жалко, и мне невероятно стыдно...

Неожиданно, совсем не к месту вспоминаю, как мне рассказывали, будто маленький я очень любил целовать девочек. Сам я этого не помню, однако воспоминание о воспоминании заставляет в очередной раз поразиться тому, насколько несхожи, как не монтируются вместе куски жизни одного и того же человека. Как будто одно не следует из другого, как будто это не одна, а совершенно разные жизни разных людей. Ведь сейчас я совсем не помню, каким был тогда, — помню только, что больше всего мечтал стать взрослым. И вот мечта сбылась... Если сильно захотеть, мечта обязательно сбудется.

ДЕЖАВИЮ

...Те же черты лица были у его далекого предка, который во главе небольшого племени вышел к незнакомой реке и остановился на каменистом берегу. Поток посередине течения густо дробился о серые валуны, извергая разноцветные брызги.

Шли долго, и сейчас опершись на посох человек стоял и молчал. Вдруг он ловко наклонился, подцепил рукой голыш и с размаху бросил. Камешек рассек вязкую ткань воды, и воронка с брызгами стала быстро скатываться по течению, а река на ходу затянула рану. Человек опустил ладони в ледяную воду и замер, вглядываясь в свое отражение со складками усталости на лице и глубокими неподвижными глазами... Он повернулся к людям, что-то коротко сказал, и как-то сразу всем стало легче, словно позволили наконец выдохнуть после глубокого вдоха.

Замечаев служил «на театре» и, в общем-то, ничего больше в этой жизни делать не умел, однако в последнее время о чем-то задумывался. Готовясь в гримерке к выходу, он иногда подолгу всматривался в зеркало, силясь вспомнить нечто такое, чего никогда вспомнить не удавалось, что всегда ускользало от цепкой актерской памяти.

Замечаев играл Гамлета в постановке модного заезжего режиссера. Главная роль в жизни.

- Как спектакль? — с искренним интересом спрашивал он у знакомых.

- Ты знаешь, — ответил однажды один, — по-моему, ты скользишь по поверхности.

- То есть? — заинтересовался Замечаев мнением профана.

- Неглубоко копаете. Ты вот горлом берешь. И так пытаешься, и эдак — хочешь уйти от сыгранного до тебя, да и другие тоже. А что в результате? Сбиваетесь со штампа на штамп... Извини, конечно, но если бы Шекспир хотел, чтобы Розенкранц и Гильденстерн были педиками и выходили на сцену с велосипедом и фотоаппаратом, он бы так и написал, — показал знакомый на ладошке, — «Два педика, Розенкранц и Гильденстерн, выходят с велосипедом и фотоаппаратом».

- Ладно, — махнул рукой Замечаев, — можешь не продолжать.

- Разумеется, ни к чему... Ну а в конце, где ты лежишь убитый? Всему залу видно, как ты тяжело дышишь.

- Не могу же я не дышать, — пожал плечами Замечаев.

- Ясное дело...

И в очередной раз наступала кровавая развязка, и царственных датчан, понарошку

убитых бугафорскими рапирами, медленно накрывал тяжелый полог смерти. Мертвый Гамлет, чувствуя, как на его волосы оседает пыль, лежал с закрытыми глазами и думал, что, в сущности, приятель прав: все это уже было. Вот сейчас они встанут, выйдут на поклоны, переоденутся, постепенно приходя в себя, и поедут домой...

И тогда ему подумалось, что, в общем-то, единственный выход из замкнутого круга — это по-настоящему быть заколотым на дуэли с Лаэртом.

И внезапно он вспомнил, как однажды опустил ладони в холодную воду и замер, точно впервые увидев свое лицо. Это случилось давным-давно — когда вопрос «быть или не быть» еще не был для него риторическим.

СЛЕПОЕ ПЯТНО

Когда меня пригласили на день рождения, я решил подарить имениннику два килограмма апельсинов (и до сих пор уверен, что поступил правильно: над вкусами ода-ряемого голову можно сломать, а еда всегда к месту, ибо кто же в России, садясь даже за богатый стол, может быть до конца уверен в том, что поест хотя бы еще раз в жизни?)... Я шел к празднику мимо торговых рядов и у первого же фруктового лотка попросил взвесить мне два кило апельсинов. Милая полненькая девушка-продавец с ямочками на щеках приветливо улыбнулась и кивнула мне головой, как старому знакомому, набрала ярко-оранжевых плодов в целлофановый пакет. «Сколько я вам должен?» — спросил я. «Сто сорок один рубль». Мелочи при мне не было. «Вам придется сдать мне сдачу, четыре десятка я бы еще нашел, но рубля, хоть убейте, у меня нет». «Знаете что, — сказала она, — дайте мне ваши четыре десятка, а рубль занесете как-нибудь в другой раз: вы же постоянный покупатель». Взяв покупку, я пошел дальше, несколько озадаченный ее словами. Постоянный покупатель? Я никогда в жизни ничего не брал с этого лотка...

День рождения прошел удачно, апельсины были приняты благосклонно, я вернулся домой поздно вечером в приподнятом настроении, и мысль о девушке занимала меня. Молодая, красивая, жизнерадостная — где она будет, чем станет заниматься, когда кончится лето и придет осень, и наступит зима, и лотки с апельсинами, яблоками, сливами, виноградом исчезнут с улиц до нового тепла?.. Мне хотелось увидеть ее улыбающееся лицо еще раз, и задолженный рубль был как нельзя кстати: я представлял, как подойду к ней снова, как она вспомнит и улыбнется, а я положу монетку в ее застенчиво протянутую, слегка влажную ладонь и на секунду задержу в ней свою руку...

Через несколько дней я свернул с прогулки к тем же рядам. Девушка отлучилась, она стояла невдалеке и весело болтала с высоким пожилым армянином, выглянувшим на солнышко из своего киоска, где ремонтировал обувь. Я потоптался, глядя на сиротливые горки фруктов, по которым ползали тощие осы, потом залез в карман, достал свой рубль и бросил его на холодную чашку синих весов. Девушка обернулась, увидела, как я отхожу, и пошла навстречу. Поравнявшись, мы остановились. «Вы уже передумали?» — звонко спросила она, улыбаясь. Я посмотрел на ямочки ее нежных персиковых щек: «Я положил вам рубль». «А-а-а...» — протянула она. В ее глазах читалось непонимание. Я кивнул ей и двинулся дальше.

Она меня не узнала.

«ЖУРАВЛИ»

- Ты в своем уме? — сказал ей муж. — Ехать за три тысячи километров только для того, чтобы посидеть пару дней рядом со стариком!

- Но он мой отец, — повторила она. — И мы не виделись восемь лет. Должна же я хотя бы еще раз в жизни встретить его день рождения вместе с ним!

- И все? Только для этого? — фыркнул муж. Ему вовсе не хотелось оставаться одному на неделю, а то и на две. — Есть масса других способов дать знать человеку, что о нем помнят. Напиши письмо. Разорись на междугородный звонок, в конце концов.

Но вот так срываться с места и переться черт знает куда... А впрочем, делай как знаешь, — махнул он рукой. — Ты всегда была упертая. Вся в папашу.

Она в раздумье включила приемник. Шла программа поздравлений по письмам радиослушателей.

- Слушай! — хлопнул себя по лбу муж, высовываясь из-за газеты. — А ведь гениальная идея, поздравь старика песней. Представляешь, как он обрадуется! Какая у него любимая?

- «Журавли», — подумав, ответила она. — Он когда слышал ее, всегда начинал плакать... Но все равно надо съездить. Неужели ты не понимаешь?

Он умер в конце июля, ночью. Покойный пролежал у себя в квартире два дня, пока ему подыскивали гроб, покупали венки и надгробие. Еще хорошо, что окна выходили на теневую сторону — хотя бы в день похорон можно было открыть рамы и впустить свежего воздуха.

В девятиэтажке напротив, грязно-белую стену которой заливал солнечный свет, было распахнуто много окон, и откуда-то струились веселые звуки воскресного радио, отражавшиеся от дома-визави и оглашавшие каньон между огромными панельными коробками.

«... «Мы передаем, — по долгу службы радовался диктор, — нашему дорогому отцу и тестю Петру Васильевичу Зотову сердечное поздравление с днем рождения: ему исполняется сегодня шестьдесят восемь лет. Папа, здоровья тебя и всего самого светлого! Мы тебя любим!». Мы присоединяемся к этим теплым словам, уважаемый Петр Васильевич, и по просьбе ваших дочери и зятя сейчас прозвучит ваша любимая песня «Журавли» в исполнении Марка Бернеса».

В неподвижном воздухе плыла мелодия и несла задумчивый, совсем не певческий голос, грустивший, наверное, и о собственной судьбе...

В комнату не входили, поэтому никто не видел, как по щеке покойного сползает тонкая и медленная слеза.

БЫЛ НОЧЬЮ ДОЖДЬ

Был ночью дождь. Я понял это сразу, еще не поглядев в окно, чтобы увидеть потемневшую от сырости землю с колючей седой щетиной прошлогодней травы, голые обветренные деревья с дрожащими ветками на фоне синего неба, по границам которого расположилось мое окно.

Почему я не слышал дождя? Ведь я всегда, даже в самом обессиленном сне, приходящем на смену бессоннице, слышу, когда он начинает...

Почему-то вспомнилась осень и как ты приехала ко мне в последний раз, когда мы оба еще не знали, что это последний раз, и ты была такая красивая-красивая в своей длинной шерстяной юбке и мягкой курточке со смешным воротником из желтого меха. Ночами уже холодало, на стекла к утру ложился иней, можно было увидеть свое дыхание, но днями еще пригревало, и ломкая сухая листва прозрачно трепетала под ветром, по ней густо стекало солнце, а сама она словно вливалась в мое окно.

Ты, как всегда, задернула шторы, потом положила руки на мои плечи, внимательно и серьезно посмотрела мне в глаза. «Ну, здравствуй», — сказала ты и потянулась ко мне губами...

Что-то напомнило обо всем этом ранним весенним утром, когда я только-только открыл глаза и неподвижно лежал в хмурой темноте. Может быть, ты снилась мне? Но ведь нет, — я всегда жалел, что не вижу тебя во сне... Открыта форточка, с улицы доносятся прохлада и запах земли — его нельзя перепутать с другими. И я понял, что меня снова охватывает тоска...

Когда ты уезжала, мы расставались легко и светло, будто знали, что жизнь большая и не может же быть так, чтобы мы не увиделись никогда больше. Жаль, я даже не поцеловал тебя тогда на прощание. Ты помахала рукой из-за пыльного стекла, автобус

взревел и попятился, а я стоял и смотрел еще некоторое время...

Время. Уже пора одеваться и выходить.

...Сколько его прошло? Я больше не знал о тебе ничего, и ты не писала. А я бы очень обрадовался. Я бы очень обрадовался.

ЧЕТВЕРО

Прадед мой во время застолья вилок заколол чешского офицера в 1918 году. Ему пришлось пуститься в бега, прятаться у партизан. Однажды в перестрелке его ранили. Деревню заняли колчаковцы, а несколько партизан не успели скрыться, среди них был мой раненый прадед. Они сидели в подполе какой-то избы, а наверху с недолгу пили-гуляли. У прадеда началась гангрена. Ему отпилили ногу ножовкой, дав глотнуть чистого самогона.

Другой мой прадед в 1920-х годах работал в милиции. Он поймал сослуживца на мародерстве, и тому пришлось уйти из органов. Вскоре оттуда по состоянию здоровья ушел и прадед, став агентом по скотозаготовкам. Однажды он приехал в какое-то село, и оказалось, что там живет его бывший сослуживец. В честь встречи они выпили, прадед заночевал у него, а ночью хозяин взял топор и отрубил гостью голову.

Третий мой прадед погиб на каком-то празднике, когда они с братом сняли со стены беспатронное ружье и в шутку стали друг в друга стрелять. Первым стрелял прадед, — естественно, осечка. Его брат со смехом сказал: «Теперь моя очередь, становись», — отошел подальше, прицелился и спустил курки. Ружье, естественно, выстрелило.

Четвертый мой прадед был кулаком. Он добровольно отдал мельницу в колхоз, а потом куда-то бесследно исчез. Кажется, из всех четверых он один не баловался спиртными напитками.

ИНТЕРАКТИВ

В трамваях ей уступали место, а соседские дети называли «баба Даша», хотя ей было всего пятьдесят два.

Возвращаясь с работы, она бережно вешала пальто и мельком глядела в зеркало. Ничего нового там никогда не показывали, и она на ходу поправляла сбившиеся под шапкой волосы, которые давно не закрашивала, останавливала взгляд на фотографии мужа и снимке двоих сыновей. Они улыбались ей, а младший даже махал рукой.

Она включала повсюду свет и наконец — радио на кухне, работавшее всегда на одной и той же волне. Каждый день в одно и то же время начиналась передача, где веселый ведущий предлагал дозвониться в студию, назвать свою любимую песню и получить за это приз. Приза ей было не нужно, однако уже четвертый год под звук закипающего чайника она снимала трубку и накручивала диск. Желающих услышать себя по радио оказывалось много, и через полчаса передача завершалась под бодрые мотивы. После этого день заканчивался.

- Здравствуйте, как вас зовут?! — захлебываясь от оптимизма, крикнул ведущий.

Она помедлила.

- Вы меня спрашиваете? — наконец спросила она.

- Вас, вас! Вы дозвонились в нашу студию за пять минут до конца программы и оказались последним участником на сегодня! Как ваше имя, где вы живете?

Дарья Николаевна помолчала.

- Извините, — сказала она. И положила трубку.

Екатерина
Вихрева

Сезоны

ЗИМНЕЕ

* * *

Эта зима, в это время расстегивают
воротники
так неохотно. Шарфы и галстуки
держат прочно
и наглухо речь, пульс разваливается
на куски,
отстукивает: точка точка точка
тире тире тире точка точка точка.
Нас ведь никто не просил излечиться
от солнечных ран,
Бултыхаться в сетях,
изменяя крылу с плавником.
Но мы все равно возвращаемся в море,
оттуда смотрим на караван
И на птиц, и мигаем им
рыбьим зрачком,
А вокруг распускаются
папоротник и тростник,
А наверху взрывается небо,
оно против нас в морской бой
Рубка в огне, ты плывешь
в окружении субмарин
Точно таких же, как ты, и ты
проиграл, ты проиграл, черт с тобой.

Хочется вить гнездо, петь весну,
холодом горло обжечь,
Мы так по-детски ставим ловушки
друг другу, не спим полночи -
зачем? Но послушай... Послушай!
Послушай же:...
точка точкочка тире тиретире
точка точкочка

* * *

Но это звучит так громко
это почти рамштайн
у меня на пальцах лопаются перепонки
и давление в тысячу атмосфер —
ватерлайндедлайн
у меня голос мур-мур и сильно
болят глаза
замыленные чужим
у меня дело кажется швах
и трещат по швам
оболочки моей души
у меня нет непрочитанных сообщений
и пахнет опять весной
ей может быть стоит забраться в душ
у меня так ясно и пусто
и как-то само собой
корабли уплывают из океанов
в пространство луж
а ведь и мы когда-то сходили с ума
и не так как сегодня — от давления
в тысячу атмосфер
а сейчас смотришь в зеркало
по вечерам
ищешь там двадцать пятый год,
а находишь серость но ты не верь

и вот не пережившие эпоху
последние трамваи бродят в лужах
и тыкаясь холодными носами
потерянно виляют по проспектам
а кто-то тот, переступивший
через рельсы,
никак не может посмотреть налево
потом направо и бежать в упор
сквозь перекресток

как пуля из нагана с гравировкой
«Товарищу Тому, кем ты не стал»
захлебываясь в треснутом стакане
стоят твои цветы — тюльпаны,

еще не все как есть предрешено
еще не выпустили шарик на параде
еще как воздух в легких ходуном весна
и каждому дозволено проститься
и каждому дозволено простить
и даже тот, кто перешел на рельсы,
быть может станет бабочкой вообще.

быть может тот маршрут отменяют
те, кто случились так,
как не случился ты.

.....
он вышел из вселенной
скоро будет

* * *

Сможешь ли ты превратить свой дом
в убежище для былых времен и чужих
веселых людей? Когда они позовут с со-
бой, сможешь ли ты уйти? Выйдешь ли
вечером в ливень из комнат, разбухших
от слов, в город, где бродят чума и хро-
мые коты, - к беде. В зал с камином,
где камень, бархат и лен, где от всего
защищает огонь, от остального — меч
или лед, а ото льда — любовь.

Но сколько б не платят — тебе не сно-
сить головы, как бы не плакать — тебе
не выплакать слез, не выплавить коль-
ца. Не было, не было ничего, никогда,
нигде. Только в моем переполненном
кровью сердце и только на самом дон-
це. Церковь, средневековая грязь, кре-
сты. Совсем как тогда, и совсем как
тогда — «спасибо за все, прости».

* * *

- Я люблю тебя.
- Я тебя тоже. Разве можно
тебя позабыть?
- Можно, милая. Ты забудешь.
Все малыши тоже сначала
могли говорить

На языке дождя и луны, до того,
как они вышли в люди.

Помнишь, раньше ты покупала
билеты на танцпол
и никогда — за столик?

Нет, не помнишь. В этом и весь
прикол,
В этом, Алиса, и весь прикол,
и смешно до колик.

Помнишь, я подарил тебя шляпу
и сердце

Из серого фетра, набитое
серым песком.

Это было в какой-то жизни,
где мегагерцы

И мегабайты еще не измерили
нас целиком.

Знаешь, Алиса, я пытался
тебе присниться,

Я разыскал тебя в этом крошечном
смешном аду.

Но Алиса, милая моя Алиса,
Ты всегда выбираешь не Шляпника.
Что-то сбилось.
Хотя я так и не смог оставить
тебя одну.

* * *

Прекрасны лишь лебеди, гадки — гуси,
Все как положено в правильных
сказках.

Никто из породы гусей
не покажет Люси

Небо в алмазах.

Впрочем — курлык — лебединая стая
Тожже однажды замерзнет на льдине.
Я же пишу сейчас тем, кто оттает,
Тем, кто на желтой уплыл субмарине.
Этих стихов не проходят в школе.
Этих курлык не поют,

или так фальшиво.

В каменном море, в панельных атоллах
Мы все-таки живы, живы.
Но — в соседстве в основном
не-в-себе-вещей,
Берущих тепло, источающих холод.

Мы, пожалуй, из тех малышей
К кому не успел Холден Колфилд.

ВЕСЕННЕЕ

* * *

*Расстояние — больше жизни,
ты же знаешь, моя звезда.
Вот отчего ты молчишь, когда
Я все-таки тебя вижу.*

* * *

*По инерции, по инерции,
Вне вдохновения, вне интуиции,
Только выменял зимнее на весеннее —
А на улице лето и осень на лицах.*

*По инерции, по инерции
Общаемся, лаемся. Спишемся,
выспимся*

*Когда-то потом, под настроение,
Когда-то потом, не дремлет Полиция*

*Кармы, берут с поличным,
родился? Впиваются глухо и алчно,
но ты продолжай, продолжай
движение*

*опять по спирали, с девочкой мальчик,
с мальчиком девочка, после дети,
услышать бы отклик,
оставить бы отблеск:
пусть за воскресением — воскресение,
а за понедельником — вечный отпуск.*

* * *

*Что свалилось на нас?
Такой холод и нет весны.
Говорят, суждены эти дни, кем,
зачем суждены?*

*Все это утомительно
и страшно неинтересно.*

*Миссис Дэллоуэй вновь
покупает цветы,
Хочет туда, где тепло,
где в ряду простых
чисел отыщется восхитительно
неизвестное.*

*Зов недочитанной книги —
внушение, самообман.*

*Штучки безжалостных,
ибо не ведают, Фата Морган,*

*Пудовый замок на картонной
шкатулке.*

*Дрожащими пальцами
перебирает листы,
Карты, стекляшки, -
ворох чужой и своей пустоты,
«Это неправда», — шепчет она. «Да», -
отвечает ей эхо гулко.*

* * *

*Маленькая девочка
в красных сандаликах
Ловит на колышках золотых стрекоз.
Скоро, скоро будет гроза.
Скоро, скоро улетит стрекоза.*

* * *

*Мой дорогой Фролло, помните,
я танцевала,*

*И чернь рукоплескала,
И жмурились горгульи.
Мой дорогой Фролло,
если б тогда я знала:
Отпущено мало, мало
Меда в человеческом улье.*

*Мой дорогой Фролло,
что вам ваша сутана?
Яростные в желаниях
Вечно бьются о скалы -
о, мой Фролло! -*

*волной у подножия храма,
Душам их нет пристанищ,
Как же они устали.*

*Мой дорогой Фролло,
за каждым углом - солдаты,
Любовь, которой не надо,
И жизни великая пошлость.
Мой дорогой Фролло,
если бы можно спрятать
Знание о грядущем,
Память о прошлом.*

ЛЕТНЕЕ

* * *

Улирической героини есть лето и новая
сумка, муж ненавидит ее бардак.
Она хочет быть привидением.

Кажется, что-то не так.
Закрывает доступы, лички, не красит
глаза и не лепит смайлы,
гадает по «Гуглу» и Кэрролу,
но этой магии мало.

Мечтает о домике с садом в старой
Праге или там, где thecapitalof Джи Би.
Верит в метемпсихоз и карму,
верит во все, кроме любви.

Больше всего на свете она боится,
что в тридцать

Все пребудет на тех же местах.

Только родит дочурку,
чтобы назвать Алисой.

Кажется, что-то не так. Кажется,
что-то не так. Кажется что тонет ак.

* * *

Как сплошная метафора жизни иногда
подойдет только джаз,

И плевать, если это было давно
и вообще не про нас.

Ты скажешь: такие, как мы, редко
играли такое, как мы -
те, кому настучали нотным ключиком
по голове,

распознавая шифровку,
свалили из нашей зимы,
и кто их осудит в ответ?

Там хорошо, где нас нет.

Там в полумраке бокалов и баров
сгущается соло,

в горле встает саксофон.
Там выжимают слезу,

как в кофе лимон,
И граммофонной иглой царапают
память до крови.

И зазевавшийся слушатель вдруг
обнаружит себя в ч/б кинохронике,
Hallo, Dolly! Ella, good morning.
Кроме

прочего, там как будто бы нет никого,
кто умрет.

Перочинным ножом разрезая
страницы своей NewYorkPost,

Они делают это как минимум
сто лет подряд,

Сводки с торгов, колонка
спортивных побед,

Некий spiritofnation, проще сказать -
дистиллят.

Выпив текилу, выкурив Malboro,
сыщешь ли нужный фермент?

Нет.

Помнится, первый курс, ты несчастно
влюблен и читаешь Шведову Н. Ю.

Ночь, она посмеялась, жара, сигарета,
молчит телефон, июнь,

ты думал тогда - theeastistheeast,
в этом, кажется, что-то есть.

Открытые окна, радио крутит
фицджеральдовский раритет,

Ты сдал на экзамене все, а книгу
тогдашнего лета забыл прочесть.

Найдешь ли теперь билет,
В котором theeastisthewest?

* * *

Утро озаменовано падением бутерброда.
Взгляды в маршрутке намекают

на продолжение рода.
Девочке все равно,

она смотрит слайды.

Он борется с темной,
режется бритвой,

Танцует что-то свое,
натягивая свитер,

У него в глазах — по кило асфальта.

Они обнимаются, когда засыпают -
каждый

в своей постели. И просыпаются
с ощущением кражи

в сердце, закоченев, как часы без гирек.

Ее написала художница
в провинциальном театре,

Та, которая умерла,
не дождавшись марта,

Его написал модный столичный лирик.

Именно так охарактеризовал когда-то свое литературное творчество В.С. Золотухин, обнажив тем самым две стороны своей творческой натуры: Золотухина-актера и Золотухина-писателя.

Дмитрий
Марьин

Игра, доведенная до потребности

Золотухин-актер давно и хорошо известен. Его роли в кино — всегда яркие, запоминающиеся, а такие, как красноармеец Трофимов («Пакет», 1965), участковый Сережкин («Хозяин тайги», 1968), Бумбараш («Бумбараш», 1971), Моцарт («Маленькие трагедии», 1979), стали, как сейчас принято говорить, культовыми. И именно по этим ролям мы уже рисуем себе образы героев тех литературных произведений, по которым поставлены фильмы. Певческий дар актера Золотухина принес ему не меньшую славу: «Разговор со счастьем» (х/ф «Иван Васильевич меняет профессию», 1973), «Песня Остапа Бендера» (х/ф «12 стульев», 1971), «Ходят кони» (х/ф «Бумбараш»), «Барыня-речка» (х/ф «Инженер Прончатов», 1972) — эти песни знает и поет вся страна. Ну а народная песня «Ой, мороз, мороз...» до ее исполнения В.С. Золотухиным в фильме «Хозяин тайги», как это ни странно, была почти неизвестна и благодаря голосу актера в народ шагнула прямо с экрана кинозалов.

А вот Золотухин-писатель известен меньше и до сих пор еще находится в тени Золотухина-актера. Заметим, что феномен пишущего актера совсем не уникален. К писательству обращались В. Ливанов, наши земляки Н. Лырчиков и А. Панкратов-Черный, В. Гафт, коллеги В.С. Золотухина по «Таганке» В. Смехов, Л. Филатов, и, конечно же, В. Высоцкий... Но Золотухин — не пишущий актер, он — актер и писатель.

Потребность в игре и потребность в литературной деятельности возникли в нем почти одновременно, жили вместе и питали друг друга, неразрывны они и сейчас. Сочинительством будущий актер и писатель занялся еще в школе, здесь же пошел в местную самодеятельность. С августа 1958 года, с момента поступления в театральный институт, Золотухин ведет дневник, в котором можно найти сюжеты его многих рассказов. Собственно, отсюда и два крыла Золотухина-писателя — художественная проза и проза дневниковая. Впрочем, они тесно связаны друг с другом, художественная проза автобиографична, а дневники писателя часто содержат лирические отступления и размышления автора,

так что отдельные части их вполне могут рассматриваться в качестве самостоятельных художественных произведений. Но и автобиографизм прозы Золотухина совершенно особый. В литературе жанр автобиографии обычно понимается как соединение внешних проявлений человеческой деятельности с помощью мотивировок, в которых при желании можно увидеть отдельные черты внутреннего мира героя. Но при этом такие мотивировки никак не являются самоцелью описания или результатом самоанализа. У Золотухина же сами события часто находятся на втором плане, а особое внимание автора уделено как раз мотивам своих поступков. Главная тема произведений В.С. Золотухина – истоки таланта, творческого дара, которые он видит то в малой родине, то в семье («На Исток-речушку...», «Дребезги»), то в духовной силе народа («Похоронен в селе»)... Своя тематика, свои способы осмысления действительности, свой особый язык позволяют считать В.С. Золотухина оригинальным писателем.

Как писатель В.С. Золотухин сделал не мало. В 1973 году в журнале «Юность» опубликована первая повесть, в 1978 году вышла первая книга. На сегодня наш земляк – автор девяти сборников художественных произведений и нескольких книг дневников. Золотухин – член СП Москвы. О его литературном творчестве тепло отзывались Б. Полевой, В. Распутин, Б. Можаяев, А. Тарковский, В. Высоцкий...

Парадокс: но как писатель Золотухин мало известен на Алтае. Для многих земляков эта ипостась Бумбараша не знакома. В лучшем случае называют повесть «На Исток-речушку, к детству моему» – и все. А ведь он – автор более 20 рассказов и повестей, работает над романом. Обидно и то, что по ту сторону Урала Золотухина-писателя знают и любят. А в Нижнем Новгороде еще и активно издают. Вслед за сборником художественной прозы в прошлом году здесь вышел уже 15 (!) том его дневников. Честно говоря, становится стыдно за малую родину. Ведь В.С. Золотухин по праву может считаться алтайским писателем. Он родился и вырос на Алтае. Его произведения неоднократно публиковались в журнале «Алтай», а в 1981 году в «Алтайском книжном издательстве» вышла его вторая книга. Золотухин пишет об Алтае, живет Алтаем, работает во благо Алтая. В 1980-е годы он выступал в печати против переноса с. Быстрый Исток, с тревогой говорил о проекте строительства Катунской ГЭС, в 1990-е строил в родном селе храм, в начале 2000-х годов стал художником Молодёжного театра.

И вот Алтай отвечает взаимностью. В 2011 году В.С. Золотухин будет отмечать свой 70-летний юбилей. Он родился 21 июня 1941 году, всего за полдня до начала Великой Отечественной войны. К юбилею писателя будет издано двухтомное собрание сочинений Золотухина, куда войдут художественные произведения, дневники и письма нашего земляка.

Внимание читателей «Барнаула-литературного» мы предлагаем произведение Валерия Золотухина «Рассказы бабки Екатерины» из состава будущего собрания сочинений. Он был написан еще в 1968 году, но впервые опубликован гораздо позже – в 1989-м. В рассказе можно увидеть параллели и с «Житием одной бабы» Н.С. Лескова, и с рассказом «Старуха Изергиль» М. Горького, и, конечно же, с «Матрениным двором» А.И. Солженицына. Но эти параллели вовсе не умаляют и не заслоняют от нас писателя Золотухина с его врожденным даром к точному и живому слову. В одном из очерков Золотухин восхищается умением В.М. Шукшина строить диалог, называя своего старшего коллегу и земляка мастером диалога.

Думаю, что вполне справедливым будет назвать самого В.С. Золотухина мастером монолога. Сквозь монологи бабки Екатерины зримо проступает тяжелая судьба женщины, но в них же отчетливо видны характеры ее собеседников, и даже те черты, которые ускользнули от самой рассказчицы.

Валерий
Золотухин

Рассказы бабки Екатерины

*...любезная хозяйюшка,
пусти нас ночевать...*

Из песни

У самого синего моря живет любезная хозяйюшка Екатерина Юрьевна Юрьева, старушка лет около восьмидесяти, у которой нам с женой посчастливилось остановиться дачниками с лишком на две недели. Друзья не советовали нам задерживаться в одесской духоте, а проехать автобусом к Санжейке, поселку с маяком и чистым морем, в стороне от железной дороги, а потому и не сильно забитому нашим братом. Мы поехали. Сезон дачный был в самом разгаре, и найти место у чистого моря казалось делом несбыточным. Какая-то добрая душа посоветовала нам пройти от самой Санжейки в «сторону Турции» километра два на хутор Левонидово и там спросить.

Хутор затерялся между виноградными и кукурузными, с лопухами подсолнухов, полями и обнаружился вдруг, когда мы совсем отчаялись его найти. На хуторе, как выяснилось потом, не было ни магазина, ни какой-нибудь керосиновой лавчонки, и за всем, что купить, нужно было ходить в саму Санжейку, к маяку. Но и это неудобство не останавливало дачников, и здесь, в Левонидове, все хаты оказались заняты, кроме хаты бабки Екатерины.

Дачники к ней селились неохотно, в самую последнюю очередь, когда не оставалось свободных хозяев. А почему они селились неохотно? Да потому что хата у нее имела вид заскорузлый, заросший, скотины на дворе никакой такой, чтобы можно было случаем подразжиться продуктами, только качки инкубаторские, да и то еще жидкие совсем, постные, время их еще не поспело, и бабка берегла их на свою одинокую осень-зиму. Да и пускала она — не разбежишься особенно. В каком-то годе ее надул наш брат. «Ушла к морю полоскаться — он и смотался. Жить жил, в огород ходил, место занимал, а денег не оставил. Невелика утечка — десять рублей, а жалко... Но ему такой винт дороже станет. Налетит на контроль и выкинет мою десятку. Вы не встречали козла такого в своих городах?!».

На первый взгляд образина ее — не приведи во сне увидеть. Во рту зубов два всего, деснами работает. Оставшиеся друг за друга цепляются, только мешают. Руки растрескавшиеся, крючковатые, а в остальном все как у всех нас было, есть и будет в восемьдесят лет.

Поначалу погода стояла великолепная. Целые дни мы проводили у моря, питались солнцем, воздухом. И даже вечерами приходили к морю: жгли костры, пили кислое вино, смотрели на луну и ждали на ее дорожке появления пиратского фрегата. Потом погода размокропогодилась. Мы чаще стали сидеть дома, а уж вечерами и вовсе не выползали и под шелест дождя вели житейские разговоры с нашей хозяйкой. Кое-что я умудрился записать под видом, что пишу письма. Жена переспрашивала интересные места по несколько раз, дотошно дознавалась до мелочей, так что я успевал записывать слово в слово.

«ОТКУДА ОНА ВЗЯЛАСЬ, ТАКА ПАСКУДА, ЕЖОВЧИНА?!»

- Во, добры люди, посудите сами — кому на роду что прописано, то и будет, правду говорю. Поначалу жила я хорошо, так хорошо, что и сказать невозможно — не поверите. Муж мой работал председателем артели. Держал коняку и манку запрягал, ездил по делам, по полям — куда надо. Я не работала. У меня дом был, корова, три поросенка, до 60 качек держала, курей, двое хлопчиков на мне... Начальство, местная власть вся у него в друзьях состояла; гостилась, столовалась у меня постоянно. Муж с кем приедет: «Катя, собери вечерять». Я побегну, качке шею сверну... рыбки (скумбрия тогда ловилась жутко, куда она сычас подевалась? Турки ее сманывают, что ли?), вина нацедю охальну банку... Да, правду говорю, хорошо жили, правда, хорошо. Работать в степу я не знала как. Жила себе барыней: что же? Муж председатель, а я себе работать пойду?! Да если кто приедет, мне надо сотню скумбрии, он возьмет сам выпишет, я пойду да возьму, правду говорю... Его любили, за работу хвалили часто. Всем он хорош был: и народу, и начальству, и мне. А тут откуль ни возьмись случилась эта ежовчина. Знаете, да? Откуда она взялась, така паскуда, господи, прости? Да... И мужа моего забрали. Пришли ночью в 2 часа, тогда по ночам дела делали, и увели. Я в слезы: за что, воплю, он не виноватый, у него двое деток! А мне старший, видать, ихний говорит: «Он враг народа, молчи, а то и тебя заберем!» Во, ескина мать! Ну, думаю, вправду еще и меня зацапают — заткнулась, а то хлопчики с голоду сдохнут.

Дня через два подалась я до начальника. А он с моим человеком в дружбе состоял, вина не одну банку у меня опрокинул.

«Здрате», — говорю. «Здрате, Юрьева». «Я, — говорю, — хочу повидать своего мужа и знать, за что его взяли». «Своего мужа, Юрьева, тебе уж никогда не видать. Ему паяють ежовчину!». Откуда она взялась, така паскуда, да?! Я говорю: «Что же мне делать, он мне двое деток прижил, их кормить надо, они хлеба просят?!».

«Деток твоих Сталин возьмет себе, а тебе советую подать на развод со своим мужем, тебе делить теперь с ним нечего, а о детках твоих Сталин позаботится». Во, ескина мать, поняли вы?

«Нет, — говорю, — на развод я не подам. Как он жил со мной, так хорош был, а как вы его взяли, то он испортился?! Нет, — говорю, — это не по-честному. А деток никому не отдам и сама прокормлю». «Наше дело, - говорит, - маленько, мы тебе хотим как лучше». Ну да, правду говорю, добры люди. Тогда я спрашиваю: «А где мне его повидать?». А начальник, друг его, говорит: «Не знаю. Кажется, он сидит пока на Молдаванке, но скоро его отправят на дальню Сибирь. Но тебе его не покажут, ему паяють ежовчину». Поняли вы, да?

Я расспросила добрых людей, где эта учреждения находится, и побегла с некоторой родней туда... Они остались на травке спротив, а я пошла. Зашла в первую дверь — никого. Друга дверь открыта, там коридор и отдельные таки загородки. А в уголку сидит человек и названивает по телефону: дзинь, дзинь, дзинь — да, да, дзинь, дзинь — да, да, да... Ну я представилась такой дурной, в платке, колхозницей — шашть и туда. Он как скочит, в грудь меня як вдарит, я и полетела в ту дверь, в кую вошла, и пала от беспамятства. Он думал, я яка шпиенка, во, ескина мать! Они меня водой булькнули, я очухалась. Стоит надо мной другой, вже часовой — паспорт мой спрашивает. Ну я достала, он прочитал — Юрьева... «Зачем туда шла?». Я говорю: «Хотела повидать мужа, его забрали тогда-то». Он, яког меня вдарил, красивый такой, мамочки, белый, кудрявый такой, списки пробросил: «Да, есть такой — враг народа, паяют ему ежовчину, вам его видеть нельзя, идите подобру-поздорову, бабушка». Бабушка... Яка я бабушка, мне тогда 35 не было. Ну я снова залилась, он спрашивает: «А кто вас сюда привел?». Ну я хоть в расстройстве была, но не така дура, чтобы сказать, сообразила: «Сама, — говорю, — нашла». А то бы их засадили или к стенке, во, ескина мать...

Вышла из ворот, мои ко мне. Я им мигаю — не подходите. А то бы их засекали враз.

Села в трамвай, они бегом, да на Привозе раньше, чем я, были. Встретились, там уж мы поделились. Они меня благодарить, что я их не выдала. Да, правду говорю, добры люди.

Делать нечего... хлопчики мои маленькие, жить надо как-то, они хлеба просят. А тут фриц войной пошел, хлеб по карточкам. Мне добры люди присоветовали: «Хочешь прокормиться, делай так: днем работай в степу, а ночью тягни тканку». И что вы думаете, добры люди? Пошла я эту тканку тягнуть. Это сейчас хорошо — ее на ворот мотают. А тогда... лямку вокруг живота наматываешь и тянешь по песку, аж глаза вылупляются. Поняли вы? Ее метров за сорок в море бросают, а мы, бабы, по берегу ее тягнем. Домой придешь, пузо болит, ноги в кровь. Откуда она взялась, така паскуда, ежовчина, прости господи?! Но кое-что все ж стала зарабатывать. А добры люди присоветовали мне хлопотать: «Муж руководителем был, за него тебе должны заплатить».

Поехала я в Одессу, на Бебеля, 12, — это самая главная учреждения. Сказывают, в Москве тоже есть Бебеля, 12, и там така же учреждения... главная... Это самая главная учреждения у советской власти. Пошла я на Бебеля, 12, мне начальник говорит: «Ваш муж — троцкист, идите, Юрьева, домой. Колхоз вам должен заплатить за мужа 12 тысяч». Я пришла к председателю — они решали, решали, откуда взять таки деньги, сунули мне 80 рублей и остановились. Я залилась, но поняла — видать, ничего не исправишь, жалиться идти некуда (до Бога высоко, до Сталина далеко), еще хуже бы не было.

Так и стала: днем работать в степу, ночью тягнуть тканку. Получила от мужа в первый год два письма. В обоих просил денег. Писал — их везут далеко, наказывал беречь хлопчиков. Ну, я что наскребла — отправила. Не знаю, чи дошли, чи не дошли, больше я о нем не слыхала.

А после войны пришла бумага: «Ваш муж реабилитирован, он умер в 1935 году». Я говорю: «Вы меня опять надуваете, моего мужа только забрали в 36-м, а по-вашему он уже в 35-м умер, а в 35-м он еще при мне состоял». Они свои бумаги перевернули, говорят: «Зайдите дня через два». Поняли вы, да?

Дня через два я опять на Бебеля, 12. Начальник говорит: «Да, ошибка влезла, муж ваш умер в 1937 году». Сами не знают, куда моего человека заховали. Сбрехали, что он помер в учреждении, мне похоронная пришла, поняли вы? Я стала их пытаться. Они потребовали фоточку его, чтобы установить. Я им фоточку не дала. У меня всего одна она... А им отдай, они ее зафартачат — и ни его, ни фоточки, пошли они к бесу. Говорят: «Вам полагается с колхоза за него пенсия. И не 12 рублей, а 40». А колхоз, где он работал председателем, назывался «Червоный пахарь», но он заработал миллион и стал «Путь Ильича», а у них и концов не найдешь, во как. Я подала в суд на Москву. Они озлились и это вычистили с меня — оставили 8 рублей. А на восемь я проживу? Это еще организм работает: цибуля, картошка, вино свое. А организм откажет, что тогда? Я снова в суд. Так они и 8 рублей отобрали, говорят: «У тебя огород большой». Но потом стали платить за сына, он погиб на производстве. Так я свою жизнь стрепала, добры люди, верите-нет.

...От времени и пережитого кое-что спуталось в памяти Екатерины Юрьевны. Не могли, конечно, тогдашние милиционеры этаких законченных ярлыков-формулировок знать и поминать все имя Сталина. Многие понятия вошли в нашу жизнь гораздо потом. Бабе Кате, разумеется, подобные мелочи были невдомек, да и зачем? Она, например, до чудного долго гадала, подсчитывала, «когда же она случилась-то, эта паскуда, ежовчина: до войны, или после». Потом выяснилось, что она еще две войны, кроме главной, помнит. А войны для нее все на одну колодку. Говорит она потешно. И сами выражения, и их интонации с большим юмором «одесско-хохлацко-цацапского» происхождения. Часто в самых трагических местах ее рассказа еле держимся, чтобы не расхохотаться и тем не обидеть. А уж где ситуация позволяет — смеемся досыта.

...Дождь перестал. Качки накормлены, улеглись в просе. Палаточники бредут по дороге, закатав штаны, босиком по грязи. От дождей в палатках воды по уши. Палаточники проснутся на хату. Но у нас некуда, нам втроем хорошо. Мы просим бабулю не изменять нам, не брать никого. Так нам никто не мешает, душевно беседуем, горилку иногда потягиваем для здоровья от сырости... И слушаем, слушаем...

- Во, добры люди, правду скажу. Был у нас один ярылый председатель райисполкома. Знаете, что такое райисполком? Вот эта главная учреждения у советской власти после Бебеля, 12, поняли вы? Так этот председатель домогал меня, чтоб я с хаты своей съехала, бо я в обороте была. Сколько раз он вскидывался и кричал: «Выбирайся, бо ты в обороте!». Выкидает меня, и все тут. Что ты ему сделаешь? Во, ескина мать!

- А как это — в «ОБОРОТЕ»?

- Ну, моя землянка, что еще с мужем лепили, на краю земли стояла, в поле... Трактору надо прямо жарить, ему мой дом объезжать неудобно, добры люди. Но меня надо тоже понимать. У меня сын в армии советской власти. Другой 10 лет со мной не живет, у него своя власть в Ростове... Сама же я невесильна подняться: хозяйство, корова, телка за сыном приписана... А этот дурачок сельский, как мимо едет, так выкидайся, ажно до слез. Трем он сделал выкидыш. Но у тех деньги были. Они купляли досок, камень... со своих домов, что можно было, перетаскали. А я старуха, ну куда я... Да... Не поверите, добры люди, правду, чисту правду говорю. Что делать, хоть в печь полезай. Ну что бы вы мне присоветовали, добры люди? А тут, как глядь, катит на машине начальник заставы. А машина у него така черненька, «жучок» мы ее звали. Вот пылит этот «жучок», а в нем, конечно, начальник тот сидит: проверяет, чи ходит часовой, чи не ходит часовой (посты назывались они), правильно ли ходит, чи, может, спит али пьяный. У нас тогда полоса первый номер была — погранична полоса. И паспорта у нас первые номера были. Я с этим паспортом и в город пройти могла и сюда домой. А ты, езли у тебя первого номера не было, то ты уже не мог к нам пройти... да, правду говорю, добры люди. И что вы думаете? Представилась я такой ненормальной, подняла руку, он остановился.

«Здрате», — говорю. «Здрате, — отвечает. — В чем дело?» — «У меня до вас, — говорю, — просьба в запасе...» — «Да, пожалуйста», — говорит. — «Разрешите мне в обриве дирку выкопать». — «Зачем?» — говорит. — «Я там жить буду...» — «Нет, — говорит, — нельзя в обриве дирку копать. Этот обрив государственный — погранична полоса, номер первый. Он охраняется от шпионов, вольным гражданам в нем находиться нельзя». Я говорю: «Но в степу я не могу дирку копать, меня дождик зальет». — «Зачем вам в степу дирку копать? Где вы живете?» — «Вон, — говорю, — за телкой моя землянка. Но председатель райисполкома выкидает меня из нее, потому я в обороте: трактору объезжать меня неудобно, ему вдобно прямо жарить... А сын мой в армии, как я одна выкинусь?». Он говорит: «Вот что, бабушка, идите домой, никто вас не тронет. Этот председатель незаконно поступает. Если ему нужна тая земля, пусть ищет вам место, построит вам хату и сам перевезет. Ваш сын служит в Красной армии и пусть служит спокойно, как нам нужно». Поняли вы, да? Пришла я домой и сыну все отписала. Через малость времени подкатывает председатель. «Здрате», — говорит. «Здрате», — говорю. «У вас сын есть?» — «А куда ж он девался?» - «А почему вы к нему не выбираетесь?» — «А не хочу, — говорю. - Я здесь родилась, мамка с батькой тут закопаны, и я хочу тут опрокинуться». — «А другой сын в армии?» — «В армии. За ним вон тая телка расписана». — «Ну, ладно, — говорит, — тут живи пока». И уехал.

Еще через скоко-то дней вызывает меня в партийну организацию, в их главный дом. А там, не поверите, добры люди, ногой ступить некуда.

- Народу много?

- Какой народу... коври бархатны, не поверите, крутом... везде, а я в ботинках в австрийских.

- Грязные?

- Не, не грязные... но они не наши, такие охальные, солдатские... Стала у стороночки, стою... «Вы кто будете?» — спрашивает. «Я — Юрьева». А он же меня знает, он же меня и вызывал... «Ну, проходите». А я боюсь ступить на их ковры, такие на стенку весить надо, а не под ноги стлать... «Вот начальник части пишет, что ваш сын ходил до него, жалился, что вас притесняют, выкидают из хаты. Ему надо служить спокойно, как нам надо, а он не может, о матке думает, не спит, беспокоится. (А он поваром был у них, не может, говорит, вкусно готовить.) Мы обсудили ваш вопрос и решили — пока сын служит, вас не трогать. Идите и спите спокойно». Я ему говорю: «А мне на телку на сынину корму не дают. Она на него приписана». — «Ну, вы же знаете, бабуся, с кормами везде плохо. Продайте эту телку». — «Шутите вы, телку продать?!» Я доперла, что корму мне с него не добиться, пошла, да второе письмо сыну отписала... мол, так-то и так, корму на твою телку не дают, велют продать, иди к начальнику, проси корму на телку.

Он пошел, опять пожалился, что не может служить, вкусно готовить — о матке с телкой думает. Начальник распорядился. Так аж с-под Бугаса привезли мне арбу соломы. Во как! Поняли вы?! А кабы я не встретила тогда «жучка», не спросилась бы у начальника дирку в обриве выкопать, так слопал бы меня председатель. А его потом самого, этого председателя, турнули за всякие такие незаконные поступки. Отправили руководить в холодный район. Так народ передавал — вагон добра с собой потахтарил. Во, ескина мать! Погода погана. Считай — надо идти и одевать чего-нибудь.

По ночам чаще и чаще стало грохотать. Но мочит не всегда. Чаще всухую трещит. А так еще страшнее. Когда льет — думаешь, сейчас выхлещется и перестанет. А когда не хлещет — неизвестность. Бабуля наша за стенкой в кладовке похрапывает смачно. Иногда спросонья бабушкин храп путаем с небесным. Смешно. Керосин кончается. Идти по такой погоде охота? А на чем пищу готовить? Печка на улице неисправна. Как говорит бабуля: «Некому трубу свертеть, да и залеза нет... Эхе-хе-хе-хее...»

- Во, добры люди, правду скажу, как спуталась моя жизнь, как убили злые люди моего сыночка. А почему они его убили? Да потому, что он очень честный был. Пришел с армии, стал коммунистом. Насыпал на дворе четыре кучки проса и заступил лепить хату нову.

- А зачем кучки насыпал?

- Чтобы домовый указал удобное место. Насыпляют ему четыре кучки по углам и оставляют на ночь. Утром глядят. Если кучки раздристаны, надо с этого места отодвигаться, значит, хата стоять не может на том месте — домовый не хочет. На метр, на два в тую сторону, кудой зернышки указывают, и опять насыпляют и снова ждут до утра. Утром глядят... И так насыпляют кучки, пока они не раздристаны будут. Значит, домовый место облюбывал. Во, ескина мать! Поняли вы? Правду говорю... А руки у сыночка были... ай какие лапушки! Быстро он эту хату сконопатил, да только пожить ему в ней не привелось. Честный очень был. Работал бригадиром на баркасе — рибу доставали. Тогда скумбрия ловилась богато и не така дорога была... Это сейчас ее не стало. Куда она подевалась? Турки ее смывают, что ли? А тогда... Ух ты, ескина мать, скоко ее было, и он всю ее сдавал государству. А им, с кем он работал, воровать надо было, а он не давал: всю до дохлой колхозу сдавал. Стали они копить на него злобу, подумывать, как от него избавиться. Болтали про него, что он выслуживается — план перегоняет и тайно, дескать, гребет премию. Но сыночек был парень кремневый, свою титьку он дососал, да только не помогла ему моя титька в ту непогодь. Договорились они его укокошить. Выспросили водки с него, взял он им ящик с собой. Чужало мое сердце — не надо было ходить им за рыбой: погода дурной быть обещала. Так оно и выехало. Напились они в море, поднялся ветер, а им того и надо было. Нарочно заспорили с ним, парень он был — за два метра над обривом мотоциклет слету затормаживал, — слово за слово... кто-то его ключом и ахнул сза-

ди, да в море и сбодали сыночка моего. Говорили потом, будто стал он пьяный переходить, баркас вихлялся, его и сшибло. Дескать, не показался ни разу из воды — все решили, что сердце лопнуло.

Они думали — море покроет их. А оно его вынесло через три недели. Мне, дуре, надо было сразу дорогу спертизу выписать, а я понадеялась на местную. Они с ней снюхались, и местная спертиза их покрыла: «Действительно, упал и сердце лопнуло. А дыра в голове от того, что на камень бросило, когда он уж мертвый был». Что там можно было разглядеть после месяца с рыбами?!

Я как узнала, кинулась из хаты и с обрыва в море осунулась, как ноги не перемолола. Стала вопить, рвать волос на себе, просить море: отдай, отдай! Да где там!!! Разве море с ухами?

Мне, дурной, надо было снять со стены двустволку да пострелять их, шакалов. Мне за то ничего б не было б — я в аффекте была. Двое суток без сознания лежала. Казалось мне — жив он, только пошел к другу за баяном на маяк. На третьи сутки маленько очухалась. Все зеркала от меня попрятали, чтоб я не увидела себя, какой я седой и срамной сделалась. С того и глаз стал у меня зарастать. Врачи говорят — лопнула в нем жилочка от беды. Так и осталась бабка одна в недостроенной хате. Телка, что за ним приписана была, коровой стала. А зачем мне молоко? Я ребянкам ее растила. Забила да свезла на базар.

- Екатерина Юрьевна, а почему бы вам к старшему сыну не уехать?

- Он зовет все время, приезжай, мама, да приезжай. А кому я там нужна?! У него своя власть... жена така дикая, не приведи Господь. Город Ростов... Я не привычна к ихней жизни. Кавунчика своего летом не попробуешь, все с чужого огорода. А я люблю вино делать. Вот осень подойдет, соберу винограду, натолку бочки две вина... Сосед меня пьяницей обзывает. А кто-нибудь меня под забором видел, чтоб я валялась?! Я выпью стаканчик-два да сидю дома, с качками говорю. А он сам не выпьет — дачникам сбережет. А какое вино в августе — уксус голимый. Да еще табаку подсыплет, чтоб дурнее было. Ух, хулиган! А меня пьяницей обзывает, ескина мать! Нет, добры люди, не поеду я никуда. Тут у меня батька с мамкой закопаны, и я тут опрокинуться хочу. Еще организм, слава те, Господи, работает: цибуля, картоха, вино — все перерабатывает. А не будет организм работать?! Обдерут и отнесут Екатерину Юрьевну к батьке с мамкой. Кой раз решусь пореветь, а слезы не каплют — кончились давно. Так и реву всухомятку. Мужа меня лишила ежовчина, сына люди укокошили, а я все живу, живу...

На прощанье мы трубу ей все-таки «свертели» из брошенного недра. Натаскали глины, песку из-под «обрива» для всякой заделки, керосину два ведра полных приволокли. Обрадовалась она, как дите малое, когда мы забрали ее старые, чиненые сетки и оставили свои шелковые, новехонькие. Нагрузила нас кавунчиками, дынями со своего огорода, подсолнухов наломала на дорожку. Приглашала на новое вино. «Пишите, пишите... Не отпишу, а читать стану, вспоминать...»

Так и осталась она опять одна-одинешенька над обрывом, в котором просила выкопать «дирку», у своей разбитой и никем не починенной, не согретой жизни.

Кому случится быть в тех местах, загляните на хутор Левонидово к Екатерине Юрьевне, кланяйтесь от нас, «свертите» чего-нибудь по хозяйству.

Мы продолжаем составлять антологию стихов о Барнауле нового, нашего тысячелетия. В стихах современных барнаульских поэтов наш город предстает таким разным – и комфортным, и драматичным, и комичным. Но всегда местом, где хочется жить и любить. Если у вас, уважаемые читатели, есть стихи о нашем городе (или те, в которых ваш лирический герой просто обитает среди узнаваемых реалий), присылайте их в редакцию по адресу: barn-l@ya.ru.

«Конечно, я помню все»

Людмила Гаркавая

* * *

*Так знай, медлительный мессия,
Мертворожденная любовь:*

*Течет все так же к морю Обь,
Все с той же скоростью и силой,
Не собираясь развернуться,
И – вспять! И – с Волгой!*

И – с Днепром!

*И только тучи в клочья рвутся,
Живьем картины Гейнсборо.*

*На катере – матрос в берете,
Что курит едкую махру,
Флажок – тебе письмо в конверте,
Гудок прощальный на ветру...
Насколько злее стала квинта!
В Оби не водится медуз.
Кисель воды прозрачно пуст,
Прозрачно нежен... Меццо-тинто.*

*И мимо город – мирно, мерно.
Укрылись маревом дома,
Кому – очаг, кому – тюрьма,
И не уплыть, что характерно,
И не уплыть... На то бесовский
Расклад: морока, маета...
И тут бессилен Айвазовский –
Свинцовость. Ветер и вода.*

Пауль Госсен

ГРЕКИ

*Что греки? Греков нет давно,
а те, что есть, – совсем не греки.*

*Мы пьем с Андриюхой вино
у краевой библиотеки
и, перебрав, твердим одно:
«Что греки? Греков нет давно».*

*Что греки? Греков нет давно.
И будь он трижды Аристотель –
ему, хоть тресни, не дано
пьянеть сейчас. На этой ноте
прервусь, в стакан плесну вино.
«За греков!». И увижу дно.*

*«За греков!». И увижу дно.
Гомер, Платон, Сапфо, Сенека
(не грек Сенека? – все равно
по пьяни он сойдет за грека)
переживут в веках нас, но
сейчас мы пьем, им – не дано.*

*Сейчас мы пьем, им – не дано.
И толстый том Аристофана
забыт в кустах. Уже темно.
Глоток последний из стакана
я сделал. Как горчит вино!..
Что греки? Греков нет давно.*

Дмитрий Мухачев

* * *

*Словно в небо поблекшее кричат
или крейсер в уютный залив,
я входил в свой ноябрьский вечер,
трамадол кока-колой запив.*

По проспекту на старой маршрутке,
мимо банков, барменов, аптек,
вспоминая нелепые шутки,
ехал я — непростой человек,

в окруженьи вульгарных студенток,
хрупких агнцев с глазами меняя
и безвременья страшная лента
обвивалась змеей вокруг меня.

Плеер мой нежный хор Карла Орфа
мне дарил, будто зренье — лорнет,
был в крови синтетический морфий,
а в глазах — опьяняющий свет.

Двадцать лет как два дня —
все сплошные
разночтения, разборки, обиды.
Ах, родные, смешные, больные,
вас любя, я не подал и вида!

Вы разнузданным виришам не верьте,
я играюсь пустыми словами.
Если есть этот рай после смерти,
я хотел бы в нем быть вместе с вами.

Наталья Николенкова
* * *

Сердце заплети — и расплети,
Будешь совладельцем артефакта.
Нарисуй мне звезды на груди,
На асфальте Павловского тракта.
Полюби меня, повелевай,
Помоги замерзнуть и согреться.
Баю-бай, мой ангел, маю-май!
Положи мне голову на сердце.

Елена Ожич
* * *

Эти места помнят тебя малышом.
Привет, говорят, какой ты теперь
большой.
Помнишь нас, стариков, улыбаются,
вот хорошо.

Кто это к нам сегодня с тобой пришел?

Расскажи ему, просит зеленый парк,
Был я когда-то аптекарский огород,

Там есть мостик, и речка
под ним течет,
А вон тир, стрелять еще помнишь как?

В конусы сироп заливали пахучий,
свежий,
По понедельникам стригли
мне заросли.

Танцплощадка, смотри,
и машинки те же,
А вот чертово колесо, извини, снесли.

Расскажи ему и про нас,
обязательно расскажи,
Просят в библиотеке

пыльные стеллажи,
Как ты до верхних полок
не доставал рукой,
Прыгал еще, маленький был такой.

Ты нам книжку, кстати,
тогда не вернул одну —
Как Стенька Разин
в Волге топил княжну.
Мы не хотели ее выдавать —
рано тебе еще.

Разве ты нас послушал,
взял и в три дня прочел.

И про меня, просит на улице Кирова
старый дом.
Помнишь прохладный полуподвал
с окном?

Там подоконник был низко,
у самой земли,
И у тигровых лилий серединки
в рыжей еще пыли.

У меня клопы-солдатики
по-прежнему за сараем,
К тополю подвешено новое колесо,
Может, пойдём, ещё поиграем?
Помню, отвечаю.
Конечно, я помню все.

Вот вам приятель новый,
такой сорванец — ого,
В игры его берите, меня-то теперь
чего?

Сергей
Бузмаков

Шукшина на всех хватит (заметки писателя)

Первое с ним связанное, смутное, так как много ног, пыли, страха и при этом восторга.

В старый еще наш деревенский клуб (новый строят уже лет семь и достроят лишь через три года к шестидесятилетию Великой революции), а именно в кинозал, набилось необычайное количество народа.

Из устного деревенского анонса: будут показывать про тюрягу, про воров, про любовь. Мы, мальчишки, ползаем между рядами деревянных зрительских кресел, прячемся от строгой тети Нины — кассирши, контролерши плюс жены страдающего, видимо, от большой любви к киноискусству запоями киномеханика дяди Саши. Народ за нас, народ нас не выдает, потому как мы ползаем на задних рядах, а здесь по традиции собирается внимать, и не только, впрочем, внимать, самому массовому виду из искусств, молодежь совхоза «Свет Октября».

Наконец свет в зале гаснет, мы занимаем удобные позиции, начинаем смотреть.

Долго. Ничего не запомнилось (вроде все же стреляли и кто-то убежал, а кого-то догоняли).

И через полчаса мы на свободе. И мы довольны. Фильм в фильме. Сыграли в разведчиков. Проникли на взрослый фильм. А еще (это только для себя девятилетнего): какие же красивые коленки у учетчицы Веры!

Вернувшиеся с сеанса «Калины красной» родители (я к этому времени уже дома, и они не знают о моей вылазке в клуб) мнениями о фильме по обыкновению не обмениваются, потому как батя трезв, а когда он трезв, он молчалив, как рубцовский Филя: «А о чем говорить?».

Впрочем, это уже событие: из клуба мои родители вернулись вместе. Ведь, как правило, если маме удавалось своего любимого Валечку уговорить в кино сходить, то батя выдерживал кинопытку от силы минут пятнадцать и начинал клевать носом, а потом уж, разохотившись в компании Морфея, мог и коротко, но гулко и выразительно всхрапнуть. Чем, во-первых, пугал окружающих зрителей, а во-вторых, был тотчас после этого будим мамой и отправляем домой под ее укоризненный шепот.

- Че, не понравился опять? — спрашивал я его вернувшегося.

- А! — многосложно и велеречиво отвечивал мой батя.

Потому, честно, как не припоминаю, не помню никаких его комментариев по поводу этого шукшинского фильма «про тюрягу, воров и любовь».

Став взрослым, тоже об этом именно фильме не спросил у него.

И очень о том жалею.

Как бы его оценил мой отец? Мой отец, сильно нагрешивший в ранней молодости, получивший двадцатилетний срок, там, уже на зоне, так нахудожествовавший, что получил год «крытки» (одиночной камеры), а потом решивший (там же на зоне!) с блататой завязать и перешедший в угрюмый стан мужиков, порубивший вдоволь воркутинский уголек, получивший условно досрочное освобождение, восемь лет скостили, еще на Северах четыре года подзадержавшийся уже вольным проходчиком шахты № 29, а потом вернувшийся к любимой женщине, моей маме, с которой по-

знакомился шестнадцать лет назад и на столько же почти расставшийся.

И так же, как и Егор Прокудин, пахавший землю на тракторе.

* * *

Внезапно предложили выступить в роли эксперта на официальном сайте краевой администрации. Тема (так мне послышалось в телефонном разговоре): а что бы вы сказали Василию Макаровичу Шукшину?

Ни финты себе! Да кто я такой! Первая, вслух высказанная реакция на предложенное. Может быть, лучше: а что бы я спросил у Шукшина? Нет, именно, говорят мне, что бы вы сказали... Ладно, есть дисциплинирующий тебя повод сформулировать то, что существует в разрозненном, хаотичном виде мыслей и мыслишек.

Напрягаю память, листаю старый блокнот.

Четыре года назад готовился речь толкнуть на Пикете.

Не спал всю ночь, впервые заучивал из блокнота заготовленное (на три минуты, не более!), что хотел сказать. Под утро все же уснул на пару часиков в душном номере бийской гостиницы «Восток».

Потом Сростки, Пикет. Помню, сидел плечо к плечу на скамейках, застеленных половиками пестрыми, вместе с другими нашими местными писателями и гостями из других городов. Жарился под солнцем, которое тогда неистовствовало: ступням было горячо, туфли не помогали, так раскалились доски сценичного помоста. И голову пекло нещадно, а зонт свой я любезно передал сидевшему сзади меня Валерию Сергеевичу Золотухину.

И как же неловко сидеть на сцене! Так неловко, что стыдно и на народ смотреть! По мне лучше так: все, невзирая на чины и ранги, на землице пикетской. Сиди, травинку покусывай, курить захотел, встань с пятой точки опоры, прогуляйся от народа, подыми, обмани дымом разволновавшуюся душу или, что лучше, — не кури, не травись, сиди себе да сиди, смотри да слушай, сеанс травной ароматерапии заодно проходи. Нет же! Одни на земле, другие со сцены сверху посматривают. Нет, неловко это, не по-шукшински это, точно! Сидел, волновался, разумеется.

Когда же вышел к микрофону на сцене, окрест глянул... Тысячи людей... Пикет... сакральное давно уже место... Все заученное ночью из блокнота вылетело из головы напрочь. Видно, не терпит Пикет такого, требует словно: говори от души, а не из блокнота. Сказал, тем не менее, о Шукшине связно. Что вот точно получилось (радийный опыт, скорее всего, помог, вывел на нужное, единственно правильное и естественное в такой ситуации) — так это интонация. Проникновенно говорил. Потому как уважаю искренне Василия Макаровича.

Шукшин

Не отношу его к своим самым любимым писателям, не умею и не хочу писать «под Шукшина».

Более того, вот это возведенное после его смерти едва ли не в аксиомическое правило для молодых авторов: если земляк Шукшина, то и должен писать как Василий Макарович, раздражало, когда сам ходил в начинающих, невероятно.

Впрочем!

И тут я попытался изложить на бумаге сочинение на заданную тему, которая оказалась-таки, когда я заглянул на сайт:

«А что бы вы спросили у Шукшина?».

Случись такое (встреча с Василием Макаровичем), прежде всего я признался бы в том, что безгранично уважаю и ценю его как личность со своей территорией судьбы. Мне кажется, у каждого из нас есть своя территория судьбы. И большинство безропотно смиряется с уготованной долей, но Шукшин распорядился на своей террито-

рии судьбы властно и вольно, обследовал ее тщательно и для этого мобилизовал до предела отпущенные ему судьбой возможности.

И все же... Что бы я сказал Шукшину? Интересно, конечно...

Да что уж там... Не говорил бы, а расспрашивал бы и расспрашивал (пока не надоел бы) этого мудрого человека!

Например:

Откуда в Вас было это прямо-таки физиологическое ощущение цели своей жизни, ощущение пути своей судьбы? Дар не напрасный, не случайный так повелевал?

Откуда такая дерзкая готовность к сопротивлению?

«Я воинственно берегу свою нежность. А как больше?» — когда явились эти удивительные строчки в Ваших рабочих тетрадях?

А вот эти, не дающие мне покоя, и тоже из Ваших рабочих записей: «Сложное — просто, а непростое — сложно»?

А откуда в Вас, крестьянском сыне, эта воля к воле?

Слушая Вас, невольно бы осмелел да и сам бы попробовал объяснить Ваше огромное влияние на умы людские, а порою и судьбы.

Вы обладали чувством своей страны, своей земли. А для писателя это чувство — как талант, он либо есть, либо его нет. Это чувство дается от рождения, и никакие фальшивые потуги, никакие спекуляции здесь не помогают. Можно ведь, согласитесь, жить в деревенской глухомани — и этого чувства не ведать. А можно жить и в столице — да хоть в Париже — и этим чувством спастись. Бунин, Шмелев... список примеров писательских можно продолжать и продолжать. Родное же пространство дарит писателю свои духовные богатства и позволяет ему определить достойное местоположение в мире. Причем историческое родство, родное пространство предполагает не только взгляд вдаль и взгляд вглубь. Точка в пространстве не менее существенна, нежели бескрайние расстояния Отечества. И эта точка для Вас, конечно же, — Сростки. А в Сростках — Пикет. Где мне так, признавались Вы, привольно дышится, и всю Родину отсюда видишь и осознаешь. Эту редкую в литературе привольность, эти огляд и всматривание в Родину так ощущаем мы, Ваши читатели, так дорожим ими!

Характеры Ваших героев. Диалектическая линия в них: либо вниз, либо вверх. Но никогда — не ровно. Это признак незауряднейшего писательского мастерства. И это неоспоримое для любого подготовленного читателя качество, более всего и ярило и ярит критиков Ваших, коих хватало и при жизни, и после смерти Вашей. Как апофеоз этой ненависти — «некролог» саморазоблачившегося за всех, кто Вас ненавидел и ненавидит, Фридриха Горенштейна.

Когда-то Гете заявил, что еще смолоду сделал из стойкости профессию. Вот и для Вас, Василий Макарович, стойкость — некрикливая, неустанная — тоже что-то в этом роде, результат самодисциплины и... преданной любви к литературе.

Теперь о теме, которую так любили и любят препарировать со всех сторон, в том числе и избранные на Пикете.

Вот она, эта тема: а как бы Вы себя вели, проживи дольше, доживи до перестроечно-реформаторского лихолетья? Мне кажется (простите за нахальство), здесь Ваша вышеупомянутая стойкость проявилась бы с удвоенным упорством. И памятуя заповедь Марка Аврелия (а читали Вы много и среди авторов Вами прочитанных есть и этот мудрый правитель и мыслитель): «Лучший способ защищаться — не уподобляться», Вы бы не стали ввязываться в политические и околосредовые дрязги, не похвалялись бы своей «борьбой с тоталитарным прошлым», обходили бы за версту демагогов и воспевателей новых ценностей.

Предположу и вовсе непредставимое. На фоне коммерческого разгула, идейного празднословия, безобразной безвкусицы, удалой вседозволенности... Вы, Василий Макарович, замолчали бы... И в молчании этом была бы великая, все объясняющая Правда.

Знакомому с историей известно: людские сообщества спорадически подвержены припадкам слепого «отвращения к культуре» — когда выплескиваются из подполья темные инстинкты толпы и еще вчера неоспоримые авторитеты предаются поруганию и высмеиванию. Культура же консервативна, она насаждает дисциплину духа, регламентирует поведение человека, навязывая (не надо бояться этого слова!) ему проверенные временем идеалы, а он — человек, «уже отравленный свободой», рвется к ее, свободе, неограниченности и, поднимаясь в глухом и темном протесте до губительных пределов, ее же, культуру, винит во всех своих бедах и грехах. Все так. Но! Припадок сей проходит, угар рано или поздно рассеивается, и вечные ценности возвращаются на свой алтарь.

И еще. Да, представляю, как бы Вас угнетали люди, пришествие которых Вы провидчески показали в своей пьесе «Энергичные люди». Те самые, которые всегда и все знают, в том числе и как можно быстро изменить страну, отбросив все лишнее. А этим лишним оказалась и та огромная жизнь, которую мы помним, и чем дальше, тем отчетливее, тем острее и мучительнее помним, и книги об этой жизни, книги, исчезнувшие с прилавков. Но когда начнется действительное возвращение Русской Литературы — Ваши книги будут одними из первых в этом возвращении.

* * *

Нынешние Шукшинские дни.

Они начинались в барнаульской библиотеке имени Н.М. Ядринцева своеобразным коллективным отчетом перед собравшимися читателями главных редакторов литературных журналов Алтая.

Вел эту встречу писатель Андрей Лушников, так же как и я, с 1 декабря прошлого года являющийся штатным работником созданного губернаторским постановлением краевого автономного учреждения «Алтайский дом литераторов». Помимо всего прочего он — редактор интернет-журнала «Пикет», с содержанием которого можно познакомиться на сайте Алтайского дома литераторов: adl22.ru (можно, я всажу в текст малюсенькую такую порцию рекламы?). Мне кажется, это будет небезынтересно для читателей литературного журнала.

Вел, значит, встречу Андрей Евстафьевич, а по обе стороны от него восседали: редактор «Алтая» Станислав Вторушин, редактор «Барнаула» Валерий Тихонов и редактор «Барнаула-литературного» Михаил Гундарин.

Валерий Евгеньевич говорил, рассказывал, как он в журнале память о Шукшине бережет.

После Валерия Евгеньевича Михаил Вячеславович слово молвил. Тут уже собравшиеся не отчет слушали (пока не за что отчитываться: всего-то на тот момент «Барнаула литературный» двумя номерами мог похвастаться), а интересные размышления, суть коих можно так обозначить: Шукшин в XXI веке.

А что, заманчивая тема. Давайте без пафоса, без словоблудия и порассуждаем об этом.

Мне вот, например, запомнилась мысль плодovitого и приметного своим творчеством нашего современного писателя, москвича Алексея Варламова.

Примерно так его мысль звучит.

Да, можно, без особых даже усилий можно представить, что через энное количество лет Россия забудет напрочь про Шукшина. Можно такое представить — непредсказуемо наше время. Только вот Россия без Шукшина будет уже другой страной. Не Россией.

И еще интересная мысль из выступления Гундарина. А как ощущает Шукшина молодежь, особенно молодежь творческая? И ощущает ли? Ведь прежде чем отважиться на ощущение, надобно с творчеством его и не только кинематографическим познакомиться.

Станислав Васильевич, по обыкновению своему, за народ радел. Сколько знаю этого чудесно-энергичного человека, он всегда за народ радуется. И насколько он, народ, развращен нынешними СМИ, и как теряем мы все духовность, нравственность (в сей момент важный перехода от народа ко всем нам начинаю ерзать, уже паниковать начинаю: епэрэсэте, а сотрудники журнала «Алтай» что же, неужто и они... того... теряют...). Закончил главред «Алтая» свое взволнованное и между тем всегда четкое выступление (мыслями не растекается по древу, логичен, хороший, хороший оратор Станислав Васильевич, спору нет) зачитыванием отрывка из публицистической работы Шукшина, который заканчивался словами: «Будь человеком!».

Хорошее всем пожелание Василя Макаровича.

В библиотеке, к слову, можно было познакомиться с замечательными портретами фотохудожника Владислава Голенко. Что, впрочем, не помешало Валерию Тихонову вполне справедливо посетовать: а почему писателей в этой галерее образов не наблюдается? И право, не Квазимоды же они.

А вообще, больше журналов на Алтае! Хороших и разных!

* * *

Подумалось вдруг: а кто в этом году из писателей у меня в лидерах по читаемости?

Так, вспомним. Наконец-то внимательно прочел, вчитался в «Обыкновенную историю» Гончарова. Да, это действительно первый классический роман русской литературы. Мощнейший, удивительно актуальный для наших дней роман-то, оказывается. Что еще? Константина Воробьева перечитывал. «Ивана Грозного русской литературы». То есть Ивана Алексеевича Бунина. Как же без Бунина пережить всю эту суету? Юрия Павловича Казакова. Гоголя Николая Васильевича, а именно «Тараса Бульбу». Все больше перечитывал, получается. Почему интересно? Первый, почти ученический роман «В вечном долгу» писателя-фронтовика Ивана Акулова. Как же потом вырос! И стал автором изумительного, страшного романа о войне «Крещение». Далее. Опять не знакомство, а воспоминание. Пришвин «Кашеева цепь». Из иностранцев: Эрленд Лу «Во власти женщины» (как за ним не следить после его блестящей книги «Наиво. Супер?»), «Свидание с Бонапартом» Булата Окуджавы (читал в поезде, когда ехал в Москву решать вопрос об авторских правах на издание у нас в крае посмертной книги замечательного поэта, нашего земляка, Героя Советского Союза Михаила Федоровича Борисова). Что еще? Залпом, так захватило, книгу воспоминаний о поэте Юрии Поликарповиче Кузнецове (подарил этот невиданный в наших краях сборник первый секретарь Союза писателей России Геннадий Викторович Иванов во время встречи с ним в Москве). И стихи самого Геннадия Викторовича для себя в этом году открыл. Поэтище. Из настоящих. А еще: Виктор Конецкий, Олег Ермаков, Сергей Филатов (он самый, наш), Шукшина сказку «До третьих петухов» в который раз разгадывал. А еще: Гайто Газданов! Со второй попытки, спустя двадцать лет после знакомства, пленил: сильнее, теплее Набокова этот гордый парижский таксист. Дневники и стихи любимого Блока. Так. И все же кто? Чехов Антон Павлович. Да, пожалуй, именно с ним чаще всего общался в этом году. Может, скромно отмеченное 150-летие этого удивительнейшего писателя повлияло?

И здесь не удержусь, предложу вам познакомиться с фрагментом из весьма спорной (ну, так это и хорошо!) статьи «Русский разлом», уже мною упоминавшегося писателя Алексея Варламова. Статья эта опубликована в первом номере за этот 2010 год журнала «Дружба народов».

Стоп. А поморализировать? И это есть у нас. Так вот: читать надо много, в том числе и журналы. Интернет в помощь. Повторюсь, читать надо много. Пишущий, но не читающий никого кроме себя? Кто это? Ну-ну?... Правильно. Его ничтожество графоман. В который раз берущий литературоцентристскую страну Россию приступом. Итак, фрагмент из статьи Алексея Варламова.

«Во второй половине XX века Чехову удивительным образом оказался близок Шукшин, по сути дела, Чехова и Платонова своей прозой примиривший, ибо в шук-

шинских рассказах эта пропасть жизнью заросла. Тут нечто вроде логической цепочки: тезис — антитезис — синтез. Ибо, как раз читая Шукшина, веришь и в Чехова, и в Платонова, и видишь какую-то странную взаимосвязь. Они оба, Чехов и Шукшин, прожили до обидного мало: один сорок четыре года, другой сорок пять, и хотя за отведенный им срок успели сделать куда больше, чем вмещается в одну человеческую жизнь, их смерть влюбленная в них Россия переживала особенно тяжело. Через полтора десятка лет после их похорон, собравших тысячи людей, исчезли с карты две империи — Российская и Советская. В том, что им не было дано эти падения пережить, есть свой смысл. Невозможно представить Чехова ни советским писателем, как Горького, ни эмигрантским, как Бунина. Невероятно, чтобы Шукшин сделался членом «Апреля» или секретарем Союза писателей России, обрушившимся на Ельцина в газете «Завтра». Просто Ельцин и есть классический шукшинский герой. Что-то вроде крепкого мужика-бригадира Шурыгина, который уважал быструю езду. Чехов и Шукшин принадлежали своему времени и были обречены в нем остаться. И то, что оба писали не романы, а рассказы, очень понятно. Им надо было успеть создать как можно больше самых разных героев и ситуаций, пока все это не ушло и пока сами они на этой земле... Шукшин оказался трагичнее Чехова, как и выпавшее на его долю время. Он писал оголенные рассказы с неожиданными, резкими названиями и еще более странными персонажами — «Миль пардон, мадам!», «Привет Сивому!», «Даешь сердце!» Ни он, ни Чехов не собирались никого специально пугать. Намеренно пугать стали позднее. Однако по-настоящему страшное, так, чтобы не жидкие фекалии пачкали книги, было у Чехова в «Спать хочется» и у Шукшина в «Суразе» или в рассказе со смешным названием «Жена мужа в Париж провожала». Последний — про деревенского мужика, который женился на зарабатывающей хорошие деньги московской портнихе и, не выдержав этой жизни и женских попреков, покончил с собой — и вовсе рассказ не о советском даже, но о нынешнем времени... Они оба были нецерковны, при том что сама церковь их влекла. Чехов написал «Студента» и «Архиерея», Шукшин — «Верую!» и «Мастера», где священники показаны в образе довольно странном. Но в их скептицизме по отношению к духовенству было больше веры и поиска истины, чем у иных верующих. У Чехова были «Мужики», Шукшин в «Калине красной» вложил в уста одного из героев знаменитую фразу: «Он мужик. А их в России много». Теперь и то, и другое — история. Теперь у нас третья страна. И мужиков в ней почти не осталось. Чехов умер в Германии, Шукшин на Дону. Обоих привезли в Москву и похоронили на Новодевичьем. Между их могилами несколько десятков метров, между датами смерти — семьдесят лет. Срок жизни одного человека. Им его за что-то скостили».

* * *

Шукшинские дни продолжились встречами писателей в библиотеках. Например, по-простому, тепло и живо пообщались писатели края с читателями в барнаульской библиотеке № 20. А потом состоялось открытие Малых Шукшинских чтений, где помимо всего прочего вручили премию «Лучшая книга года» Василию Нечунаеву за роскошно изданные «Воробьиные качели». Забегая вперед, пошучу, что «воробьям» вообще ныне подфартило. Победителем Шукшинского кинофестиваля был признан фильм «Воробей».

Итак, а надо ли?

Отвечая на этот регулярно всплывающий в определенных кругах вопрос, буду категоричен: надо, обязательно надо.

А вы что предлагаете?

Вообще не проводить Шукшинские дни?

Ограничиться статейками к юбилейным дням рождения?

Так в том-то и дело: это москвичка и прочего Владимира Семеныча Высоцкого будут навязывать и неустанно пиарить, а выскочку с Алтая Ваську Шукшина, расшифровавшего в своих произведениях еще тогда всю эту шатию-братию, всех этих ны-

нешних хозяев жизни, масс-медиа постараются подзабыть, как благополучно они подзабыли о существовании настоящей литературы, о настоящем кино и так далее.

А простые люди?

Уверен, они будут добираться до Сростков, до Пикета со всего края, со всей Сибири, со всей России и тут уж обязательно душе нашей надобно не только помолчать, но и поговорить. И нужно ли власти, да и не только власти, а тем же жителям Сростков, такое многотысячное стихийное вече?

И здесь к месту несколько слов об организаторах.

Как соблазнительно, со стороны-то, поиронизировать по поводу.. тут длинный перечень (его выставляют ежегодно в своих репортажах-отчетах с Пикета наши иные журналисты). А можно (с еще большим удовольствием) и вообще без повода. Хотя, понятно же, провести недельное столь обширное мероприятие без оплошностей крайне сложно.

Ну, хорошо. Представим.

Тотальная импровизация в сценарии (впрочем, какой сценарий, о чем это я?), все идет, как душа велит и так далее.

Но хочу спросить. Исходя из подобных желаний можно, к примеру, сформировать и выпустить газетный номер?

Впервые сам лично, как работник созданного полгода назад краевого автономного учреждения «Алтайский дом литераторов», столкнулся с тем, что называется скучно «организационные хлопоты» всероссийского масштаба, и все, что с ними связано, но на деле такой адреналинчик эти самые хлопоты вырабатывают!

Лишь один пример.

В среду, ближе к вечеру, узнали, что московская жара довела до гипертонического криза секретаря правления Союза писателей России, а главное, светлую детскую писательницу Ирину Репьеву (дай Вам бог здоровья, Ирина Владимировна!). Кем заменить ее на анонсированной всюду в СМИ встрече с писателями в библиотеке имени Шишкова в обеденный четверг? Все недели перед Шукшинскими днями – это сплошная круговерть телефонных звонков, бумажек, билетов, списков, согласований, недоразумений... и все это в тесном контакте с архиранимой писательской публикой.

* * *

Прошлым летом не смог поехать на Шукшинские чтения. Зато на какой-то момент стал «банкфаксзависимым». Читал до одури все эти комментарии анонимных тшеславцев. Потом испытал ломку, когда приказал себе не лезть в это дерьмо. Затем опять бес попутал: после прослушивания стихов участников «алтапрессовской» видеоакции несколько раз порывался спорить, даже обидеть кого-то... Зачем? Все же и так ясно.

«Все время живет желание превратить литературу в спортивные состязания: кто короче? Кто длинней? Кто проще? Кто сложнее? Кто смелей? А литература есть ПРАВДА. Откровение. И здесь абсолютно все равно – кто смелый, кто сложный, кто «эпопейный»... Есть правда – есть литература. Ремесло важно в той степени, в какой важно: начищен самовар или тусклый. Был бы чай. Был бы самовар не худой».

Из рабочих записей Василия Шукшина.

* * *

Всю дорогу из Барнаула до Бийска был свидетелем (а временами и участником) спора гостей Шукшинских дней – писателей иркутянина Анатолия Байбородина и томича Владимира Костина.

Анатолий Григорьевич, чьи повести и рассказы можно отыскать в центральных

московских, а также региональных журналах, в том числе и в «Алтае», себя во всей красе покажет, встречаясь с читателями на лужайке перед сростинской библиотекой, своими мудрыми байками заставит всех смеяться до слез.

Черкнул, отсмеявшись, в блокнот: «Байбородин: это русский тип смеха. Смех сквозь слезы. Есть еще одесский тип: смех ради смеха, сытый смех, уничтожающий человека».

А Владимир Михайлович Костин, на «Литературном перекрестке» в библиотеке имени Шишкова покоровший при знакомстве сердца собравшихся, ни к одной из журнальных тусовок не принадлежащий, а значит, и в толстых литературных журналах его произведений не отыщешь, помимо всех своих регалий (он лауреат Национальной литературной премии «Большая книга» — отправил по почте книгу свою «Годовые кольца» из Сибири в далекую Москву и победил!), еще и кандидат филологических наук. И вот убедил меня в том, что и ученые люди могут говорить на настоящем русском языке, говорить, рассуждать ярко, просто, образно и..., пожалуй, сотня Глебов Капустинных не смогут таких, как Костин, «срезать».

А теперь вопрос: вы читали их талантливые произведения, видели их книги на полках наших книжных гипермаркетов?

Монархист (сам так назвался) Анатолий Григорьевич говорит: «Во мне может десять Сталиных сидит. Но я бы порядок наводил через монастыри. Пусть там народ, обленившийся и опустившийся, через труд и послушание до человека дорастает. Я бы и сам там охотно пожил. До обеда пишу. После обеда цветы выращиваю».

Владимир Михайлович благодушничает, посмеивается до поры до времени, но когда речь о коммунистах заходит, всю свою иронию к сарказму направляет. Сталин и компания для него — главные враги России. Впрочем, и среди императорских особ никого не может назвать достойным управлять Россией. Разве что тут он соглашается со мною, Александр III... Но и к нынешним временам жестко так прикладывает: «Сейчас третье крепостное право. Только оно еще страшнее. Тогда народ был нужен. В качестве тягловой силы на стройках феодализма-капитализма-коммунизма. А ныне народ уже совершенно не нужен. Он только мешается под ногами».

Из блокнота: «Владимир Михайлович Костин. Смотришь на него и думаешь: держать себя в холодной иронии и с удовольствием чувствовать на себе кольчугу мужества — как же это сложно и просто одновременно. Впрочем, и кольчуга не помогает. Четыре микроинфаркта».

* * *

В Бийске в пятницу, 23 июля, восхитился читальным залом Центральной городской библиотеки имени Василия Макаровича Шукшина. Библиотеки, которая реставрировалась долго, но, получается, что основательно и со вкусом.

Наталья Николенкова и вовсе сравнила читальный зал с «Ленинкой».

Кстати, Наталья впервые оказалась в составе писательской делегации (и что с того, что она, пожалуй, самая известная в крае поэтесса, не состоит ни в одном из писательских союзов?) и здорово выступала, равно как и после долгого перерыва оказавшийся в Шукшинские дни на публике и вместе с нами в поездке Валерий Степанович Котеленец.

Успел на правах ведущего встречи писателей и читателей в библиотеке втиснуть (за час должны были выступить 14 писателей) радостное, особенно для бийчан, сообщение, что их землячка Людмила Козлова стала лауреатом краевой премии в области литературы.

Книга ее — «Россыпи дождя» — книга жизни и судьбы этой удивительно скромной, настоящей интеллигентной женщины (такое было ощущение у меня после прочтения).

В селе Сорокино (близ Бийска) оказались втроем: ваш слуга покорный (дурацкое выражение, вообще-то), Валерий Котеленец и гость из Томска Владимир Костин.

В здешнем клубе доводилось выступать лет пять назад. Сейчас даже не узнал его. Капитально отреставрировали: уютно, красиво, хорошо. Опять же вспомнилось, что тогда, пять лет назад, нас, писателей, было человек шесть, и примерно столько же насчитывалось и пришедших на встречу читателей.

На этот раз мы, писатели, в явном меньшинстве. На каждого из нас по десятку с разным выражением лиц сорокинцев.

Начинаем немного с напряжением, потом разговорились, хороший такой диалог получился. Девчушки в первом ряду, сначала отчаянно зевавшие, и те оживились: взрослые-то и о вреде и пользе компьютера разглагольствуют, и за жизнь говорят, и писатели эти вроде понятно, о чем толкуют, а один из них, тот, что с бородкой, стихи так складно читает...

После встречи окончательно поняли, что нас за своих здесь, в Сорокино, приняли. Предложили нам на катерке по Бии покататься, особенно усердствовал дяденька с баяном. Увы, времени в обрез, в Бийске на бульваре Петра Великого еще и в поэтическом марафоне должны мы участие принимать.

* * *

*Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи — не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.*

Сергей Есенин.

* * *

Сростки. Пикет.

Те первые, решившие здесь обосноваться, конечно же, были людьми не только умными, но и с развитым художественным вкусом. Красиво здесь, короче.

Хотя, разумеется, в главный день Шукшинских дней (простите за невольную тавтологию), очарование Сростков минимизируется. По переулкам дальним понатыкано иномарок. Улицы центральные перекрыты.

На пяточке у музея ждут зеваки и журналисты высоких чиновных гостей, ждут именитых киноактеров.

Обижаюсь за гостей-писателей, с которыми за эти дни сдружился, сердечное единение почувствовал. Кому нужны в взволнованный сей час какие-то Байбородин с Костиным да Берязевым (один из лучших современных поэтов России, серьезно вам говорю, найдите его стихи, почитайте) впридачу? Разве что Валентина Григорьевича Распутина народ бы распознал, да и то вряд ли. А вот на редкость бездарного Сергея Минаева узнал бы, полез бы фотографироваться на память с «чуваком из телящика». И талантливый, но отчего так одержимо не любящий Россию Дима Быков здесь бы кем-то узнался.

Этакая смесь разлита в воздухе: кинопочитания и экзальтации фанатов кинематографа. Чувствуется, чувствуется напряжение, а потому надо поскорее на горюшку Пикет отправляться.

Здесь, на Пикете, запах трав, запах детства, ощущение покоя и воли. Банально, но

так.

Здесь вышеупомянутый замечательный поэт из Новосибирска, главный редактор журнала «Сибирские огни» Владимир Берязев всегда, как мне кажется, нарочито пижонистый, насмешливый, может раскрыться и произнести серьезно, подразумевая Россию: «Нас простили. В девяностые я думал - все. Нам каюк. Но что-то там в космосе случилось. И все будет хорошо. Хотя побарахтаться нам еще придется долго».

Здесь Дмитрий Витальевич, абориген (именно так он представился), с испитым лицом и длинными нервными музыкальными пальцами, с тоскою в глазах и жалкими потугами сохранять пристойность в одежде, может метафорически ответить на вопрос, как ему нынешний Шукшинский фестиваль по сравнению с прошлогодним, совпавшим с юбилеем Василия Макаровича: «Отходняк». И гордо удалиться шаркающей походкой. Вот и понимай как хочешь его ответ.

Здесь прекращают спор и молчат и смотрят на распахнутость далее Анатолий Байбородин и Владимир Костин.

Здесь, на Пикете, волнуется даже такой опытный и блистательный оратор (кто был, скажем, на открытии нынешнего Шукшинского кинофестиваля в Театре драмы, это подтвердит) как наш губернатор. И все понимают это волнение Александра Богдановича. И волнение это так человечно. Потому что все это настоящее.

Именно настоящим был Василий Макарович Шукшин.

Оттого, быть может, в наше искусственное время, без цветов, запахов, звуков (только вожделенный шелест купюр), к нему и тянутся люди?

* * *

На берегу Катуня. Пришло вот в голову: в одно примерно время (1967 год) Doors создают великую песню People are strange, а Василий Макарович пишет сценарий своего любимого фильма «Странные люди».

Где-то там, в космосе, сошлись души этих великих печальников за человека.

* * *

Время от времени споры вокруг имени Шукшина вспыхивают с новой силой.

Если раньше, еще при жизни, обвиняли Василия Макаровича в апологетстве дикой деревенской самобытности (читай между этих витиеватых строк: в идиотизме сельской жизни), в нравственном превосходстве деревни над городом, в невнимании его к производственным проблемам тогдашнего советского села, то ныне Шукшин характеризуется и как «латентный абсурдист» и даже величают Василия Макаровича «предтечей русского постмодернизма».

Иные же и тогда и присно рокочат в бороду: руки прочь от Макарыча! Наш он и только наш!

Хочется сказать, слыша все это.

Уважаемые делители, хулители и держатели!

Успокойтесь. Шукшина на всех хватит.

* * *

Душевно и достойно. Именно так в двух словах можно сказать о нынешних Шукшинских днях. И душеполезного чтения всем нам.

2 октября на Алтае уже традиционно отмечается как день памяти В.М. Шукшина. Шукшин, безусловно, относится к числу «культурных героев», чья жизнь и творчество пронизаны легендами. Более того, к созданию и поддержанию подобных мифов сам писатель нередко имел прямое отношение. Обратимся к легендам о Шукшине, которые до сих пор живут не только в народе, но даже среди специалистов, занимающихся изучением жизни и творчества нашего земляка.

Легенды о Шукшине

Дмитрий Марьин

Шукшин на флоте

Многие до сих пор убеждены, что В.М. Шукшин в юности был бравым матросом, ходил по морям, по волнам, даже в заграничных походах участвовал. Кроссворды, посвященные творчеству алтайского писателя, актера и режиссера нередко содержат характерный вопрос о «типе боевого корабля, на котором служил Шукшин» (эсминец). Любителей романтики и маринистики ждет разочарование: увы, В.М. Шукшин был «береговым матросом» и вряд ли даже бывал на боевых кораблях...

Неслучайно о годах срочной службы Шукшина в ВМФ (1949-1952 гг.) по-прежнему известно мало. О своей флотской службе сам В.М. Шукшин упоминал крайне редко. Даже в автобиографиях касался этого вопроса лишь мельком, без подробностей. Его письма к родным периода военной службы чрезвычайно скупы: по сути, они представляют собой подробные расспросы о близких и обсуждение событий в их жизни, но никакой информации о себе или службе. Лишь в статье «Слово о малой родине» как бы нехотя обмолвится: «Служил действительную, как на грех, во флоте, где в то время, не знаю, как теперь, витал душок некоторого пижонства: ребятки в основном все из городов, из больших городов, я и помалкивал со своей деревней». По документам и воспоминаниям сослуживцев попытаемся восстановить основные моменты флотских лет алтайского писателя.

В.М. Шукшин был призван на срочную службу в ВМФ СССР Ленинским райвоенкоматом (пос. Ленино (Царицыно), Ленинский район, Московская область, с 1960 г. — в составе г. Москва) 20 августа 1949 г. Службу начал в учебном отряде в г. Ломоносове Ленинградской области. Военная специальность — радист.

С 16 июля 1950 г. по 17 декабря 1952 г. старший матрос Шукшин В.М. проходил службу в 3-м морском радиотряде Чер-

номорского флота (в/ч 34258, г. Севастополь). В задачи подразделения входило обеспечение связи с судами, находящимися на боевом дежурстве, и контроль за радиоэфиром. Роль сухопутного моряка явно не устраивала ни самого Шукшина, ни его товарищей. Здесь и сокрыт ключ к появлению легенды. По воспоминаниям сослуживца В.М. Шукшина В.С. Жупыны, военная часть располагалась на территории бывшего хутора адмирала Лукомского (начальника штаба Черноморского флота в 1915-1917 гг.). Поэтому молодые матросы в шутку называли свой военный городок «Крейсер Лукомский» и, стесняясь «сухопутной службы», нередко так подписывали письма и фотографии, посылаемые на родину. В.М. Шукшин, однако, уже здесь был оригинален: домой в Сростки, матери — М.С. Куксиной, он писал, что служит на эсминце. Выдуманные рассказы о службе были настолько реалистичны (иногда они подкреплялись фотографиями на фоне корабля), что до конца жизни мать не сомневалась в том, что ее сын служил на боевом корабле. В ее ответных письмах к флотским товарищам Василия, которые после смерти алтайского писателя и режиссера присылали М.С. Куксиной фотографии и письма с подробными рассказами о совместной службе, нередко содержатся достаточно резкие замечания, подобные такому: «...Я что-то из вашего письма поняла, что вы не моего Васю знаете, а другого. Вася мой служил на корабле, я и корабль знаю, как звать. Не береговой он моряк, разве мы не знаем». Что поделать: у материнского сердца свои доводы!

Да и в разговоре с коллегами алтайский режиссер и писатель нередко приукрашивал обстоятельства своей флотской службы. Игорь Хуциев, сын режиссера М. Хуциева, вспоминал о пребывании Шукшина на съемках х/ф «Два Федора» (1958): «Я... все приставал к нему, чтобы он рассказал про море, про моряков. Он улыбался и иногда рассказывал. Помню один его рассказ. Однажды стало ему плохо на палубе. То ли приступ аппендицита, то ли язва. Было это в шторм. И врач велел везти его срочно на берег. Он показывал рукой, как поднимали волны шлюпку, как прыгал вдалеке берег».

Впрочем, реальные обстоятельства службы писателя нередко были не менее кинематографичны. О некоторых интересных обстоятельствах службы В.М. Шукшина в Севастополе рассказал один из его сослуживцев В. Мироненко: «В один из дней я с Виктором Каменевым или с Толей Юрьевым были в наряде. Примерно в четыре часа ночи в районе танцплощадки мы заметили огонек, причем он сверкал, и нам показалось, что работает радиопередатчик...

Мы срочно доложили дежурному по посту, капитану Финкельштейну, что нами замечена работа подозрительного радиопередатчика.

«Наблюдать!» — приказал капитан. И поднял отряд по боевой тревоге. Мы окружили погреб и кусты. А Василий Шукшин взял свой пистолет, подобрался к самим кустам и громким голосом прокричал: «Ханде хох! Ханде хох!».

Вот тогда-то и сказали Василию Шукшину:

— Это у тебя здорово получилось: «Ханде хох!». Как в кино. Ты, Вася, настоящий артист...».

Чем закончилась эта история, не известно, но можно утверждать, что именно в Севастополе состоялся первый выход Шукшина на сцену. В 1951 г. в клубе части был организован драмкружок, в котором принимал активное участие, а потом и руководил им В.М. Шукшин. В свободное время сослуживцы часто видели Шукшина с тетрадкой в руках. Как позже выяснилось, в ней он записывал свои рассказы, два из которых — «Двое на телеге» и «И разыгрались же кони в поле», автор читал товарищам по отделению еще задолго до их официальной публикации. Следует заметить, что именно в годы службы Шукшин утверждает в мысли о необходимости серьезно учиться. Ведь, несмотря на то, что молодой матрос обладал к тому времени достаточно богатым жизненным опытом, образование его оставляло желать лучшего. Некоторые сослуживцы Шукшина учились в девятом классе вечерней школы работающей молодежи № 1 г. Севастополя. Будущему писателю и режиссеру такой путь показался слишком долгим, поэтому он решает готовиться самостоятельно, а экзамены на аттестат о среднем образова-

нии сдавать экстерном. В свободное время старший матрос Шукшин по ходатайству командира части посещал морскую библиотеку, обслуживавшую в основном офицеров и мичманов. Сдачу экзаменов запланировал на осень 1952 г. Но эти планы пришлось отложить...

12 ноября 1952 г. старший матрос-радист в/ч 34258 В.М. Шукшин поступил на лечение в Военно-морской Краснознаменный госпиталь им. академика Пирогова (г. Севастополь) с жалобами на боли в подложечной области, усиливающиеся после приема пищи. Предварительный диагноз — «дуоденит». После проведенного обследования был установлен окончательный диагноз: «язва желудка и двенадцатиперстной кишки». На лечении матрос находился до 26 ноября. 3 декабря 1952 г. военно-врачебной комиссией Черноморского флота (акт № 5385) Шукшин был признан негодным к военной службе с исключением с воинского

учета. Демобилизован 17 декабря 1952 г. и уже 26 декабря вернулся на родину, на Алтай, в Сростки. Дальше были сдача экстерном экзаменов за курс средней школы, год работы учителем, а затем и директором Сростинской школы сельской молодежи, успешная сдача вступительных экзаменов и учеба во ВГИКе...

Особенности береговой службы, о которой Шукшин не любил говорить, видимо, отразились и на том, что морская тематика практически полностью отсутствует в его литературных произведениях. Да и как актер В.М. Шукшин сыграл в кино лишь несколько «морских» ролей: рыбака Жорки в картине «Какое оно, море?» (1964, реж. Э. Бочаров), бывшего матроса Степки Ревуна в фильме «Аленка» (1961, реж. Б. Барнет) и морского офицера Николая Ларионова в кинофильме Игоря Шatroва «Мужской разговор» (1969) по мотивам повести Владимира Фролова «Что к чему».

Первая кинороль Шукшина

Шукшин сыграл в кино 25 ролей, но какая была самой первой? Его дебютом? Жители Сростков на этот вопрос отвечают сразу: эпизодическая роль «матроса, выглядывающего из-за плетня» во второй части х/ф «Тихий Дон» (реж. С. Герасимов, к\с им. М. Горького, 1958 г.). На этот фильм когда-то ходило все село специально, чтобы посмотреть на земляка. Однако в титрах фамилии Шукшина нет; ни в автобиографии, ни в письмах алтайский режиссер и актер никогда не упоминал о своем участии в съемках картины. В чем же дело?

За разъяснением обращаемся к Р.А. Григорьевой. Р.А. и Ю.В. Григорьевы — режиссеры, одни из давних и близких друзей В.М. Шукшина. Григорьевы учились во ВГИКе в мастерской С.А. Герасимова и режиссерскую практику проходили как раз на съемках «Тихого Дона». Звонок на московский номер — и Ренита Андреевна категорична: «Нет, Шукшин в «Тихом Доне» не снимался! Это одна из легенд, скорее всего, родившаяся в Сростках». Удивительно, но легенда вела в заблуждение даже составителей энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина», в первом томе которого роль «выглядывающего

из-за плетня матроса» названа дебютной для нашего земляка.

Итак, какая роль была первой для Шукшина? Безусловно, первой главной ролью, сделавшей В.М. Шукшина популярным и открывшей ему дорогу в кинематограф, стала роль Федора-большого в х/ф «Два Федора» (реж. М. Хуциев, Одесская к\с, 1958 г.). Но эта роль – все же не первый случай появления алтайского актера и режиссера на киноэкране. Дебютной для Шукшина стала роль боксера Оле Андресона в короткометражном х/ф «Убийцы», снятом на учебной киностудии ВГИКа в 1956 г. по одноименному рассказу Э. Хемингуэя. «Убийцы» - курсовая работа, поставленная осенью 1956 г. группой студентов ВГИКа, обучавшихся в режиссерской мастерской М.И. Ромма и операторской мастерской А.В. Гальперина. Этот двадцатиминутный фильм – первый случай появления на киноэкране не только В. Шукшина, но и А. Тарковского. Фильм состоит из трех эпизодов. Первый и третий (в закускойной) поставлены А. Тарковским совместно с М. Бейку. Режиссером второго эпизода (в комнате Оле Андресона) выступил А. Гордон (он же снялся в роли бармена Джорджа). Роль одного из посетителей закускойной исполнил А. Тарковский.

Шукшин сыграл роль боксера Оле Андресона, которого разыскивают наемные убийцы (Эл – В. Виноградов, Макс – В. Новиков). Следует заметить, что чисто внешне наш земляк мало подходил на роль «высокого шведа». Но дело в том, что в кадре Шукшин все время лежит на кровати, а скуластое лицо на среднем и крупном планах выглядит вполне боксерским. Кстати, в жизни В.М. Шукшин действительно увлекался боксом и регулярно посещал соревнования по этому виду спорта. Вечером 1 октября, накануне своей смерти, в кают-компании теплохода «Дунай» он тоже смотрел по телевизору бокс...

Сценарий фильма написан А. Тарковским совместно с А. Гордоном по мотивам рассказа Э.Хемингуэя «Убийцы» (The Killers) (1927), однако действие картины явно перенесено из 20-х в 50-е гг. XX в. Так, один из киллеров вместо обреза (как у Хемингуэя) вооружен автоматом АК-47, что по тем временам было

достаточно смелым шагом: автомат долгое время был секретным, а на киноэкране впервые появился лишь годом раньше в популярном х/ф «Максим Перепелица» (реж. А. Граник, к/с «Ленфильм», 1955 г.). А интересный бы получился эпизод: Шукшина должны были застрелить из автомата, сконструированного его земляком! Еще более смелым приемом сопровождалось появление в кадре Тарковского. Войдя в закускойную, он насвистывает мелодию модной американской песенки «Колыбельная птичьей страны» (Lullaby of Birdland) из репертуара Эллы Фицджеральд. Но в СССР она была известна только по трансляциям «Голоса Америки»!

Фильм удостоился высокой оценки М.И. Ромма и до сих пор считается одной из лучших курсовых студенческих работ за всю историю ВГИКа. В широкий прокат он не попал, но в настоящее время его можно встретить на DVD-дисках.

Однако есть вопрос, который так и остался нерешенным: почему же Шукшин никогда не опровергал миф о своем участии в фильме «Тихий Дон»? Может быть, не хотел разрушать эту легенду, как и многие другие, окружавшие его жизнь и творчество.

Мягков — барнаульский художник

Дмитрий
Золотарев

1. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Точный год рождения художника Михаила Ивановича Мягкова (1799(?) — 1852) не известен. Эта проблема характерна для большинства отечественных художников XVIII—XIX веков. Принятая дата — это всего лишь следование определенной традиции. Возможна другая, более ранняя, дата рождения — 1797 или 1798г. [3, с. 174]. М.И. Мягков родился в Новгородской губернии Череповецкого уезда в селе Луковсеи (Луповсеи) [13, с. 49]. Первоначально он был крепостным семейства Прозоровских. Его отец был дворовым человеком статс-дамы княгини А.М. Прозоровской и служил у нее управляющим. Этот факт как-то объясняет, что именно его сын в дальнейшем был выбран учиться по художественной стезе.

Мягков, к тому времени крепостной князя Ф.С. Голицына (перешедший к нему в результате брака князя на дочери Прозоровской), был принят в Академию художеств «для обучения архитектуре» в 1814 г. Однако, в дальнейшем он специализировался как живописец. В сентябре 1817 г. он был награжден малой серебряной медалью за рисунок с натуры, а в конце этого года получил вольную. В 1818 г. Мягков удостоивается еще одной малой серебряной медали и получает аттестат 2-й степени на звание художника исторической живописи «за благонравие и успехи в художествах». В последующие семь лет он продолжает свое обучение под руководством профессора исторической живописи А.Е. Егорова.

В 1823 г. М.И. Мягков предпринимает первую попытку получить звание «назначенного в академики», представив картину, о которой сегодня известно только

название: «Самсон, предаваемый филистимлянами». Картина не получила положительных отзывов, и просьба художника была отклонена.

В 1826 г. М.И. Мягков пытался получить вакантное место учителя рисования в академии художеств. Ссылаясь на свои многолетние занятия, он выражал надежду, что сможет «упомянутому художеству обучать и других». Но его кандидатура не удовлетворяет Совет Академии художеств, и Мягков получает отказ.

В следующем, 1827 г. Мягков вторично желает получить звание «назначенного в академики», представив уже не историческую картину, а пять живописных портретов. Об этих работах известно лишь то, что они были либо подгрудными, либо поясными. Однако и на сей раз его желание остается неудовлетворенным.

Осенью 1828 г. президенту ИАХ А.Н. Оленину было направлено письмо из Кабинета Е.И.В. По случаю поступившей

от начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова просьбы подыскать для местного горного училища преподавателя рисования.

М.И. Мягков, с подачи профессора А.Е. Егорова, давшего ему рекомендацию, решает воспользоваться поступившим предложением. Кандидатура Мягкова была утверждена, и распоряжением от 30 апреля 1829 г. он был определен на службу учителем рисования в Колывано-Воскресенское горное училище в Барнауле с жалованием 1200 рублей в год. В мае художник покидает столицу, перед отъездом представив на суд академиков портреты своей работы.

На этот раз Совет ИАХ определил утвердить его в звании «назначенного в академии» и задал ему программу: «по нахождению его в Сибири представить сцену из домашней жизни сибирских дикарей».

Писание картины заняло несколько лет. Летом 1833 г. М.И. Мягков присылает свою картину в Петербург. В том же году он получает звание академика портретной и исторической живописи.

При его назначении на место службы особо оговаривалось, что Мягков должен прослужить не менее четырех лет. Однако художник не стал возвращаться в столицу, а свою дальнейшую судьбу связал с Барнаулом. Из Петербурга вместе с ним приехала его жена Евгения [3, с. 174-175].

По приезду в Барнаул в 1833г. Мягков заказывает принадлежности для преподавания рисования, в том числе гравюры и гипсовые слепки. Из этого следует, что художник и в педагогической деятельности следовал заветам, полученным в Академии художеств, где копирование оригиналов гипсовых фигур было краеугольным методом преподавания. Деятельность Мягкова-педагога не раз отмечалась за усердное преподавание денежными вознаграждениями.

Сохранились сведения об его уроках и частным лицам. Исследователь его творчества В.П. Токарев приводит имена учеников: дочь бергмейстера Елизавета Черницына, сын купца первой гильдии Петр Сосулин, крепостной Алексей (? – Д.З.) Петров, дочь купца второй гильдии Клавдия Пясекова [14, с. 41].

Петр Петров в дальнейшем продолжил

учебу в Академии художеств, но в Барнауле он не вернулся.

Многочисленные заказы принесли материальное благополучие (известно, что художник имел даже загородный дом с пасекой), а также признание его художественных заслуг не только в среде барнаульцев, но и жителей других сибирских городов. Особо отличившимся местным чиновникам полагались в качестве поощрения поездки в Петербург с обозами серебра. Мягков дважды пользовался такой возможностью: в 1849 и 1852 гг. Поездки были связаны с решением вопросов, касающихся карьеры самого художника. Думается, что Мягков с интересом ожидал встреч с городом, в котором несколько десятилетий назад начиналась его творческая биография.

Зимой 1851–1852 гг. Мягков вместе с очередным караваном серебра отправился в Петербург, где внезапно скончался 26 января (7 февраля) 1852 г.

Педагогическую деятельность М.И. Мягков совмещал с активной творческой работой. Назначение в Сибирь предоставило художнику неожиданную возможность творчески реализоваться, полностью раскрыть свой живописный талант. Прожив в Барнауле не один год, Мягков проявил себя как талантливый исторический живописец и портретист.

2. МЯГКОВ – АКАДЕМИЧЕСКИЙ ХУДОЖНИК

«Самсон, предаваемый филистимлянами»

Для получения звания «назначенного» (своеобразный творческий экзамен) требовалось написать картину, отвечающую академическим правилам. Сюжеты картин традиционно искали в мифологии или древней истории.

Картина М.И. Мягкова не сохранилась, известно только ее название: «Самсон, предаваемый филистимлянами». С большой долей вероятности, она выполнялась под контролем его учителя А.Е. Егорова. В Государственной Третьяковской галерее сохранился авторский под-

готовительный рисунок «Самсон и Далила» (бумага, карандаш, 18,9х23,7).

Данный сюжет был популярен в изобразительном искусстве еще с эпохи Возрождения, когда художников интересовала сама возможность изображения обнаженного тела. Своих приверженцев сюжет обрел и в среде живописцев барокко, где смысловой акцент делался на теме предательства.

Несмотря на то, что сама картина не сохранилась, представляется возможным «реконструировать» ее облик по одному лишь названию.

Иконологическое содержание определенного произведения на тему западноевропейского искусства всегда точно очерчено и узнаваемо. По известным нам фактам получается, что Мягков, создавая свою версию картины, придерживался или оригинала Рембрандта (ему принадлежит самая известная картина на данный сюжет), или чрезвычайно схожей композиции другого автора.

Главными действующими лицами выступали Самсон и Далила, связанные сложными психологическими связями любви-предательства. Название картины указывает на присутствие агрессивно настроенных фалистимлян. Значит, композиция картины была многофигурной, носила усложненный характер. Художник должен продемонстрировать умение в изображении персонажей, а также композиционно «срежиссировать» драматический конфликт. Данный сюжет требовал обязательного включения натюрморта: мотив опьянения Самсона. Отметим, что в последующих известных нам живописных произведениях Мягков активно использовал жанр натюрморта, как одно из обязательных составляющих композиционного замысла. Учитывая размеры рисунка из ГТГ, можно уверенно предположить, что формат картины был прямоугольным.

Картина не прошла экзамена по технической причине: уровень исполнения не удовлетворил требований Совета Академии. Мы можем предположить еще одну причину несоответствия академическим требованиям: художник впервые ярко обозначил дуализм мужского и женского начала. Возможно, что этот навязанный ему, излишне драматический сю-

жет не совпадал с темпераментом художника, его личными особенностями понимания и выражения искусства.

«Сцена из домашней жизни кумандинцев»

После нескольких неудачных попыток М.И. Мягков наконец-то получил возможность написать большую академическую картину. Не известно, от кого из членов Академии исходила инициатива написания полотна на столь оригинальный сюжет.

Изначально перед художником ставилась задача создания жанрового произведения. В 1820-х гг. ряд русских художников стали писать жанровые работы. Так, Академией художеств в 1824 г. была утверждена программа «представить крестьянское семейство и шашечную игру», по которой конкурировали два живописца – П.И. Пнин и В.И. Грязнов [10, с. 86]. Вероятно, что М.И. Мягков, в ту пору тесно связанный с Академией, был в курсе последних событий и новых тенденций в изобразительном искусстве родного заведения. Академия художеств не препятствовала появлению картин на сюжеты из современной жизни, однако пальму первенства всегда оставляла за исторической живописью.

Писание «Сцены...» заняло несколько лет.

Летом 1833 г. М.И. Мягков присылает свою картину в Петербург. В пояснительной записке художник пишет: «Избрав предмет сей в окружности Телецкого озера кочующих народов под названием куминдинских татар, в точности представлен быт и характер сих народов...». Современные исследователи считают, что на полотне изображены кумандинцы. Картина была выставлена на академической выставке. В том же году Мягков получает звание академика портретной и исторической живописи. Картина долгое время хранилась в Академии художеств. При образовании Русского музея в Петербурге в 1897 г. она была передана туда, где находится и сейчас, но под более общим названием: «Сцена из домашней жизни бурятов» (х., м. 128х158).

О картине писали многие искусствоведы и исследователи. Согласно самой

убедительной версии, произведение следует отнести к раннему жанру. «Оригинальность ее сюжета не вызывает сомнения. Зарисовки этнографического характера выполнялись нередко художниками - участниками научных экспедиций или кругосветных плаваний. Основной функцией их было служить документальной иллюстрацией литературного текста. Мягков привлек элементы этнографии, создавая художественное произведение, полноценное в своей образной выразительности» [10, с. 87]. О бытовом характере сцены упоминает и сам М.И. Мягков.

Однако надо учитывать, что для художника жанровый выбор был предрешен заданным сюжетом. Жанровая составляющая произведения не являлась самостоятельной. Жанровая живопись возникла в русле академического опыта и рассматривалась через призму тех же академических критериев оценки.

Простой композицией картины – выдвинутые на передний план фигуры – художник подчеркивает пластичность и объемность форм [14, с. 40]. Мягков избирает небольшое закрытое пространство. Главные герои – это мать с ребенком и отец. Несмотря на близкое соседство изображенных людей, единая целостная композиционная группа отсутствует. И мужчина, и женщина присутствуют порознь. На наш взгляд, художник сделал это сознательно. Вертикальная восходящая линия делит картинное

Персонажи картины погружены в быт. Мягков скрупулезно воссоздает тихую жизнь кумандинской семьи. Различные предметы быта, одежда жителей, деревянные стены – все представляет познавательный этнографический интерес.

пространство на два равных треугольника. Каждый из персонажей (мать вместе с ребенком) вписан в эти треугольники. Композиционно картина напоминает игральную карту, состоящую из двух частей. В одном – мир мужчины, в другом – женщины. Возможно, так Мягков хотел передать особенность азиатских жилищ с их делением на мужские – женские зоны проживания. А возможен и другой, более глубокий психологический подтекст. Нетрудно заметить, что персонажи этой картины повторяют замысел первой его картины «Самсон, предаваемый филистимлянам», только без былой драматической патетики.

Персонажи картины погружены в быт. Мягков скрупулезно воссоздает тихую жизнь кумандинской семьи. Различные предметы быта, одежда жителей, деревянные стены – все представляет познавательный этнографический интерес. Особенно интересна одна говорящая деталь – ружье. Оно важно в композиционном плане: подчеркивает плоскостность фона, а также придает ритмическую целостность окружающему персонажей пространству. Одновременно это и своеобразная смысловая подсказка о жизни «сибирских дикарей», занимающихся охотой. В крайнем левом углу картины виден ее результат – пойманная дичь.

Отец семейства после удачной охоты отдыхает в расслабленной позе, сидя на полу у тлеющих поленьев, глаза его слегка прикрыты, он курит трубку, на секунду вынув ее изо рта. Он изображен в профиль. У женщины более сложная поза, она изображена вполоборота, лицом к мужу. Нельзя однозначно решить, изображена ли она стоя (нагнувшись к люльке), или сидя (слегка склонившись). Отметим, что Мягков не справился с сложным решением женской фигуры. Несмотря на то, что супруги обращены друг к другу лицом, они не видят друг друга. Каждый из них занят своим делом, но вместе с тем – это единая семья.

Исследователь В.П. Токарев писал: «...Мягков сознательно пробует определить новые изобразительные возможности и средства, представить простых людей в простой обстановке так широко и прекрасно, доходя почти до философского обобщения образов» [14, с. 40].

Однако, как мы указывали выше, жанровые находки Мягкова реализовывались в академической системе координат. Действительно, в картине мы найдем много общего, отвечающего требованиям к академической картине: продуманная до деталей композиция, обнаженные участки тел, скульптурная неподвижность людей, внимание к изображению складок материи и т. д. Несмотря на новизну сюжета из современной действительности, находятся параллели, сближающие картину с произведениями классического искусства. Так, сюжет картины визуально схож с классическим сюжетом «Бегства в Египет». А усложненная поза женщины напоминает фигуры сивилл или женские аллегии над арочными входами к триумфальным аркам. Очевидно, что Совет Академии не обнаружил в картине каких-либо недопустимых отступлений и нарушений и счел необходимым дать художнику звание академика.

«Сцена из домашней жизни кумандинцев» наиболее востребована в художественном наследии М.И. Мягкова. Все исследователи рассматривают ее исключительно с позиций жанровой, бытовой живописи. Остановимся на изучении роли портрета в данном произведении.

Мягков проявляет себя профессиональным, качественным портретистом, улавливающим и отображающим физиономические особенности людей. В картине присутствуют три портретных изображения — отца, матери и ребенка. Несмотря на схожую моделировку всех лиц, заметны и различия.

Лицо мужчины более конкретно. Художник хорошо передает особенности его лица (крупный лоб, своеобразный нос, оригинальную прическу с маленькой косичкой, скульптурно выписанное ухо), с помощью мимики стремится передать определенное выражение лица. Лицо матери идеализируется (оно более условно, правильно, целостно), художник не стремится к простому натуралистическому изображению. Женщина изображена в национальном головном уборе, который удлиняет ее портретные черты, скрывает азиатскую округленность лица. Заметим, что картина ритмически состоит из большого числа разных

треугольников. Головы персонажей также вписаны в эту геометрическую форму. Профильное изображение головы мужчины буквально совпадает с формой треугольника. А голова женщины как бы состоит из двух разнонаправленных треугольников. Правильная, округлая голова младенца вписывается в форму ромба, которая также неоднократно присутствует на его одеяльце.

Особой портретной характеристикой является выразительность рук персонажей. В этом смысле Мягков — «портретист рук». Сказался многолетний академический опыт художника в изображении человеческого тела. Живописец внимателен к изображению каждого пальца руки или ноги. Учитывая особенности выполнения этой картины, мы бы подчеркнули особую скульптурность рук (а вот складки на одеждах решаются пластически совершенно по-другому, мягко, в чем наблюдается еще одна особенность авторской манеры художника). Интересно, как Мягков совершенно по-разному, вариативно моделирует кисти рук. Особенно удалось художнику изображение левой руки мужчины: его сжатые пальцы, напоминающие нераскрытый веер, чрезвычайно убедительно и естественно держат курительную трубку.

«Сцена из домашней жизни кумандинцев» является самым известным живописным произведением художника М.И. Мягкова.

Религиозная живопись

Уже в первые годы жизни в Барнауле Мягков начинает работать в религиозной живописи. Он выполняет значительные заказы для барнаульской церкви Дмитрия Ростовского, собора Святого Николая Угодника в Омске, церковью Горного округа. Изображения для храмов писались именно как картины на холстах, в традициях академической живописи.

Исследователь творчества М.И. Мягкова В.К. Вистенгаузен приводит сведения о 80 выполненных работах для пяти церквей [2, с. 241]. Написание одного произведения занимало несколько месяцев, для скорейшего написания картин Мягков пользовался услугами помощников. Из этой мастерской вышел

Ни одна из религиозных композиций Мягкова не сохранилась. Известен всего один авторский рисунок к неосуществленной картине «Бог Саваоф».

самостоятельный мастер Широков. Современник художника, есаул омского казачьего полка Ребров, оставил свои впечатления: «В городе Барнауле... есть два живописца. Один - выпущенный из Академии Мягков, другой — ученик его унтер-шихтмейстер Широков. Лучшая церковь в Барнауле Дмитриевская, в которой иконостас весь работы академика Мягкова... В Дмитриевской церкви есть много произведений его кисти, считающихся изящными. Живопись Широкова в сравнении с произведениями Мягкова можно назвать малярной...».

Авторские произведения в Дмитриевской церкви были самыми известными работами М.И. Мягкова барнаульского периода. Заказ на роспись поступил от начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова сразу по приезду живописца в Барнаул. Возможно, художник расценивал этот заказ как своеобразный творческий экзамен. По этой причине Мягков не обговорил оплату работы заранее. С отъездом П.К. Фролова вопрос об оплате повис, так что художник должен был специально позаботиться о решении этой проблемы.

Искусствовед Л.И. Снитко приво-

дит любопытные сведения об этих работах (источник информации не выяснен): «В Барнауле М.И. Мягковым было написано несколько картин по фламандским образцам XVII века. Они выполнялись на холсте, укреплялись на стенах и имитировали роспись по штукатурке» [12, с. 19]. После революции 1917г. в Дмитриевской церкви был образован Художественный музей. Наряду с работами М.И. Мягкова упоминается и произведение его учителя А.Е. Егорова [12, с. 19]. Нам не известно ни название, ни история этой работы. Можно предположить, что это живописное произведение попало в Барнаул по инициативе П.К. Фролова и благодаря личным связям М.И. Мягкова.

Ни одна из религиозных композиций Мягкова не сохранилась. Известен всего один авторский рисунок к неосуществленной картине «Бог Саваоф» (Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Данная работа является поистине бесценным источником информации для определения особенностей авторской манеры художника.

Рисунок имеет свою историю [9]. Во второй половине 1830-х гг. М.И. Мягков писал картины для иконостаса церкви при Локтевском заводе. Ему был предложен заказ на выполнение отдельной картины — «Бога Саваофа». Первоначально Мягков согласился и даже предоставил эскиз будущего произведения. Но позже отказался от его выполнения: «12 апреля 1837 г. академик 10-го класса Мягков уведомил Локтевскую контору об отказе писать образ Спасителя для Локтевской церкви, «потому что для природы не имеет приличного одеяния и времени по занятиям классами в Барнаульском окружном училище» [9, с. 101].

Предполагалось, что картина будет вертикального формата, а величественная фигура Саваофа располагалась бы точно в центре композиции. Религиозная картина (судя по рисунку) писалась бы в академических традициях (объемное изображение частей тела, реалистически-осязаемые складки одежды, не плоскостная трактовка пространства, а создание условной воздушной атмосферы). Лицо святого не писалось бы как отвлеченный лик, а выглядело бы ин-

дивидуально, портретно. Замысел произведения несет черты заимствования из западноевропейского религиозного искусства (введение облаков, объемно выписанные головки ангелов, вместо нимба над головой — символический треугольник, тяжелый плащ с фибулой, в который кутается Саваоф, крест на конце жезла явно католического происхождения). Отметим крайнюю эклектичность авторского замысла, смешанность светского и религиозного начал, путаницу православных и западноевропейских религиозных сюжетов и символов.

Как указывалось выше, ни одного религиозного произведения М.И. Мягкова не сохранилось. Однако, учитывая разрозненные факты и отдельные сведения, представляется возможным сделать следующие выводы.

Художник пользовался услугами натурщиков. В его картинах были знаки и символы, пришедшие из католического искусства (общая проблема заимствования для отечественного искусства того времени). Религиозные сцены трактовались как светские изображения (натуралистическое изображение рук, портретная узнаваемость библейских персонажей, исполнение одежд в академической манере). Поэтому считать его работы иконами (икона — это оригинальное концептуальное живописное произведение) будет не верно.

3. МЯГКОВ–ПОРТРЕТИСТ

Намного больше известно о деятельности М.И. Мягкова–портретиста. Первые портреты он стал писать еще в Петербурге, наиболее вероятная дата — начало 1820-х гг. Искусствоведы до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе формирования его портретного мастерства. Наиболее убедительной представляется та версия, что объясняет особенности его искусства не прямыми заимствованиями (влияние Варнека, школы Венецианова), а необходимостью саморазвития художника. В таком случае портрет как самостоятельный жанр у Мягкова вышел из общего академического опыта, где наиболее влиятельным для художника был авторитет его учителя А.Е. Егорова.

В Барнауле художник исполнил не

Первые портреты он стал писать еще в Петербурге, наиболее вероятная дата — начало 1820-х гг.

менее 168 заказов [14, с. 41]. В его портретной галерее — известные и знатные горожане, частные лица. Мягков писал одиночные, парные (две фигуры на одном холсте; другой вариант — портретируемые лица изображались отдельно, на разных холстах, так называемый тип дружки) или многофигурные композиции. Особенно нравились ему семейные портреты. Среди них немало портретов-картин с изображением группы лиц (от 4 до 13) [14, с. 41]. После получения Мягковым в 1851 г. нового классного чина художника даже официально именуют: «по части живописи домашних сцен титулярный советник». Мягков писал портреты не только масляными красками, но и акварелью, и в технике карандаша.

К его достоверным авторским произведениям относят:

«Портрет И.Ф. Шамшина с дочерью Елизаветой», 1820-е гг. (Государственная Третьяковская галерея).

Двойной женский портрет, 1820-е гг. (?) (известен по фотографии, хранящейся в Государственном Русском музее).

Утраченный «Семейный портрет Злобиных и Таскиных», 1838—1839 гг. (известен по фотографии, хранящейся в Алтайском государственном краеведческом музее).

«Портрет Л.А. Соколовского» и «Портрет Е.А. Соколовской», 1838—1841 гг. (Государственный Казахский художественный музей).

«Портрет Ф.А. Геблера», около 1840 г. (Алтайский государственный краеведческий музей).

Самыми известными являются первый и последний портреты из данного списка.

«Портрет И.Ф. Шамшина с дочерью Елизаветой»

«Портрет И.Ф. Шамшина с дочерью Елизаветой» попал в круг авторских работ М.И. Мягкова недавно. Произведение относится к петербургскому периоду жизни художника. Атрибутировала картину московский искусствовед С.С. Степанова [13].

Портрет поступил в собрание Третьяковской галереи в конце 1930-х годов (х.,

м. 34x28) через Ленинградскую закупочную комиссию. Портрет имел подпись (справа внизу), но из-за малого формата и плохой сохранности полотна она оказалась плохо читаемой и была как «Мягков» (без указания инициалов), что позволило первоначально приписать работу другому художнику с аналогичной фамилией. После проведенных реставрационных работ портрет не вызывает сомнений в авторстве М.И. Мягкова.

О том, что это портрет Ивана Федоровича Шамшина (1788–1876), свидетельствует надпись на подрамнике, выполненная карандашом: «Иванъ Федоровичъ Шамшинъ (1788–1876) съ дочерью Елизаветой Ивановной». И.Ф. Шамшин учился в Московском университете, но не окончил курса и в 1806 году был назначен учителем математики в Коломенское уездное училище. В 1811 году он вышел в отставку, но вскоре был принят в Государственную экспедицию для ревизии счетов и, став чиновником Министерства внутренних дел, сделал карьеру. О его дочери Елизавете Ивановне ничего не известно, кроме того, что она умерла в 1907 г.

На портрете Шамшин изображен во фраке Министерства внутренних дел, с орденами Св. Владимира 4-й степени в петлице и Св. Анны 2-й степени на шее. Его облик и возраст (не более 40, а, скорее, около 35 лет) говорят о том, что портрет мог быть написан не позже второй половины 1820-х гг. [13, с. 47].

Отец и дочь составляют единую композиционную группу. Мужчина изображен сидящим в кресле. Возле него находится малолетняя дочь. Она прижимается к плечу отца, он нежно обнимает ее. Такое сочетание — отца и дочери — не самое распространенное в истории портрета. Уже в самом замысле виден нестандартный подход. М.И. Мягков был талантливым детским портретистом, а ведь не каждый художник может писать детей.

Основной акцент направлен на изображение мужчины: более точный и правильный рисунок, хорошо передающий все индивидуальные черты и особенности портретируемого (точная моделировка лица, особенности прически, выразительный взгляд, обращенный прямо на зрителя). По сравнению с мужским лицом, лицо девочки менее конкретно, с чертами идеализации (лицо округло, с более правильными, но крайне условными чертами). Своеобразно, мягко моделируются руки. Художник внимателен к передаче каждого пальца. По исполнению качество рисунка, даже погрешности в пропорциях, все же уступают изображению лиц. В данной работе руки несут и дополнительную смысловую нагрузку, указывают на теплые, домашние отношения изображенных людей.

Фон, на котором изображены люди, условный: он не соотносится ни с конкретной стеной, ни с драпировкой. Колорит произведения теплый. Особую приподнятость вносят пятна красного цвета (обивка кресла, ленточки орденов, шарф на шее девочки). Уже отмечалось, что мужской образ более конкретный, богат разного рода мелкими деталями (подчеркнем декоративный эффект от скрупулезного изображения золотых пуговиц и наград на сюртуке). Мягков стремится к легкой, читаемой композиции полотна, масштабности фигур и мягкой пластической лепке объемов, использованию теплого колорита, что, по мнению С.С. Степановой, сближает его произведения со школой А.Е. Егорова [13, с. 50].

«Портрет Ф.В. Геблера»

Фридрих Вильгельмович Геблер (1782–1850) — доктор медицины, натуралист, исследователь Алтая — родился в саксонском городе Цейленроде. В

1802 г. окончил Иенский университет, защитил диссертацию, получил научную степень. В 1810 г. он по контракту с Кабинетом Е.И.В. прибыл на жительство в Барнаул, где поступил на службу в госпиталь горного ведомства. В 1820 г. Геблер получил назначение на должность главного инспектора всех госпиталей и аптек Кольвано-Воскресенского горного округа.

В первой половине 1830-х годов Ф.В. Геблер совершил ряд путешествий в малоисследованные и совсем неисследованные районы Алтайских гор. Ему принадлежат открытия и описания некоторых видов зверей и птиц Алтая. Он положил начало научному изучению сибирской энтомологической фауны, развил редкие лекарственные растения. [1, с. 63].

«Портрет Ф.В. Геблера» имеет подпись М.И. Мягкова, возражений в аутентичности не вызывает. Долгое время изображение хранилось в семье ученого, передавалось от одного поколения к другому. В 1970-е гг. его последняя владелица, проживающая в Томске, решила передать картину в Алтайский краеведческий музей [11, с. 22].

«Портрет Ф.В. Геблера» (х., м. 54x45) — это поздняя работа художника. Она является чрезвычайно важной для понимания авторской манеры живописца. По замыслу, фрагментарной композиции данный портрет отличается от предыдущего

и всех известных других работ художника. «Портрет Ф.В. Геблера» — внешне камерное изображение. «Портрет погрудный, разворот лица в $3/4$, взгляд на зрителя. Изображенному на вид 50–60 лет. Волосы темно-русые, редкие, с проседью, зачесаны чубчиком на левый висок. Глаза голубые, маленький рот с плотно сжатыми тонкими губами. Кустистые брови. Нос и скулы с красными пятнами, намечается двойной подбородок. Правый контур лица нерезок, как бы затуманен. Портретируемый дан с симпатией, у него добрый располагающий взгляд» [8, с. 32–33].

Однако автор вводит и другой мотив. Геблер, известный на Алтае врач и ученый, держит в руках коллекцию насекомых. Автор произведения сознательно акцентирует внимание на работе, жестикуляции рук (правая кисть руки написана в усложненной, сжатой позе, левая кисть вообще не прописана, а лишь только скупо обозначена). Однако и жанровая событийность — это всего лишь повод к истинному пониманию содержания произведения.

Портрет пишется по определенной схеме голландских портретов «Ученых» (опять-таки вспоминается Рембрандт, его эрмитажный портрет), когда некий ученый сосредоточенно занят делом, читает книгу, трогает глобус, рассматривает гербарий. А художник как бы невольно отвлекает его от научных изысканий, заставляя направить взгляд умных глаз на самого зрителя. Мягков совмещает в одном портрете жанрово-психологическое и академическое начало.

С большой вероятностью, подобное композиционное решение, совершенно не характерное для отечественного образительного искусства, было подсказано Геблером, для которого подобный вид портрета, лишенного внешнего, репрезентативного начала, был хорошо знаком. И отвечал его эстетическим и этическим представлениям.

Первоначально даже может показаться, что портрет — скучен и неинтересен. Колорит решается в минималистской цветовой гамме, преобладают темные, теплые цвета (почти абстрактный «сумрачный фон», коричневый сюртук, чер-

ная рубашка). Источник света — условный, психологически соответствующий ситуации освещения человека лампой в позднее, вечернее время в закрытом помещении. Главной выразительной характеристикой становится свет. На портрете два световых пятна: лицо и руки (отметим, что точки-насекомые несут и декоративный эффект). Именно световые пятна определяют смысловые зоны изображения.

«Семейный портрет Злобиных и Таскиных»

Портрет известен только по любительской фотографии, не лучшего качества, из Алтайского краеведческого музея. Портрет хранился в Петербурге у сына одного из изображенных — В.А. Таскина [4, с. 220–226]. Было бы логично рассматривать этот несохранившийся портрет в разделе предполагаемых и спорных произведений. Однако его первооткрыватель — В.К. Вистенгаузен — постарался найти убедительные аргументы в пользу авторства М.И. Мягкова. Вот как он описывает данный портрет: «Интерьер комнаты, в которой расположились портретируемые, фактически не передан. Кресло, в котором сидит глава семьи, и стол, за которым расположилась центральная группа персонажей, даны скорее условно. За спиной крайней правой фигуры, как можно судить по негативу, очевидно, находится раскрытая дверь.

Изображено 12 персонажей и еще один человек представлен своим портретом. Картина имеет два изобразительно-смысловых центра, находящихся в тесном взаимодействии. Можно также сказать, что центр один, но состоящий из двух планов. На первом плане, в левой трети холста — значительная своей осанкой фигура самого А.А. Злобина в парадном мундире. Он изображен анфас, его левая рука — на подлокотнике кресла, правая — на столе, на листе бумаги, рядом с очками. Эта деталь, очевидно, должна свидетельствовать о его трудах по управлению заводами. Личность А.А. Злобина не привлекала внимания исследователей и по сравнению с другими начальниками алтайских заводов он мало известен. На портрете ему 50–55 лет. Второй план центральной группы образуют три

персонажа. Несомненно, что это старшая дочь Злобина, Елизавета Таскина, ее муж и (в центре) их сын Алеша, портреты которого писал М.И. Мягков. Семья Таскиных изображена так, что руки Злобина и Таскина образуют как бы нижнее полукруглое обрамление. Остальные фигуры расположены вокруг четырех центральных персонажей четырьмя парами. Сзади Злобина и Елизаветы Таскиной — пара молодых, на свадьбу которых Таскины приехали: невеста и ее жених, любующиеся друг другом. Имена их нам не известны. В левой части картины — юноша и девушка, облокотившаяся на спинку кресла, в котором сидит А.А. Злобин. Справа, на переднем, девочка и девушка постарше беседуют между собой. Девочка держит небольшой портрет женщины. Надо полагать, что это — портрет покойной жены А.А. Злобина, матери семейства, не дожившей до этого счастливого момента» [4, с. 221]. В одном из присутствующих мужчин В.К. Вистенгаузен увидел изображение самого художника М.И. Мягкова.

Причиной для написания коллективного портрета послужила свадьба двух изображенных лиц. Известно, что приглашенные гости приехали в Барнаул в конце 1838 г. [4, с. 220]. Следовательно, время написания картины относится к 1838–1839 гг. Создание столь масштабного произведения требовало и продолжительного времени, и профессионального умения (один из главных аргументов в пользу авторства М.И. Мягкова). Очевидно, что утерянная картина была самым грандиозным по замыслу портретом художника. Также отметим, что число лиц на картине соответствует числу, называемому В.П. Токаревым [14, с. 41].

Несмотря на плохое состояние фотографии, «Портрет Злобиных и Таскиных» является настоящей энциклопедией творческих приемов мастера. При известных обстоятельствах портрет ценен именно своими композиционными особенностями: общее композиционное расположение людей было тщательно продумано. Весь портретируемый коллектив состоит из самостоятельных групп: «единолично» Злобин; как исключение, вписанная в тондо, приезжая семья из трех человек; остальные че-

Причиной для написания «Семейного портрета Злобиных и Таскиных» послужила свадьба двух изображенных лиц. Известно, что приглашенные гости приехали в Барнаул в конце 1838 г.

тыре группы составляют пары, причем их составы разные (мужчина и женщина, двое мужчин, женщина с девочкой-подростком).

Для воссоздания естественной, непринужденной атмосферы общения Мягков прибегает к разным психологическим приемам позирования. Одни персонажи (Злобин, приезжие гости и некоторые другие люди) откровенно позировуют в застывших позах, их взгляды направлены на художника. Однако две стоящие позади пары не обращают внимания на живописца, их лица повернуты на своих собеседников. При взгляде на двух молодых девушек возникает впечатление (ошибочное), что художник поместил их

здесь случайно. Они словно только вышли из-за края картины, занятые важным для них разговором и по этой причине не заметили, что всех присутствующих людей пишет приглашенный живописец. В.К. Вистенгаузен считает, что младшая из девушек держит в руках небольшой портрет умершей жены А.А. Злобина, ее матери. Как всегда, для художника важна игра рук персонажей.

Предполагаемые произведения

Большинство картин и портретов М.И. Мягкова не сохранилось, что, конечно, затрудняет понимание истинного масштаба творчества художника. Религиозная живопись была потеряна с закрытием и уничтожением церкви в советское время. Портреты находились в частных собраниях. Известны лишь единичные произведения мастера. Портреты терялись при переездах, получали повреждения, а испорченные картины не хранили. Люди, жившие в XX веке, уже с трудом могли распознать в абстрактных дедушках и бабушках конкретных личностей. Большинство портретов кисти М.И. Мягкова безвозвратно пропало. Предположим, что не все сохранившиеся портреты нам известны, и со временем откроются новые, неизвестные авторские с работы. Открытия могут быть самыми неожиданными. Например, известно, что В.И. Тистров – дед Н.К. Крупской, жил в Барнауле и Мягков вполне мог исполнить его портрет.

Представляется возможным приписать Мягкову ряд других произведений (пока гипотетически): предполагаемый «Автопортрет» из Государственного Русского музея; акварельный портрет из Алтайского государственного краеведческого музея, долгое время считавшийся изображением П.К. Фролова (портрет то выводится из круга авторских работ, то вводится вновь); «Семейный портрет» («Долгожданное письмо») из Государственного художественного музея Алтайского края.

«Автопортрет»

Рассмотрим работу неизвестного художника «Автопортрет с палитрой и ки-

стью в руках» (х., м. 88x71,5) из Государственного Русского музея [10, № 106].

С идеей приписать портрет творчеству М.И. Мягкова впервые выступил историк и исследователь его творчества В.К. Вистенгаузен, чьи изыскания немало расширили и обогатили представление о жизни и деятельности художника [4, с. 222]. Он обратил внимание на схожесть изображенного неизвестного художника на данной работе с одним из персонажей известного группового портрета. Картина не сохранилась, а известна только по фотографии, хранящейся в Алтайском краеведческом музее (знакомый нам «Портрет Злобиных и Таскиных»).

Заметим, что полной уверенности в идентичности двух изображенных не было у самого автора столь смелой гипотезы. Действительно, наблюдались некоторые черты схожести, но также находились и черты различия. Скажем, исходя из датировки несохранившегося произведения (около 1838 г.), возраст художника должен быть «на сорок», а изображенный на картине мужчина явно моложе.

Гипотеза повисла. Ее нельзя было отбросить, а поверить в нее и вовсе казалось фантастичным. Тем более, что о гипотезе знал лишь небольшой круг барнаульских исследователей, а в столичных городах о ней даже не догадывались. В данной атрибуции – предполагаемом авторстве М.И. Мягкова – мы поддерживаем мнение В.К. Вистенгаузена. Однако решающее слово не за внешним сходством двух персонажей (слишком слабы аргументы), а в искусствоведческом анализе произведения.

Начнем с того, что с большей долей вероятности М.И. Мягков может рассматриваться в кругу предполагаемых авторов «Портрета неизвестного художника». Существенных возражений против гипотетического рассмотрения его авторства нет (художник жил в Петербурге, учился в академии художеств, выполнял портретные заказы; у художника и произведения совпадает общее время действия; возраст неизвестного художника соответствует возрасту М.И. Мягкова).

Человек изображен в помещении, напоминающем комнату. Художник показан в процессе писания картины, очевидно, что это – его автопортрет. Возраст

изображенного – примерно 25–30 лет. Человек одет в строгий сюртук, который придает его облику официальный, партикулярный характер. Позади живописца находится холст картины с изображением женской головы. Художник сидит в кресле, его взгляд обращен непосредственно на зрителя. В руках художника палитра и кисти, рядом с ним натюрморт из сопутствующих художественному делу принадлежностей. Внешний вид молодого художника не противоречит нашим самым общим представлениям о художнике М.И. Мягкове.

Фигура живописца формирует собой передний план. Глубина картины дается намеком, в виде едва обозначенного слева окна. Правая сторона картины «непроницаемая», закрыта фоном едва начатого холста. Пространство картины не развито: изображенный холст (второй план) механически делит композицию на две части.

Для сравнения мы воспользуемся недавно опубликованным и введенным в научный оборот аутентичным «Портретом И.Ф. Шамшина с дочерью Елизаветой». Этот портрет, как и «Портрет неизвестного художника», относится к петербургскому периоду жизни М.И. Мягкова. На первый взгляд, в них мало общего: один писался как этапная вещь, другой – принадлежит к форме заказного портрета. Не совпадают и размеры двух работ, изображения мужчин не кажутся похожими.

Но приглядимся к портретам внимательнее.

Композиции двух портретов зеркальны. Конечно, это – общее наблюдение, на котором нельзя построить серьезную аргументацию. Однако есть и важные совпадения. Художник схоже моделирует мужские лица (слишком индивидуальные в нашем случае): лбы крупные; подбородки очерченные; детально выписываются уши и прически; взгляды портретируемых людей направлены на зрителя; оба мужчины позируют сидя в креслах. Стена (или абстрактный фон) за спиной И.Ф. Шамшина напоминает загрунтованный холст из «Автопортрета».

Однако наибольший интерес представляют женские образы. По сравнению с мужчинами, женские лица (девочка и

недописанный женский портрет) менее натуралистичны. Они идеализированы, округлы, с более правильными и условными чертами лиц. В обоих случаях художник усложняет женские образы витиеватыми прическами.

Складывается странное впечатление, что портретируемые с двух портретов писались с одной модели. Конечно, портретируемые с двух портретов писались с одной модели. Конечно, такого не может быть, здесь сказывается сильное влияние типизации. Но именно тождественность женских лиц, исполненных по одной, единой схеме, одному шаблону, позволяет предположить авторство одного живописца — М.И. Мягкова.

«Долгожданное письмо»

Неподписанный портрет входит в коллекцию Государственного художественного музея Алтайского края: неизвестный художник «За чтением. Семейный портрет» вторая четверть XIX века (х., м. 40x47,3). В музей картина поступила из частного барнаульского собрания в 1989 г. Портрет выставлялся в постоянной экспозиции русского искусства, регулярно публиковался в изданиях, посвященных музею. В музее портрет определен как работа неизвестного художника. Нами впервые по отношению к этому произведению предлагается атрибуция М.И. Мягкова.

Совпадает время создания работы и место проживания самого художника. Поэтому появление подобной гипотезы, даже стоящей под знаком вопроса, было бы уместно. Однако такого, самого общего варианта авторства не возникло.

Данный портрет (переименованный

нами в «Долгожданное письмо») отвечает всем известным особенностям авторской манеры художника. Три персонажа, позирующие художнику, находятся на переднем плане. Группа людей вписана в треугольник; она просто и ясно выстроена, легко читается. Мужчина и женщина, сидящие в креслах, создают самостоятельные треугольники. В композиции картины также присутствуют многочисленные ритмические повторения формы треугольника (угол стола, согнутые локти, разделенные прическами лбы женщин и др.).

Люди находятся в условном помещении, напоминающем комнату. Задняя стена создает плоскость, напоминающую фон из большинства известных работ художника. Слева дается крайне обобщенный пейзаж (задний план). Возможно, основой для пейзажа послужили барнаульские ландшафтные реалии. Такой прием — условная стена и фрагмент пейзажа — возник еще в эпоху ренессанса и был востребован живописцами в более позднее время. Использовался он и русскими художниками (например, знаменитый портрет Н.И. Новикова кисти Д.Г. Левицкого). Заметим, что прием носит интеллектуальный характер и говорит об определенном образовательном уровне исполнителя.

Очевидно, что перед нами семейный портрет. Двое пожилых людей — это муж и жена. Третья фигура — изображенная женщина, возможно, близкий им человек. Женщины позируют живописцу, их лица изображены в анфас, взгляды обращены прямо на художника. А глава семейства, кажется, вообще забыл о присутствии постороннего человека, так он занят чтением полученного письма (такой двойной принцип портретирования нам уже знаком по «Портрету Злобинных и Таскиных»). Его голова изображена в профиль. Известно, что многие барнаульцы — в том числе и сам М.И. Мягков — были приезжими из Петербурга чиновниками. На долгие годы почта становилась единственной связью с родными. Как ожидаемы и желанны были эти послания! Поэтому неслучайно нами предлагается такой вариант названия картины: «Долгожданное письмо».

Основной жанровый мотив несет муж-

ской персонаж, читающий письмо. Его руки выполняют активные действия: левая рука держит листки бумаги, правая придерживает сползающие очки. Руки женщины соединены, пальцы образуют замок. Художник внимателен к изображению каждого пальца, передают усложненные жесты рук. Рука второй женщины не прописана, замерла в режиме остановленного кадра. Этой рукой она сжимает палку. Скромный облик женщины, ее специфический жест говорят нам, что изображенная – не член семьи, а компаньонка, выполняющая или контролирующая работы по дому.

Подобные сцены за столом известны по картинам В.И. Грязнова и П.И. Пнина [10, № 68,69]. Однако художник находит собственное композиционное решение. Он выбирает не отдельных персонажей, ритмично разделенных интервалом стола, а компактную, взаимосвязанную группу. Изображение людей аналогично изображению группы из трех человек в «Портрете Злобиных и Таскиных» (отличие наблюдается в принципах композиционного единства: в первом случае персонажи образуют пирамиду, а во втором группа людей вписана в круг).

Образ мужчины решен более конкретно (точный, жесткий рисунок, подчеркиваемый официальным сюртуком; седина волос; многие мелкие дополнительные мелочи – очки, листки бумаги, «разбросанные» по сюртуку пуговицы). Образ пожилой женщины, как всегда, идеализирован, но, учитывая ее возраст, не абстрагирован (мягкие, едва обозначенные складки желтой шали; усложненный головной убор, состоящий из чепца и красной ленты; приподнятое декоративное цветовое решение одежды, сочетание белого, черного, красного, желтого). Заметим, что женские лица, несмотря на всю их индивидуальность, имеют общие черты схожести и восходят к архетипическому образу девочки из «Портрета И.Ф. Шамшина с дочерью Елизаветой». А изображение второй женщины композиционно и колористически буквально воспроизводит портрет Ф.В. Геблера. Колорит произведения теплый, условный; декоративную оживленность вносят цветные пятна одежды.

Но особенно интересно сравнить

Возможно, основой для пейзажа послужили барнаульские ландшафтные реалии. Такой прием – условная стена и фрагмент пейзажа – возник еще в эпоху ренессанса и был востребован живописцами в более позднее время.

«Долгожданное письмо» с предполагаемым «Автопортретом» из Государственного Русского музея. Нетрудно заметить, что общий композиционный строй, пространственная конструкция, отдельные предметы (столики с расположенными на них вещами показаны в одном ракурсе) – повторяются. В обоих портретах чрезвычайно схожими являются и лица двух персонажей! Действительно, облик молодого художника напрямую соотносится с портретом пожилого мужчины (автопортретом художника в старости?). А набросок молодой девушки также может соответствовать ее изображению в зрелом возрасте. Простое ли это совпадение, произошедшее за счет типизации, или перед нами действительно семья художника в старости?

Все люди изображены с симпатией, возникает ощущение, что художник писал хорошо знакомых ему людей. Конечно, разные гипотезы о предполагаемых автопортретах художника высказывал В.К. Вистенгаузен. И видеть в каждом портрете изображение самого художника по крайней мере странно. Однако убедила нас только первая атрибуция исследователя, «Автопортрет» из Государственного Русского музея. А второй предполагаемый автопортрет из коллективного «Портрета Злобиных и Таскиных» не нашел нашей поддержки. Версия о позднем авторстве М.И. Мягкова имеет право на существование.

«Портрет неизвестного мужчины»

«Портрет неизвестного мужчины» входит в коллекцию Алтайского государственного краеведческого музея. Долгое время изображенный на нем человек считался П.К. Фроловым, также предполагалось, что автором произведения может быть живописец М.И. Мягков. О портрете писали многие алтайские и сибирские авторы. Особое внимание заслуживают специальные исследования В.К. Вистенгаузена [6,7], которые во многом прояснили сей запутанный вопрос.

Неподписанный акварельный портрет поступил в музей в 1950-е гг. из частного ленинградского собрания. Бывшие владельцы портрета не знали, кто имен-

но изображен на нем. Краевед Н.Я. Савельев после долгих сомнений определил изображенного человека как начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова. Разрушение мифа началось с очевидного: портретируемый человек не соответствует возрасту П.К. Фролова, когда его мог запечатлеть М.И. Мягков. Переписка с владельцами портрета не давала ни одной зацепки, ни одного бесспорного факта для подобной гипотезы. Стало очевидным, что на портрете мог быть изображен любой чиновник Горного округа того времени. Однако В.К. Вистенгаузен не остановился на достигнутом и вывел портрет из круга работ М.И. Мягкова. Основанием послужила обнаруженная исследователем скрытая и незамеченная никем ранее монограмма, которая читалась как «Т.В.».

В.К. Вистенгаузен расшифровал монограмму как возможную подпись художника Тимофея Васильева, посещавшего Алтай в самом начале XIX века. Конечно, монограмма — скрытая аббревиатура — важна. Однако она может обозначать вовсе не инициалы художника, а инициалы изображенного человека или даже более общее зашифрованное послание: «Твой В...».

Важнее другой момент: стилистически портрет относится к группе авторских портретов М.И. Мягкова и может рассматриваться в реестре предполагаемых произведений. Исходя из искусствовед-

ческого анализа этих работ нами предлагается вновь вернуть гипотетическое авторство М.И. Мягкова.

Действительно, ряд черт и особенностей портрета нам уже знаком по другим картинам художника. В композиционном плане он особенно близок к вышерассмотренному портрету «Долгожданное письмо» из Алтайского государственного художественного музея.

Портреты сближает прием условной стены и введенный пейзажный фон. Стена дана в виде узкой ленты в левом крае картины. В.П. Токарев ошибочно посчитал стену стволом дерева [14, с. 41]. Стена делит квадратный формат на два неравных прямоугольника, что задает работе четкий вертикальный ритм, вытягивает форму человека. Дальний пейзажный план — условный, носит декоративный эффект. Художнику не удалось изображение ветви дерева неопределенной породы. Видимо, ее единственная цель — смягчить переход от среднего к дальнему плану, иначе портрет воспринимался слишком сухо, схематично. Пейзаж дан крайне условно, в виде пейзажного фона. Значит, художник не имел навыков писания пейзажа. Следовательно, никто из художников-видовиков, в том числе Т.А. Васильев, не может быть автором данной работы.

«Неизвестный» соответствует принятым канонам изображения фигур у М.И. Мягкова («Портрет И.Ф. Шамшина» из ГТГ, предполагаемый «Автопортрет» из ГРМ, многочисленные образы из коллективного «Портрета Злобиных и Таскиных»). Перед нами типичный мужской образ, созданный художником.

Чрезвычайно правдиво передано лицо (прическа, индивидуальные особенности черт, взгляд на зрителя). Интересно, по-авторски переданы руки (прием занятости рук, усложненная поза, выписанность каждого пальца). В данной работе кисти рук напоминают руку мужчины, держащего трубку, из «Сцены домашней жизни кумандинцев». Сюртук незнакомца идентичен одежде мужчины их «Долгожданного письма» (общий синий цвет, черный ворот, декоративная игра пуговиц).

Поза изображенного мужчины схожа с позой А.А. Злобина из «Семейного пор-

трета Злобиных и Таскиных». Но есть и отличия: если обычно модели позируют художнику сидя в креслах, то в данном случае само кресло отсутствует, что, видимо, соответствует выбранному мотиву присутствия персонажа на природе притом, что принятая им поза соответствует именно позе сидящего, а не стоящего человека.

Незнакомец опирается на предмет, похожий на трость (в литературе она просто называется тростью). Однако трости того времени имели наверху в виде набалдашника. На нее было невозможно опереться так, как это сделал мужчина. Возможно, перед нами недочет работы художника. Также, возможно, что изображена вовсе не трость, а некий специфический инструмент, например, из горного дела. Предположим, что неясность изображенного предмета была сделана сознательно, по воле заказчика. Это останется неразгаданной тайной портрета.

Очевидно, что перед нами одна из многих заказных работ М.И. Мягкова (художник не высказывает откровенных симпатий к портретируемому). Возраст изображенного мужчины должен соответствовать дате его рождения в 90-е гг. XVIII века или времени рубежа веков. Возможно, перед нами (как предполагал В.К. Вистенгаузен) изображен Александр Михайлович Карпинский (р. в 1789), портрет поступил от него потомков [6, с. 54]. Это был человек, хорошо знавший начальника заводов П.К. Фролова, служивший под его началом и, возможно, бывший с ним в дружбе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

М.И. Мягков – известнейшая творческая личность, один из первых барнаульских художников XIX в., если быть уж совсем точным, то второй после В.П. Петрова.

По масштабу личности, творческим устремлениям и реализованным проектам он заслуживает быть названным крупнейшим художественным явлением своего века.

Действительно, во второй половине XIX века мы не найдем крупных местных художников, повторивших или

даже приблизившихся к его творческому успеху (лишь только спустя ровно пятьдесят лет после смерти художника взойдет звезда другого барнаульского живописца А.О. Никулина). Парадокс: Мягков – самый барнаульский художник, и вместе с тем он ярчайший представитель так называемого петербургского мифа. Эти две особенности являются главными характеристиками всего его творчества: Мягков оставил след (пусть и не такой большой) в отечественном изобразительном искусстве и стал великим барнаульским художником!

Мягков как художник сформировался в Академии художеств. Прибыв в Барнаул на место жительства, он реализует полученный опыт в педагогической деятельности и многочисленных религиозных картинах.

Изображения для храмов писались именно как картины на холстах, в традиции академической живописи. Художник пользовался услугами натурщиков. В его картинах были знаки и символы, пришедшие из католического искусства. Художник активно использовал мотивы, композиционные решения из западноевропейской живописи. Религиозные сцены трактовались как светские изображения (натуралистическое изображение рук, портретная узнаваемость библейских персонажей, исполнение одежды в академической манере). Считать его работы иконами будет неверно.

Однако не только чисто академическое направление интересовало живописца. Мягков в духе времени усвоил новые жанровые тенденции в изобразительном искусстве («Сцена из домашней жизни кумандинцев»). Продолжение жанрового начала проявилось и в портретах художника.

Мягков – своеобразный портретист. Искусствоведы до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе формирования его портретного мастерства. Наиболее убедительной представляется та версия, что объясняет особенности его искусства не прямыми влияниями известных портретистов того времени, а личной необходимостью развития художника. В таком случае пор-

Судьба Михаила Ивановича Мягкова типична, и в то же время уникальна для своего времени. Он прошел большой жизненный путь от крепостного до уважаемого всеми живописца.

трет как самостоятельный жанр у Мягкова вышел из общего академического опыта, где наиболее влиятельным для художника был авторитет его учителя А.Е. Егорова (А.Н. Бенуа видел в Егорове академический аналог Рафаэля).

Манера учителя, воспринятая и учеником, в полной мере проявилась в портретном искусстве (мягкая моделировка, теплый колорит). По сохранившимся и предполагаемым портретам мы имеем представление об уровне его мастерства (моделировка лиц, особенности мужских и женских образов, внимание к изображению рук). М.И. Мягков зарекомендовал себя как интересный художник семейных, групповых портретов. Большинство картин и портретов художника не сохранилось, что, конечно, затрудняет понимание истинного масштаба творчества М.И. Мягкова.

Судьба Михаила Ивановича Мягкова типична, и в то же время уникальна для своего времени. Он прошел большой жизненный путь от крепостного до уважаемого всеми живописца. Важно, что он смог максимально реализовать свой творческий потенциал. Поездка в далекую Сибирь оказалась для художника счастливой. Более двадцати лет прожил Мягков в Барнауле, сумев насытить город не только приметами полнокровной художественной жизни (профессиональное обучение, первые в истории города мастерские, монументальные заказы, многочисленные частные портреты), но и задал высокую академическую планку местному изобразительному искусству.

Несомненно, творчество и жизнь М.И. Мягкова воспринимается как типично барнаульское художественное явление. Однако существуют и другие факты, свидетельствующие о жизни нашего живописца в современной российской культуре. Так, Дом-музей В.И. Ленина в Самаре на выставке, посвященной семье, воспроизвел на плакате-коллаже и работу М.И. Мягкова из Третьяковской галереи (см. журнал «Мир музея» 2010. №6. С. 41). Казалось бы, где находится Самара, а где — Барнаул. И все же нашлась, возникла точка соприкосновения...

Литература

1. Вараксина Т.И. Здание главной химической лаборатории Алтайских заводов // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 61–64.
2. Вистенгаузен В.К. Историко-культурное значение творчества М.И. Мягкова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 241–244.
3. Вистенгаузен В.К. Сибирский период жизни и творчества М.И. Мягкова (по материалам Центра хранения архивного фонда Алтайского края) // Гуляевские чтения, 1988. С. 174–183.
4. Вистенгаузен В.К. Неизвестный групповой портрет работы М.И. Мягкова // Алтайский сборник. № XX. Барнаул, 2000. С. 220–226.
5. Вистенгаузен В.К. Академик живописи М.И. Мягков и его картина «Сцена из жизни сибирских дикарей» // Актуальные вопросы истории Сибири. № 2. Барнаул, 2000. С. 332–337.
6. Вистенгаузен В.К. Тайна известного портрета // Культурное наследие Сибири. № 2. Барнаул, 2000. С. 53–61.
7. Вистенгаузен В.К. Новые данные о предполагаемом портрете П.К. Фролова, содержащиеся в переписке Н.Я. Савельева // Культурное наследие Сибири. № 3. Барнаул, 2001. С. 73–90.
8. Вистенгаузен В.К. Портретная живопись М.И. Мягкова // Художественная культура Сибири и Алтая. Барнаул, 2001. С. 32–35.
9. Ермакова Л.И. Штрихи к творческой биографии живописца М.И. Мягкова // Культурное наследие Сибири. № 5. Барнаул, 2004. С. 99–101.
10. Михайлова К.В., Смирнов Г.В. Ранний жанр // Живопись XVIII – начала XX века из Государственного Русского музея. Л., 1987. С. 86–92.
11. Падалкина О.В. К истории четырех художественных портретов // Материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию музея (ГХМАК). Барнаул, 1995. С. 19–24.
12. Снитко Л.И. Первые художника Алтая. Л., 1983.
13. Степанова С.С. Возвращение имени. О портрете работы М.И. Мягкова, обнаруженном в собрании Третьяковской галереи // Снитковские чтения. № 1. Барнаул, 2005. С. 47–52.
14. Токарев В.П. М.И. Мягков // Художники Сибири XIX века. Новосибирск, 1993. С. 39–42.
15. Художники Алтайского края. Библиографический словарь. Том 2. Барнаул, 2006. М.И. Мягков (обзор всей литературы).
16. Золотарев Д.Е. 210 лет со дня рождения живописца М.И. Мягкова // Барнаульский хронограф - 2009: календарь знаменательных дат. Барнаул, 2008. С. 78–82.

Фрагменты жизни: военные воспоминания

Виктор
Зотеев.
Подготовил
Дмитрий
Золотарев.

Виктор Александрович Зотеев (1924–2008), известный барнаульский живописец-пейзажист. Родился в г. Кувша Свердловской области. Участник Великой Отечественной войны, воевал в Белоруссии, Польше, Кенигсберге, Берлине (1943–1945), награжден боевыми орденами и медалями. Окончил Уральское художественно-промышленное училище. С 1969 года жил в Барнауле. Много путешествовал по стране, пытаясь отыскать и написать труднодоступные малоисследованные места. Особенно покорила художника своей красотой Горный Алтай. Воспоминания о войне (фрагменты из которых мы публикуем) – редкий образец писательского таланта живописца. Его заметки – документальные свидетельства, воспоминания о тяжелых военных буднях.

Переправа

Ненастной поздней осенью 1944 года наше наступление остановилось в Белоруссии на реке Друть. Рубеж обороны нашей 250-й дивизии 35-го ударного стрелкового корпуса находился между городами Жлобин и Рогачев.

Плохая оказалась у нас зимовка: в мерзлой земле выкопали плохенькие землянки и заняли оборону. Всю первую половину ноября бились на небольшом плацдарме на реке Сож в 17 километрах севернее Гомеля, отбив у немцев деревню Новоселки и продвинувшись на 2 километра в глубину немецкой обороны и 4 километра по фронту. Переправлялись на лодках и штурмовому мостику для пехоты. Мой участок телефонной связи был от опушки леса и до переправы, связь постоянно прерывалась от разрывов мин и снарядов. Переправа усиленно обстреливалась. Западный берег весь полыхал от огня, оттуда доносился несмолкаемый грохот.

Мне было страшно даже смотреть в ту сторону, думал о том, как там люди ухитряются уцелеть. Через несколько дней и я попал на эту горящую малую землю. Участок связи мне достался от наблюдательного пункта дивизии до контрольного пункта, который находился под обрывом берега неподалеку от переправы. Связь постоянно рвалась, а провода всех подразделений: пехоты, артиллерии и авиации были протянуты по брустверу траншеи, которая шла от передовой и до переправы. Сплошным потоком с места боя по ней возвращались раненные солдаты, многие даже не были перевязаны, низ траншеи

был скользким от крови. Мне пришлось тянуть свой провод, не глядя на частые разрывы мин и снарядов вокруг, по открытому полю. По траншее шел встречный поток солдат. Я спросил одного раненого в руку солдата: «Как там дела?». Он ответил: «Плохо, браток, много наших полегло». Бой уже шел на западной стороне бугра, сообщая о себе трескотней автоматов, грохотом орудий и разрывами снарядов.

Нам не удалось переправить танки. Вместо них пехоте помогали «летающие танки» – штурмовики, которые с басовитым ревом, низко проносясь над нашими головами, расстреливали контратакующих фашистов. Огромную поддержку оказывали с восточного берега катюши, которые устроили настоящий ад на немецких позициях.

Я бегу по связи, чтобы соединить очередной порыв, укрываюсь в песчаной норе у Васи, который дежурил на участке от обрыва и до переправы. Как хорошо в этой норе, почти тихо. Мины и снаряды уже рвутся в реке и на восточном берегу, к их свисту и вою мы уже привыкли. Немцы бьют по переправе шрапнелью, которая разрывается в воздухе, поражая осколками переправляющихся солдат. Осколки снарядов бьют в песчаный береговой обрыв, но в нору не попадают, лишь сырой песок сыплется за шиворот. Телефонную трубку все время от уха не отрываешь. Если тихо – опять нет связи, надо бежать на линии. И так изо дня в день почти две недели. Немцы без конца контратакуют, стараясь сбросить наши полки в Сож. Мы же крепко уцепились за берег, стараемся расширить эту полоску земли. Народу положили множество и с нашей стороны, и с немецкой.

Однажды утром, после тревожной ночи, после нескольких попыток контратаковать наши позиции, вдруг неожиданно наступила тишина. Немцы отступили. Мы вышли из окопов, идем – впереди трупы наших и немецких солдат. Особенно много было побито фашистов. На этот раз они, не считаясь с потерями, бросили последние резервы, чтобы сбить нашу оборону. Перед нашими глазами страшный лик войны – безжизненный лунный пейзаж. Помню, что в начале боев в двухстах метрах от нашей передовой росла огромная развесистая груша. От этого дерева остался укороченный ствол и один короткий толстый сук, на котором висели ноги фашистского офицера. А в стороне от этого дерева лежала другая половина тела с широко раскрытым от ужаса и боли ртом, с золотым зубом в зияющей яме рта.

Позднее солдаты узнали, что наш плацдарм был ложным маневром для отвлечения главных немецких сил. Основное же наступление было в районе Гомеля. Немцы отступали, откатываясь от Белоруссии на запад. Лишь на нашем направлении они закрепились, на реке Друть. Ни с нашей стороны, ни с противоположной попытки к наступлению не предпринимались, так были обескровлены войска.

Выпал снег, наступила зима. Стало очень холодно и неудобно в сырых землянках.

Все время нам хотелось есть и спать. Вялые, тощие, в основном лежим в землянках. Заболели педикулезом – обовшивели. Утром встаем, выходим из землянок, вместо зарядки снимаем с себя гимнастерки, нижние рубахи и вытряхиваем беспощадных паразитов на снег. Тело горит от многочисленных укусов. Плохие мы стали солдаты, никудышные. Таких солдат надо подальше от передовой, а то еще немцев заразим этой гадостью, хотя и у них своих вшей хватало.

Укротитель

Весь батальон связи отправили в тыл на отдых. Расположились мы в деревне, уцелевшей от боев. Прожарили обмундиро-

Виктор Зотеев.
Штурмовой
мостик
на реке Сож
в Белоруссии.
1984.

вание, намылись в бане. Сменили белье, поужинали, настелили на полу в хате соломы. Красота, как в раю! Ночью крепко заснули.

Вдруг я просыпаюсь от разорвавшегося рядом снаряда. Слышу ржанье лошадей, как они в испуге бьются о стены сарая. Надеваю шапку, сапоги на босу ногу и выскакиваю на двор. Одна молодая пегая лошадь сумела вырваться из сарая и испуганно металась по двору.

Я решил ее поймать, чтобы она не разбилась об изгородь и не сеяла панику среди остальных лошадей, оставшихся в сарае. Бегу за ней, догоняю уже у изгороди. А она, испугавшись меня во всем белом, вероятно, приняв за приведение, брыкнув, бьет меня с огромной силой задними копытами, как говорится, под дых. Я высоко взлетел в воздух и даже успел подумать, почему звезды мелькают внизу, рухнул лицом в снег. Моя шапка улетела в одну сторону, а сапоги в другую. Очнулся, пытался встать, но не сумел. На четвереньках дополз до двери хаты, открыл ее, меня обдало теплом, и я опять потерял сознание. Дверь раскрыта, ребята, от холода замерзнув, проснулись, бросились ко мне: «Что случилось?». Я им прошептал: «Лошади...». Одни солдаты стали успокаивать лошадей, другие — занесли меня в хату, положив на солому, прикрыли шинелью: «Спи».

Утром приходит старшина, ребята выходят на зарядку. Я лежу чуть живой, какая теперь для меня зарядка. Старшина, посмотрев место ушиба, покачал головой и говорит: «Лежи». Ребята нашли во дворе мою шапку и спрашивают: «А где твои сапоги?». Я махнул слабой рукой в сторону двора. Мои стоптанные солдатские сапоги нашли далеко за забором. Солдаты гуляют, на улице слышна гармошка, веселые разговоры. А незадачливый укротитель лошадей лежит и не может пошевелить ни рукой и ни ногой.

Вернулся старшина с фельдшером, тот тоже по званию старшина. Огромный рыжий детина, спрашивает: «Где тут у вас контуженный?». Да вот я, лежу на соломе. Не понравился он мне сразу, этот «коновал». Контужеными у нас называли солдат, которые что-нибудь сморозили по глупости. Подходит он ко мне: «Ну, показывай брюхо». Поднял рубашку: «Ого!». И ущипнул меня своими толстыми пальцами. Я заорал. «Ну, значит, жив, не помрешь, вот какой голос подал», — были его слова. И еще раз меня обидев, не оказав врачебной помощи, он отправился допивать самогонку: «Ну, лежи, оживай, а то позарился на кобылу, хотя в деревне женщин полно».

Надо же мне было проснуться от того шального снаряда, а я был зверь поспать. Несколько днями раньше при том наступлении мы заняли деревню, немцы ее не спалили, и дома стояли целехонькими. Все отделение связистов устроилось в одной хате. Проснулся я от страшного холода, рядом со мной никого нет. Нет и стены справа, а над головой висят доски потолка. Смотрю, все мои друзья сидят по углам. Я стал ругаться, почему меня не разбудили? А мне в ответ: «Ты что, такой грохот был, что и мертвый бы проснулся, мы и не думали, что ты дрыхнешь». Оказалось, что немцы специально оставили деревню целой, предполагая, что к ночи в каждый дом набьются солдаты. И тогда — тяжелыми снарядами вдребезги разбить эту заранее обреченную деревушку. Прошла неделя нашего отдыха, пора отправляться на передовую, а незадачливый укротитель лошадей все валялся на соломе.

Восточная Пруссия. 1945 год

Наши войска с боями двигались на север. Один за другим остаются города с неприличными для нас названиями: Вердмит, Мельзак. Среди заснеженных полей встречались небольшие немецкие хутора с домами в два этажа, похожие на крепости, окруженные добротными хозяйственными постройками.

Штаб дивизии остановился в одном из таких хуторов. Солдаты кинулись в подвал, сплошь заставленного соленьями и прочими припасами, в поисках бутылей со шнапсом. Меня шнапс интересовал мало, и поэтому я занялся разглядыванием незнакомых чужеземных хором. Кругом позолоченная лепка: на потолке, на стенах, вокруг окон и дверей, картины в ярких позолоченных рамах. На полу кучи бумаг из домашнего, впопыхах брошенного архива. Альбомы, письма, книги. Роюсь в этом бо-

гатстве в надежде найти лист чистой бумаги для писем. А если повезет, то и альбом с картинками или еще лучше - чистый для набросков в свободное время.

В комнату заходит Балабохин, увидев меня, начинает соображать, чем бы занять бездельничающего солдата. И пришла же ему под офицерскую шапку мысль, которую он выразил в приказе: «Зотеев, там сарай, сходи туда и посмотри, нет ли там спрятавшихся фашистов». «Есть, товарищ капитан, будет исполнено», – говорю. Отправился я к стоящему невдалеке каменному сараю. Поднимаюсь по крутой лестнице, автомат наготове. Оглядываюсь – темно, но вижу, что зашевелился кто-то в куче сена. Я кричу: «Хенде хох!». Вместо ожидаемого фашиста поднимается старик лет восьмидесяти, с послушно вздернутыми вверх руками. Одет он был, несмотря на февральский холод, в легкий серый заношенный пиджачок. Дрожит от холода и страха, косится на мой автомат. Хоть старика и жалко, а приказ исполнять надо. Показываю на люк: «Слезай».

Идем по двору. Стоит группа офицеров, среди них начальник дивизии связи – энергичный боевой офицер. В сторонке стоит Балабохин. Подвожу к нему старичка и докладываю: «Фашистов нет, есть только один старик». Мой комроты с пеной у рта как закричит на этого замершего до синевы испуганного немецкого деда. Гонит его со двора на улицу, где холодный ветер и снежная поземка. Старичок уныло поплелся к воротам. Старика мне стало жалко. Я, забыв, что он не понимает по-русски, кричу ему: «Дедушка, подожди!». Дело в том, что, когда я рылся в бумагах, то мне мешала большая меховая доха, я ее еще отбросил в сторону. Бросился я в дом, схватил эту доху и решил догнать старика. Но на пути к нему меня перехватил Балабохин: «Кому ее тащишь? Ах ты, предатель, изменник, фашистов жалеешь!». Выхватывает у меня эту доху, топчет ее ногами и кричит: «Бери автомат и стреляй». Я возмутился: «Старика-то, за что? Я с детьми, стариками и женщинами не воюю». Балабохин хватается за кобуру трясущимися от ярости руками, достает пистолет: «Да я тебя, предателя, сейчас пристрелю!». Что мне оставалось делать? Взвожу на боевой затвор автомат и направляю его в брюхо Балабохину. Двадцатилетнему солдату было легче умереть самому, чем идти и убить старого немца. Группа офицеров, стоявшая невдалеке, с интересом наблюдала эту сцену и, увидев, что дело принимает нежелательный оборот, встревожилась. Начальник дивизии, непосредственный командир Балабохина, крикнул с гневом: «Прекрати, солдат прав!». И нажил я с тех пор в лице своего командира роты лютого врага.

Виктор Зотеев.
Листопад. 1996.

Художник Денис Октябрь стал победителем конкурса фотографии, проводимого арт-галереей «Открытое небо» по версии журнала «Барнаул-литературный».

Дмитрий Золотарев

Денис Октябрь

Денис — один из Октябрей, известной барнаульской семьи художников. Он и сам известный живописец и график, которому всего-то за тридцать.

Известными людьми не рождаются, а становятся. Денис Октябрь — своеобразная художественная личность. Не только популярная, а отчасти даже легендарная. Легенда своего поколения в среде молодых барнаульских художников. Чем он провинился? Чем прославился? Тем, что новый век и тысячелетие совпали со становлением и расцветом его таланта. Сначала была одна его выставка, потом другая, персональные и коллективные... Вполне объяснимая подростковая активность начинающего художника. Однако не ходить на его выставки тогда было невозможно.

Конечно, все можно отнести на счет пресловутого ожидания (мы всегда чего-то ожидаем: автобуса, конца света, чуда). Вот что писал автор этой заметки десять лет назад, комментируя одну из работ Дениса Октября 2000 года: «Очередная живописная «Лодка» художника стала лучшей работой, выразившей «исторические дни»: гребец направляет свой челн прямо вглубь картинного пространства; лодка уже вошла в таинственный темный прямоугольник, человеку осталось сделать лишь один взмах шестом, чтобы погрузиться в неведомое. Этот прямоугольник — аналог известного «Черного квадрата»».

Тайны так и остаются неразгаданными, а жизнь продолжается. Изменился сам художник, менялись и его работы, живопись, а также зрители. У художни-

ка появился интерес к графике, графическое видение перешло на живописные полотна. Интерес к фотографии стал самостоятельной составляющей творчества Дениса Октября. На смену символической неопределенности пришли конкретные поиски в изобразительном искусстве.

«Нулевые» годы, не успев начаться, слишком быстро закончились. Художник Денис Октябрь с немалым художественным и выставочным опытом вступает в следующее десятилетие... «Сны» (название его выставки) имеют свойство продолжаться.

Денис
Октябрь.
Полет.

Впервые театральный фестиваль «Сердце Азии» прошел в Барнауле пятнадцать лет назад – осенью 1995 года, организовал и провел его институт культуры (так он тогда назывался). В течение недели спектакли на нескольких площадках города показывали студенческие и молодежные театры из Барнаула, Бийска, Омска, Новосибирска, Тюмени, Улан-Удэ, Кемерова, Усть-Каменогорска.

Наталья
Юмашева

Радость сбывшейся мечты

*Театр ставит человека на цыпочки –
в условия преображения души.*

Театральная история Барнаула, по счастью, не сводится к одним лишь драмам непонятых творцов. И не один только заезжий Таиров создает Барнаулу добрую славу – видимо, заложившие основы барнаульской культуры горные инженеры, создав первый в Сибири театр, задали столь мощный импульс развития, что он по сей день нет-нет да и прорвется сквозь небогатую на события театральную жизнь Барнаула ростками то небанальных спектаклей, то неординарных инициатив «безумных» барнаульских театральных деятелей.

Такой яркой страницей театральной жизни Барнаула, без сомнения, стал фестиваль «Сердце Азии», который вроде бы совсем недавно был затеян для того, чтобы собрать вместе театральные школы. И еще так явственно кружат в глазах юбки водевиля, сыгранного тогда студентами из Улан-Удэ, и до сих пор щемит сердце от того, как барнаульцы (курс Елены Федоровны Шангиной) с песней выстраивались на авансцене жизнерадостной фотографией в васильевском «Завтра была война», а их героини еще не знали, каким будет это самое завтра... Но материалы фестиваля одним своим видом свидетельствуют, что все это уже достояние истории: фотографии черно-белые, Положение о фестивале отпечатано на пишущей машинке, в прикрепленной к нему смете – астрономические нули сумм. Один только чайный стол для жюри оценен почти в миллион. Экие прожорливые подобрались эксперты!

Но члены жюри, однако, не только чай распивали. Главный инициатор и бессменный президент фестиваля, Анна Ивановна Вахрамеева, говорит о них с большим теплом и благодарностью:

известные в России театральные критики, Марина Дмитриевская (Санкт-Петербург), Борис Цекиновский (Москва), Михаил Воробьев (Новосибирск), задали тон очень честного разговора о профессии. Ежевечерние обсуждения просмотренных за день спектаклей с самого первого фестиваля стали уникальной школой для многих педагогов театральных вузов.

Еще один замечательный театральный деятель определил тогда не только атмосферу, но смысл и кредо фестиваля – это Нелли Дугар-Жабон. Сейчас фестиваль носит ее имя, а тогда, в девяносто пятом, Нелли Петровна не просто вела мастер-

классы на «Сердце Азии», а была его душой. Преподаватель пластики в Восточно-сибирской академии культуры и искусств, она была известна далеко за пределами Улан-Удэ. Зная в совершенстве методику Станиславского и Михаила Чехова, она владела восточными психотехниками. В их соединении и родилась ее авторская методика психотренинга.

— Дугар-Жабон еще тогда заглянула в XXI век, — говорит Анна Ивановна. — Кто такой режиссер? Сейчас он все больше толкователь и организатор. А Станиславский говорил, что философ и нейрофизиолог. Нелли Петровна была именно философом и нейрофизиологом. В ее совершенно уникальной методике дыхание, слово и движение объединены. Она знала природу человека и мыслила человеком совсем иначе, нежели все мы. Предположим, тебе надо сыграть старика. Работая с тобой, она предлагает какие-то звуки, жесты, и в тебе моментально рождается иероглиф старости. Ты ни в кого не превращаешься, нет эксплуатации души актера, нет тирании над его чувствами. Нелли Петровна говорила: «Вы знаете двадцать, ну, может, сорок человеческих состояний, а их тысячи. И постигая их, ты открываешь в себе космос».

Методика (или правильнее сказать — философия) Дугар-Жабон ответила тогда на самые насущные вопросы фестиваля. Потому как родился он из проблемы — проблемы мировоззренческого вакуума. Идеологические ориентиры были потеряны. Человек, который прежде принадлежал обществу, социальному строю, производственному коллективу, вырвался из тисков. Но кому он стал принадлежать в этой обретенной свободе? Земле? Космосу? Вечности? Самому себе? Была острая потребность понять, каким же теперь должен быть герой театра? Какие проблемы он должен решать? В каких формах это все должно выражаться?

Потому и возник рериховский образ сердца Азии — глубинной, непознанной и сокровенной силы. «Когда индийские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; так же и с сердцем Азии», — писал Николай Рерих в своем «Сердце Азии». Кроме того, вдруг выяснилось, что Барнаул находится в самом центре Азии — значит, он и есть то самое сердце, в котором (как сказано в Положении) «многослойная информация древнего символа, способного дать импульс для нового витка возрождения культуры, творчества. Нового витка, утверждающего творчество как созидательный акт жизни, созидующего гуманистические идеи человека XXI века».

— Было необходимо осознать перспективу в некоем едином событии. Понять, где ты оказался? Что это за время? Куда современная волна искусства вынесет, что останется, а что тут же смоеет? Осмыслить это можно было именно на почве молодежного театра, ведь молодежь несет время — уже хотя бы своим лицом, своими предпочтениями, своими жестами и интонациями. И выяснилось, что отклик нашли очень простые, очень душевные вещи. А что-то выморочное, рожденное в каких-то умственных потугах, отсеклось, отпало.

Для того чтобы организовать эту лабораторию духа, безумцам, задавшимся трансцендентальными вопросами, пришлось по самую маковку окунуться в решение приземленных материальных вопросов. Какие-то средства, правда, выделил институт. Существенно помог и студенческий профком вуза. Но значительная часть денег была получена в качестве спонсорской помощи. Гордая и независимая Анна Ивановна обошла тогда с протянутой рукой едва ли не все фирмы города. Сейчас она говорит о встреченных тогда замечательных людях, о помощи и понимании — видимо, время несколько смикшировало тот негатив, который обильно чередовался с пониманием и участием, и даже, пожалуй, их превосходил.

Особые чувства у Анны Ивановны к коллегам, к заведующей кафедрой режиссуры Елене Федоровне Шангиной, которая как свою восприняла безумную, на первый взгляд, идею и на равных впряглась в ее реализацию. Очень много сделали коллеги по кафедре, которые, в общем-то, в силу творческого характера профессии, отнюдь не спетый, слаженный хор, а коллектив солистов — неповторимых индивидуальностей. Не может без восторга говорить Анна Ивановна про директора Театра кукол Галину Яковлевну Шнайдер:

— Это было просто какое-то чудо! Я пришла и просто спросила: можно у Вас про-

вести фестиваль? И она так же просто ответила: можно! И Театр кукол стал главной сценой «Сердца Азии».

Несмотря на столь горячую поддержку, второй фестиваль произошел, как тогда казалось, очень и очень нескоро — через четыре долгих года. Он расширил свою географию — стал международным: в фестивале принял участие Синь-Цзянский институт искусств из Китая. Какие-то традиции, пунктирно намеченные на первом, на втором утвердились и стали форматом мероприятия. Какие-то мировоззренческие ориентиры получили развитие и поддержку. Именно тогда фестивалю было присвоено имя Дугар-Жабон, ушедшей из жизни незадолго до его начала. Именно тогда единодушно и жюри, и зрители бесспорным лидером фестиваля признали виртуозный пластический спектакль «Мотыльки», поставленный учеником Нелли Петровны — Игорем Григурко. Это завораживающее действие без единого слова рассказывало о душе, которая, оказывается, свободно и полно выражается в жесте, позе, мимике, ритме. И тогда казалось, что фестиваль состоялся и устоялся. Состоялся не просто как единичное мероприятие, а как явление, органично живущее в нашем городе и периодически повторяющееся с той же неизбежностью, что времена года или полнолуния.

Однако до следующего, третьего фестиваля прошло десять лет. И если бы не грант Министерства культуры, то его бы и совсем, вероятнее всего, не случилось бы.

Но оказалось, что от долгого перерыва не разрушились основы фестиваля: столь же откровенным, по гамбургскому счету, остался разговор жюри с режиссерами-педагогами. Таким же упорным был интерес зрителей, переполнявших залы. И самое главное, таким же мировоззренчески напряженным был диалог театральных школ.

— Мы изначально ставили задачу: понять, существует ли сегодня национальная театральная школа? Каковы пути ее развития? — рассказывает Анна Ивановна. — И я для себя ответ на этот вопрос получила — благодаря студентам из Якутии. Арктический институт искусств и культуры показал «Мещан» Горького. Вы понимаете — это был синтез русского психологического театра и национального. Дело не в каких-то фольклорных, мифологических мотивах, не во внешних атрибутах, а в национальном мировоззрении — поведение героев, мотивация их поступков были решены через национальный характер, через ценностную шкалу народа. Когда, скажем, уважение к старшим — это не просто поведенческий элемент, а то, на чем держится народ, его самосознание, социальное устройство. Это ювелирная работа по сохранению национальных традиций — глубинных, истинных. И на сцене уклад, духовная основа прорастает в лучших традициях психологического театра. Это явление потрясающей красоты, изящества, совершенства.

Подобное тому, что мы в девяносто девятом году увидели у бурятов в «Мотыльках», там тоже все очень органично срослось: современная изящная картинка, проникнутая внутренней свободой, и непоколебимый внутренний ритуал, основанный на буддистском мировоззрении. И Вы знаете, что изумительно? «Мещане» шли на якутском языке, которым, естественно, никто в зале не владел, а драматургию Горького молодежь знает еще хуже, чем якутский язык. Но ведь все смотрели как замороженные! Затаив дыхание! Вообще, хочу сказать, нет ничего краше и очаровательней, чем зал, который сидит весь с одним выражением лица — тревоги ли, умиления ли, грусти ли. Это, знаете, радость сбывшейся мечты. И на «Сердце Азии» это было.

Неблагодарное занятие — строить прогнозы, когда случится четвертое «Сердце Азии» — слишком от многих факторов это зависит. Но коль уж существует столь гигантская потребность в диалоге театральных школ — а об этом говорят все педагогические участники фестиваля — коли создан такой великолепный, как теперь принято выражаться, бренд, неразрывно связанный с Барнаулом, который раскинулся в самом сердце Азии, то, как было бы замечательно иметь фестиваль в качестве прочной барнаульской достопримечательности. Стабильной, как времена года или как фазы полнолуния. Имеющий свое неповторимое лицо и в то же время вписывающийся Барнаул полноправным членом в театральное сообщество. Тогда бы, глядишь, его перестали воспринимать как город, с завидной регулярностью изгоняющий талантливых режиссеров.

Владислав
Пасечник /1/
Владислав
Воробушкин
/2, 3, 4/
Иван Акаев /5/

Скопидомы и растратчики

1. Владимир Ильиных. Максимов колодец, Бийск. - 2008; ■ Спроси свое сердце. - Бийск, 2010.

Круг алтайских литераторов узок, и это само по себе располагает к тому, чтобы личность каждого писателя и поэта рассматривать по отдельности. Писатель писателю рознь, есть среди них те, кого называют творческой элитой, литературным бомондом, есть и те, кто просто находит в сочинительстве отдушину, украшение своих будней, средство выразить свой жизненный опыт. Прозаика Владимира Ильиных справедливо можно отнести ко второй категории писателей. Живет Владимир Ильиных в селе Быстрый Исток, в настоящий момент он на пенсии. Печатался в журналах «Встреча» и «Барнаул». В течение трех последних лет опубликовал два сборника рассказов – «Максимов колодец» (2008) и «Спроси свое сердце» (2010).

К достоинствам автора можно отнести отсутствие завышенных амбиций, его существование в литературном пространстве лишено избыточной драматической окраски, он не ставит себя в позицию непризнанного гения.

Выбранная Ильиных тематика хорошо знакома алтайскому читателю – сибирская провинция, противостояние города и деревни, работающие люди старой закалки – крестьяне, сельские учителя и врачи, с неразрешенным и невысказанным жизненным вопросом в душе. Очевидно, что автор описывает увиденное и пережитое и герои его рассказов – близкие и знакомые ему люди из соседнего двора-села-города. При всей предсказуемости выбранной тематики, при всей ее простоте автор радует читателя интересными аллюзиями. Здесь в качестве литературного примера можно привести рассказ «Астрахань», в начале которого чувствуется отсылка к лиричной прозе Паустовского. Сюжеты по-житейски просты и строятся по избитой формуле: «Был с N такой случай...».

Владимир Ильиных, как и вечный Фима Рахлин, пишет исключительно о хороших людях. Это, пожалуй, его главный недостаток как писателя. Отсюда все ключевые проблемы текста: герои несколько пастеризованы, прозрачны и просты. У них нет изъянов, а значит, и приметных качеств, они не взаимодействуют между собой, в рассказах отсутствует внутренняя механика конфликта. Каждый персонаж появляется, произносит монолог и удаляется в небытие.

Зачастую тексты не имеют сюжета как такового, автор просто хочет поведать о каких-нибудь людях, не выстраивая событийного ряда, не прописывая внутренний конфликт. Типичная позиция автора — это взгляд отстраненного наблюдателя. Впрочем, иногда, местами спокойное и ровное повествование все же сменяется бурной рефлексией о прошедшей молодости, утерянной советской эпохе, потрясениях, постигших страну в последние десятилетия.

Также автор оставляет за собой право, подобно *deus ex machina*, вмешиваться в судьбу персонажа. Вполне ясно, на что рассчитывает автор, «умерщвляя» своих героев, — смерть происходит внезапно, без лишних слов, и подается как данность. Видно, что автору захотелось покончить с персонажем именно здесь и сейчас. А значит, смерть для героя — желанное облегчение, встречаются они ее достойно, подводя итог своего земного существования — выкопав на участке колодец, устроив в жизни детей или подстрелив последнюю в своей жизни дичь, словом, отыграв свой «случай до конца». Растрогать читателя не удастся, потому что герой, не существовавший на протяжении всего повествования как живой человек, а только как схематичный N, с которым «произошел один случай», умереть по определению не может. Поэтому и смерть получается не настоящая, бутафорски театрализованная.

Исключение составляет разве что жизненный финал Максима Федосеева из рассказа «Максимов колодец». По драматизму он приближается к сцене смерти героя «Татарской пустыни» — Джованни Дрого: «Во время этих приступов он видел себя молодым конником генерала Доватора, в стремительной лаве несущимся вместе с товарищами на врага. <...> Происходящее сейчас мужчина воспринимал удивительно спокойно, как бы глядя на себя со стороны. Словно самое важное и главное дело напоследок им выполнено». К сожалению, в рассказе образ Максима Федосеева прописан также довольно скупо, и драматизм сцены, возникнув из ниоткуда, — в никуда и уходит.

Некоторые авторские фразы удивляют своей безграмотностью. Чего стоит такое предложение: «У парнишки, направившего на него незаряженную (теперь он знал это) берданку, вырвал ружье и повалил его на пол» («Житейская история»). Однако нельзя считать это только проблемой конкретного автора.

2. Игорь Хомяков. Ветры века выбирая встречу. Стихи. — Барнаул, 2010.

Трудно писать о книге, если автор не вполне разочаровал, но и не убедил в законности и цельности своего поэтического мира. Это не такой уж редкий случай. Борис Пастернак писал сорокалетнему Варламу Шаламову, отвечая на его стихи и письмо:

«Я склоняюсь перед нешуточностью и суровостью Вашей судьбы и свежестью Ваших задатков (острой наблюдательностью, даром музыкальности, восприимчивостью к осязательной, материальной стороне слова), доказательств которых во множестве рассыпаны в Ваших книжках. <...> Но пока Вы не расстанетесь совершенно с ложной неполной рифмовкой, неряшливостью рифм, веду-

шей к неряшливости языка и неустойчивости, неопределенности целого, я, в строгом смысле, отказываюсь признать Ваши записи стихами».

Случай Игоря Хомякова схож со случаем Шаламова. Хомяков – человек зрелый и пишет давно. В деталях, мелочах он – вполне художник:

*Бородой из сосуллек
Сток оброс, словно дед,
И шагнул на ходулях
По-над улицей свет.*

Или:

*Топит стужу вал зыбучий,
Вьюги выходка вольна.
Разметались, реют тучи,
И бледнеет в них луна.*

Однако стихотворений, составляющих художественное целое, у него почти нет. Его стихи можно урезать, склеивать – ничего не изменится. Самоуглубленный, сосредоточенный на себе, Хомяков не чувствует вычурности, нелепости, странности многих своих неологизмов (тщедушие, дум потаи, кровохлебка, не пустомеля (от глагола «пустомелить»), встреч (в значении «навстречу»). Чтобы понять их, нужна некоторая филологическая работа.

Тем не менее, в книге Хомякова есть четыре «вполне прекрасных», как сказал бы Зощенко, стихотворения – «Ах ты, бабушка, свет мой небесный...», «Войн ушедших ветераны...», «Вспомнились и стежки, и дорожки, / По которым в юности ходил...», «Оляпка» («То-то сердцу отрада / Быть в былинном краю»). Ученичество автора у Пастернака, Клюева, Есенина было бы любопытной, но излишней темой для рассуждений в этой короткой рецензии о способном и, в целом, самобытном поэте Игоре Хомякове.

3. Евгений Евтушевский. Во глубине сосновых волн – Барнаул, 2010.

Есть расхожее мнение, которое, к несчастью, разделяют некоторые поэты. Оно имеет очень авторитетного защитника, и спорить с ним трудно. Пушкин завещал поэту «глаголом жечь сердца людей» – и что же? Многие прислушались, но поняли слова законодателя русского стиха расширительно: «В поэзии нужно быть юродивым, кликушей, писать страстно, странно и на пределе пафоса».

Жечь сердца людей оказалось легче, чем писать понятно и правильно. Вольно идти путем Пастернака, Бродского и Жданова – они писали «вздор», значит, и нам можно?

*Зазеркалье истинного смысла –
Суть воды. Но где «та» сторона?
Вы не опустились сверху, листья –
Вас исторгла речки глубина.*

Автор этих строк знает, что листья падают с деревьев, но ему хочется, чтобы было наоборот, ведь поэзия – это «мир возможного». Что ж...

Новая книга Евгения Евтушевского со-

держит несколько безупречных стихотворений, которые хочется выписать и заучить наизусть:

*В ласковый день пожелтевшего лета
влажным теплом улыбается лес,
сонных берез золотые монеты
перемежаются синью небес.*

.....
*В ослепительном сиянии
из голубизны небес
белоснежным одеяньем
хрусталя искрится лес.*

Тем более печально, что автор предпочитает включать в книгу вещи, мягко говоря, заумные и шуточные. Его не удовлетворяет роль скромного пейзажиста, ему хочется большего:

*Неповторимая интуитивная
мощь, разрывающая меня изнутри,
душу пластающая без пол-литры вмиг
в ритмы, звенящие слитными рифмами,
чувственностью пропитанными,
дрожью подкожною.
Без осторожности
выстрелить в божий мир
стих отморозенный,
можно мне!*

Верно — если ты пишешь скромную описательную лирику, никто не поверит, что ты настоящий поэт:

*На мормышках зябнет мотыль,
ожидаящий клевок,
вожделенным взглядом кто-то
раздражает поплавок.*

Нужно «рвануть на груди рубаху» (смотри выше) или оглушить неожиданными аллитерациями:

*Эхом снега в пустой голове
Невесомо кружат кружева...*

Пусть провинциальной публике безразлично, как написано то или иное стихотворение. Но почему поэт должен забывать заветы Аполлона? Никогда не мешает быть верным Пушкину в другом: верить гармонию алгеброй.

4. Иван Образцов. Квантовая лирика – Барнаул, 2010.

«Современная поэзия, источник ее существования — есть ли, вообще, смысл? Что делать и кто виноват — в принципе, понятно, а вот смысл, в чем он заключается? Вроде бы об этом пытаются говорить многие, но многие ли пытались об этом думать?»

Это подлинная цитата из книги Ивана Образцова «Квантовая лирика» — сборника стихов и прозаических отрывков. Молодой автор размышляет о судьбах поэзии и предлагает собственные ее образцы. Достоинство его стихов — неподдельный лиризм, которого не хватает многим профессиональным поэтам.

*Если сможешь, ответь полуночным проспектам,
где дома, напрягаясь, заплачут навзрыд:
дежавю и билеты из детства и лета,*

и еще sms «Оплатите кредит».

.....
Открою тебе одну тайну, простую до боли, —
что вечность — лишь миг по сравнению с мигом
разлуки.

К сожалению, настоящего успеха Иван Образцов добивается редко. Большинство его стихов вялы, растянуты и наполнены комическими трюизмами:

*Я ломаю зубы
об орехи истин.
Мне бывает грустно,
бывают мысли.*

Он может удачно подражать раннему Маяковскому:

*Плачете по кому-то, кого-то вечно спасаете —
о себе лучше поплачьте, благодетели.
Вам ли говорить про Христа
и быть его слов свидетелями!*

.....
*Вам ли говорить о Христе?!
Мне ли?!
Наши дети распяли голубя на кресте
за гаражами на прошлой неделе!*

Бродскому:
*Если кто-то в хлорку
добавил воду,
значит, в этом смысл
водопровода.*

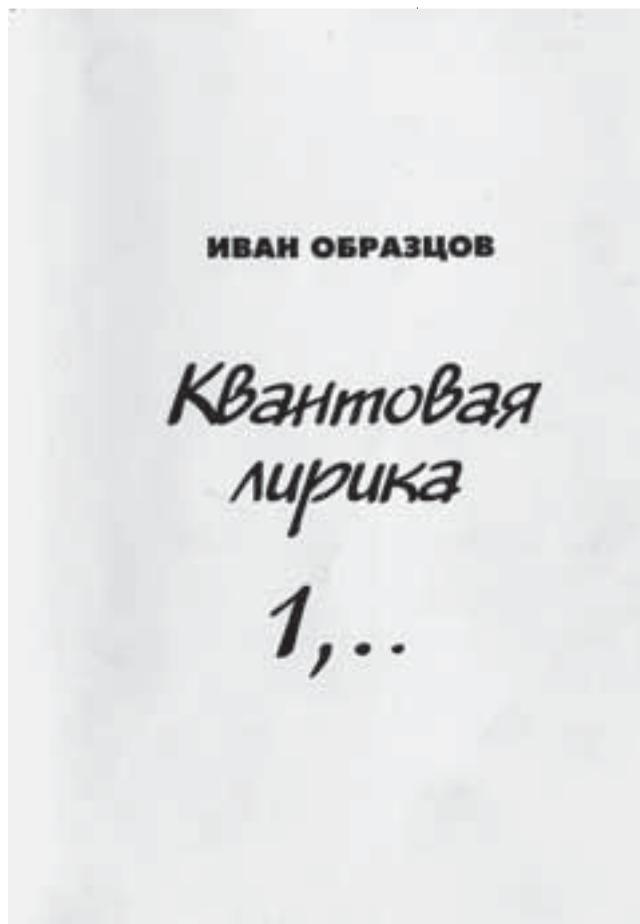
Собственная его манера — избыточно метафоричная — имеет серьезные изъяны, среди которых неточность выражений — еще не самый худший порок. Николай Клюев говорил, что идеальный размер лирического стихотворения — 16 строк. Надеемся, что Иван Образцов позаимствует у классиков не только особенности их манеры и стиля, но и метод обращения со словом — лирическую экономию. Тогда он из подражателя превратится в ученика, что откроет ему дорогу к настоящему творчеству.

5. Константин Гришин. Красноармейский проспект. - Барнаул, 2010.

Эта совсем тоненькая книжка (первая у 25-летнего автора) стоит особняком среди прочих опусов барнаульских стихотворцев, выпущенных в последнее время. Многие из упомянутых книг совсем неплохи, некоторые — превосходны (например, сборник Николеньковой), но все же у Гришина мы видим нечто иное. Автор дает нам образец бережного, сосредоточенного отношения к миру, поэзии, своему дару в нем и в ней.

*Красноармейский проспект.
Мы, торопясь,
Пересекаем рельсы.
Всегда бесила
Перспектива упасть.
Безобидно бранясь,
Закуриваешь сигарету, зная, как ты красива.*

Для понимающего человека — эта скромная картинка многого стоит. Вот на таких понимающих Гришин, судя по всему, и рассчитывает. Не знаю, сознательно или

нет (скорее все же да) он в качестве образца берет первый сборник Федора Годунова-Чердынцева, персонажа набоковского «Дара». Помните, какая характеристика была бы счастьем для Федора — «Стратегия вдохновения и тактика ума, плоть поэзии и призрак прозрачной прозы»? И как он не дождался ничего подобного? И как пристально Годунов-Чердынцев вглядывался в свое детство? Касается это в полной мере и Константина, немало строк, в частности, посвятившего и своему детству, и просто миру с точки зрения ребенка. Иногда и прямо набоковская интонация проглядывает:

*Почему я, веселый обманщик,
Милый сплетник, хвастун. Балагур,
Открываю заветный карманчик
Моей памяти — будто шарманщик
Петь задумал, как мудрый авгур?*

Гришин из тех поэтов, которые предпочитают не сказать ничего, нежели сказать лишнее (читай — проговориться). Все его стихи, как правило, укладываются в 8-12 строк. Все его эпитеты минималистичны, его эмоции дозированы и лиричны, в общем, абстрактно. Самое же главное, что все это создает вполне стройную систему мировосприятия. Как в этом стихотворении «Ледоход», состоящем всего-то из четырех строк.

*Наши встречи в холодном апреле,
Наша молодость и стихи...
Ледоход в начале недели —
Как прощение за грехи.*

Что это за мировосприятие? Его негативной стороной является робость, позитивной — своеобразное скопидомство, сохранение и рачительное использование каждой золотинки, найденной вовне ли, в себе ли самом. Пожалуй, робость следует признать излишней, ученической и пожелать автору ее преодолеть. Ведь казаться не таким как все (даже в литературе) — это натуральный снобизм, довольно тяжелый грех для современного автора. Не так даже тяжелый, как неприличный. Упаси Бог Константина от такой заразы! А вот бережливость — это черта истинного филолога, не только по образованию, но и по призванию. В качестве примера можно (опять же, полностью) привести едва ли не лучшее стихотворение сборника.

*Умеющий различать женские голоса
Способен на многое. Чай и колбаса
Его не интересуют. В толкотне на вокзале
Ему гораздо милее булочка и самса.
Я знаю, как ты скучаешь. Иногда чудеса
На Гвардейской возможны, но будут в тягость.
«Сядь спиной», «отвернись» или «закрой глаза».
Подчиняюсь тебе, потому что я гость.*

Молодости свойственна и прощительна некоторая разухабистость, поэтому, кажется, Гришина, всего этого напрочь лишенного, его сверстники в хороших поэтах не числят. Это, конечно, напрасно. Но вопрос, сумеет ли он открыться миру — или, что то же самое, впустить этот мир в себя, сохранив и индивидуальности, и особенно стиля — то есть, сделаться поэтом хорошим по-настоящему — разумеется, открыт.

В Выставочном зале Союза художников проходила персональная выставка самого известного барнаульского графика последних десятилетий Александра Потапова «Ступеньки».

По ступенькам вверх

Дмитрий
Золотарев

Широкую известность Александр Потапов получил еще в советское время, о нем писали даже московские искусствоведы. Начало нового века тоже не обошло его стороной, он был успешным участником одного из красноярских биеннале современного искусства. Выставка в СХ посвящается 70-летию художника.

Экспозиция выставки раскрывается не в спектре жанров, а в разнообразии графического искусства. Самые ранние графические работы — о трудовых свершениях советских тружеников, а потом... сплошная сказка. «Сказка» — это такой авторский жанр, выраженный в национальной форме лубка. Лубок — это не комикс! И не только потому, что в комиксе много картинок, а здесь — всего одна, но зато родная и любимая. Своими корнями он уходит в древние времена. Лубок — печатная народная графика, местами поучительная, то — задорно-веселая, шутивно-юморная, скоморошески потешная.

Александр Потапов возрождал и разрабатывал лубок на протяжении последних трех десятилетий. Он даже вывел свою емкую формулу искусства, в которую помещаются и сказочные иллюстрации, и русские пословицы и поговорки, и история последних десятилетий. Особенно плодотворно автор поработал над историями 1990-х годов. Вот уж, действительно, достойный материал для осмеяния. Художник даже написал большую картину «Россия — век XX», где представил всю ее историю, начиная с Николая II и заканчивая Б. Ельциным, разумеется, в лубочном формате.

Выставка, посвященная круглой годовщине художника-графика, подразумевала определенный итог. Однако неугомонной авторской натуре не сидится на месте. Выставочная экспозиция включила и совершенно новые, экспериментальные работы. Александр Потапов стал писать графические работы в технике батика на ткани. Батик больше известен как типично дамская техника, но попади она в руки настоящего художника! Большое панно «Георгий Победоносец» стало настоящим украшением выставки. Казалось бы, кого сейчас удивишь подобным каноничным сюжетом. Однако если приглядеться повнимательнее, головка-то у Георгия набок, глазки полуоткрыты, тычет он Змея Горыныча, трехглавого, окаянного. Пока примется за следующую голову, прежняя-то и оживет. Устал Георгий трудится он, как Сизиф. А Горыныч-то шерится, весело ему. Вот такая нерадостная картина вечной борьбы добра со злом получилась.

Графические работы дополнены авторской живописью («Скоморохи», «Этот День Победы!»), которая также следует за выбранными национальными ориентирами.

Александр Потапов.
Автопортрет. 2010.

В этом году в Омском областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля проходила выставка художников Е.Л. Коровай и М.И. Курзина.

Выставка двух художников

Елена Людвиговна Коровай (1901–1974) и Михаил Иванович Курзин (1888–1957) – одни из самых известных художников, связанных с Барнаулом. В барнаульский период жизни, на рубеже 1920-х годов, они были супругами. Живописцы были близки идеям и практике русского авангарда (Михаил Курзин и Владимир Маяковский совместно работали художниками). Благодаря М.И. Курзину и Е.Л. Коровай, их инициативе, в Барнауле возник очаг современного искусства. В последние десятилетия особенно возрос интерес к творчеству М.И. Курзина. Например, вот что писал в начале этого года один из борзописцев мартовского журнала «Артхроника», оценивая выставку «Туркестанский авангард»: «Среди атрибутов старого Востока особенно популярна была паранджа, под взглядом Михаила Курзина превратившаяся в «черный квадрат»...».

Работы из Омского изобразительного музея принадлежат как раз к барнаульскому периоду их творчества. Туда они попали от омского художника В.И. Уфимцева, который привез их от самих авторов (ему принадлежат крайне любопытные воспоминания барнаульской культурной жизни начала 1920-х годов). Живописные и графические работы двух художников безупречны по своему происхождению и являются в своем роде образцовыми произведениями изобразительного искусства.

Омский областной музей изобразительных искусств впервые представлял целую коллекцию работ двух барнаульских художников. Коллекция не велика: три натюрморта Е.Л. Коровай, наиболее известны из них натюрморты с куклами, и три работы М.И. Курзина. Две из них – гротескные портреты, а третья графическая работа

принадлежит к знаменитой серии китайских зарисовок. Михаил Курзин был страстным путешественником. Он посещал Китай, Кавказ, а Среднюю Азию выбрал местом своего проживания.

В Барнауле сохранились единичные работы этих художников. Поэтому для специалистов и искусствоведов интересна любая подлинная работа, а тем более – аутентичная коллекция.

Данная выставка важна не только тем, что в широкий оборот вводятся неизвестные произведения художников (с работами М.И. Курзина и Е.Л. Коровай можно ознакомиться на сайте музея), но и тем, что барнаульский культурный контекст давно перешагнул городские границы.

**Елена Коровай. Кукла.
Начало 1920-х.**

В галерее «Бандероль» проходит персональная выставка Николая Зайкова «Лица».

Взгляд славы

Девять лет назад молодой Николай Зайков начинал карьеру профессионального художника, сейчас он — настоящий мастер своего дела. Его новые работы всегда выставляются на многочисленных художественных мероприятиях, проводимых Союзом художников (яркий тому пример — последняя юбилейная выставка), а некоторые произведения достигают столичных вернисажей. Его работы — портреты, натюрморты, виды Петербурга — не перепутаешь с картинами других барнаульских художников.

Конечно, «виной» тому его оригинальное образование, полученное в Новосибирской архитектурно-художественной академии. Однако не только образование красит человека, а некий внутренний стержень, желание достичь новых вершин в искусстве. Этот вечный огонь искания мы и наблюдаем в творениях Николая Зайкова.

Портретная выставка в Барнауле — это всегда небольшая сенсация, а персональный проект Николая Зайкова стал настоящим художественным событием. «Лица» — это портреты, выполненные за последние годы. Несмотря на устойчивый джентльменский набор художника (монументальное начало, крупный формат произведений, локальный цвет, сильное влияние графического искусства, схожая смешанная техника), все работы получились разными, индивидуальными. Амплитуда его таланта велика, достаточно сравнить ранний типичный портрет, изображающий его учителя — новосибирского живописца М. Обмыш-Кузнецова, с поздними заказными изображениями — портретами девушки Жени. Гиперреалистический метод, культивируемый Зайковым, иногда усложнен мистическим содержанием. Вот «Слава», то ли конкретная девушка, то ли аллегорическая фигура: фрагмент женского лица почти полностью скрыт за огромного размера затемненными очками, в которых отражается фрагмент мастерской. А в фигуре художника, попавшего в фокус, узнается сам виновник торжества — Николай Зайков.

Николай Зайков также известен своими автопортретными изображениями. Собственно, из автопортретов (прямо какая-то идея Возрождения) и вышло все его дальнейшее творчество. На данном проекте они не преобладают, что, впрочем, не исключает организации в будущем специальной выставки.

На редкость успешная выставка, удачливый художник, которому если и хочется что пожелать (в рамках заявленного жанра), то — заказчиков, которые не поленились бы заглянуть в отражение, даруемое славой.

Галерея «Открытое небо» представляла персональный проект Татьяны Зяблицевой «Пилигримы Атлантиды», который также читался как «Мы – атланты».

Новое алтайское фэнтези

Татьяна Зяблицева – недавняя выпускница Новоалтайского художественного училища. Ее первые самостоятельные работы были выполнены в анималистическом жанре (не самый популярный жанр у барнаульских художников). Эти произведения не принесли большого успеха автору. Сейчас художница представила оригинальный и зрелый проект на тему алтайского фэнтези.

Графические и живописные работы свидетельствуют о профессиональном росте художника. Интерес вызывает тот факт, что все представленные работы не являются иллюстрациями какой-либо известной истории или легенды. Сказочный мир был придуман самой Татьяной Зяблицевой. После поездки в Горный Алтай ей стали сниться таинственные сны, которые поведали ей о параллельном мире, полном тайн, неведомых животных и загадочных обитателей с разветвленной иерархией. Горный Алтай – не самое простое место на земле, туда приезжал великий местериарх Рерих (он именовал всем известную Белуху горой Сумеречной).

Свои версии мифопоэтического творчества ранее встречались и у других барнаульских художниц (И. Рудзите, Т. Уманец). Возможно, история, рассказанная художницей, больше похожа на сказку или грамотный пиар-ход. Однако намного важнее то, что Татьяна Зяблицева, как автор, абсолютно справилась с поставленной задачей: чрезвычайно убедительно, если хотите, достоверно, визуально выразила свой мир. Так что всем известное «Открытое небо» стало похоже на некую вневременную постройку, напоминающую гробницу: ленточный фриз из живописи и графики, мерцание позолоты работ, сюжетные линии и деяния незнакомых героев и богов.

Впрочем, у творчества Татьяны Зяблицевой есть один громадный недостаток, у него не может быть продолжения, так как идея развития была полностью исчерпана одной выставкой. Стилизованные пейзажи с прогуливающимися экзотическими животными вряд ли вызовут повторный интерес. Должна возникнуть новая конфликтная ситуация в искусстве. Но что тогда останется от прежнего, такого красивого застывшего мира? Возможно, Татьяна Зяблицева проявит себя в дальнейшем, иллюстрируя в свободной манере известные фантастические литературные произведения в жанре фэнтези.

Паломничества выставка не вызвала, будничная жизнь города продолжилась.

Татьяна Зяблицева.
Обряд. 2010.

Принцесса.
2010.

Диалог.
2010.

Татьяна
Зяблицева

